

К 1478754

roc

Татьяна Андреева

ВОЛОГОДСКАЯ БЫВАЛЬЩИНА

Вологда
2014

Татьяна АНДРЕЕВА

ВОЛОГОДСКАЯ БЫВАЛЬЩИНА

Вологда
2014

УДК 821.161.1(470.12)-3

ББК 84(2Рос-4Вол)-4

A65

Андреева Т. А.

А65 Вологодская бывальщина: [рассказы] / Татьяна Андреева. –
Вологда: Киселев А. В., 2014. – 312 с.
Для лиц старше 18 лет

ISBN 978-5-902579-65-6

Татьяна Андреева — автор книги мемуаров «Прощай, XX век» (2010 г.) и книги стихов «Уходящее лето» (2012 г.).

Рассказы Татьяны Андреевой «Вологодская бывальщина» — это короткие невыдуманные истории из жизни вологжан и жителей Вологодской области в двадцатом веке. Автор собрала и пересказала множество весёлых, озорных и не очень, историй, которые передают дух времени, характер и особенности описанных в них людей. Татьяна Андреева старалась хотя бы отчасти передать особенности исчезающего вологодского диалекта и говоров северо-восточных районов Вологодской области, их неповторимую красоту и самобытность. Эта книга написана в основном о прошлом вологжан, о прошлом, без которого не бывает настоящего и будущего.

УДК 821.161.1(470.12)-3

ББК 84(2Рос-4Вол)-4

ISBN 978-5-902579-65-6

© Андреева Т. А., 2014

© Оформление. ИП Киселев А. В., 2014

Содержание

Предисловие.....	4
Глава I. Вологда и Вологодский район	11
Глава II. Тарнога и Тарногский район	93
Глава III. Бабаево и Борисово-Суда	134
Глава IV. Грязовец и Грязовецкий район	150
Глава V. Нюксеница и Нюксенский район	184
Глава VI. Кичменгский Городок	212
Глава VII. Верховажье и Верховажский район	240
Глава VIII. Другие районы Вологодской области.....	267
Эпилог.....	310

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предо мной лежит почти готовая книга, и кажется, что мне удалось сообщить ей «лёгкое дыхание», нечто неуловимое, но передавшееся рассказам, для написания которых я занималась нужным и интересным делом — поездками по родной Вологодской области, встречами, знакомством и разговорами с новыми людьми. Общение с ними окрашивало мою жизнь яркими красками, а их правдивые, часто весёлые и наивные, а иногда грустные, но полные жизненной энергии истории завораживали меня и трогали до глубины души. Даже драматические рассказы, преломившись во времени, звучали ностальгически светло и по-доброму. Эта книжка родилась в «волшебной стране» любви рассказчиков к своему прошлому и моей любви к ним самим.

И название к ней как-то сразу нашлось — «Вологодская бывальщина».

В моей домашней библиотеке есть книги глубоко почитаемых мною советских фольклористов начала прошлого века — Ольги Эрастовны Озаровской и братьев Б.М. и Ю.М. Соколовых. В начале прошлого века они собирали северный фольклор в местах осёдлости поморов, а также в Белозерском уезде Вологодской губернии, изучали сказки, бытописания, анекдоты и бывальщину, под которой подразумевали «всякий устный рассказ, сообщаемый слушателям в целях занимательности». Так первоначально и определились мои рассказы.

Окончательное решение в пользу «бывальщины» помог сделать Василий Иванович Белов. В его книге

«Лад» есть глава, посвящённая искусству народного слова. И хотя Василий Иванович иронично отзывался о фольклористах и собирателях, считая фольклор «бледным отражением» устного народного творчества, его рассуждения о разговорных жанрах совпадают с тем, о чём писали О.Э. Озаровская и братья Соколовы. Он выделял в устном народном творчестве разговор (искусство говорить), предание (свободное смешение реального и фантастического), бывальщину (невыдуманные рассказы), сказки и бухтины (народные анекдоты, сюжетные шутки, в которых здравый смысл вывернут наизнанку), а также пословицы, песни, причитания, частушки, заговоры, загадки и прозвища. О бывальщине В.И. Белов писал: «За пределами дома, на дорожном ночлеге, в лесной избушке (во время рубки леса или на сенокосной залоге), ночуя в сплавном бараке, на рыбной тоне, на богомолье, на ярмарке, в доме крестьянина, люди занимались бывальщинами «натодельно», то есть нарочно, для развлечения». Вот и мои рассказы — это бывальщины, занимательные, невыдуманные истории, основанные на устном творчестве вологжан и жителей Вологодской области.

Вологодская чистая и самобытная культура росла вдали от крупных городов и от иноземных государств на крестьянской почве и имеет крепкие народные корни. Она выражается, прежде всего, в православном мировоззрении, которое сохранилось в нашей генетической памяти и видна в деревянном зодчестве, в старинной одежде, которую до сих пор хранят в отдалённых деревнях, в речи: в сказках, песнях,

частушках и устных рассказах. Именно благодаря тому, что деревенский уклад жизни сохранялся в Вологде и области почти до восьмидесятых годов прошлого века, здесь до сих пор живы остатки этой культуры и того языка, который служил питательной средой для современного русского языка. Это вологодский диалект и говоры отдельных местностей, наиболее сохранившиеся в северо-восточных районах нашего края: в Тотьме, Тарноге, Верховажье, Нюксенице, селе им. Бабушкина, Никольске, Кичменгском Городке и в Великом Устюге.

Вологодский диалект стал исчезать с появлением в области телевидения. Оно сгладило особенности вологодской речи. Мало услышишь теперь «окающих» людей не только в Вологде, но даже в глубинке, ещё недавно сохранявшей и старинные русские слова, и церковные имена, такие как, Евлампия, Апполинария, Хариесса, Текуса и особенности произношения. Каких-то двадцать пять лет назад на севере и востоке области ещё «ёкали» («ницево», «цветоцки», «человек», «часто») и частили в разговоре (говорили быстро). Интонационный рисунок фраз напоминал интонации английской речи, падая в начале предложений с высокой ноты вниз, а затем снова высоко поднимаясь. На западе, например, в Череповце, «ёкали» («овча», «делаетча», «смотрicha»), в Бабаевском районе использовали не характерный для русского языка пассивный залог в глагольных формах («упадено было»).

Я не претендую на роль специалиста в области диалектологии, но пройти мимо исчезающей красоты родного языка не смогла и стала записывать

то, что слышала в разговорах, когда приезжала погостить в Тарногу. Подборка рассказов с элементами тарногского говора постепенно росла и заинтересовывала всё больший круг людей. Но, чтобы подборка превратилась в книгу, недостаточно одного района. Нужно было расширить поиск и записать как можно больше рассказов, отражающих и другие говоры.

К сожалению, не всегда удается сделать всё, что задумывает или желает человек. На сегодняшний день мне пришлось ограничиться поездками в Тарногский Городок, Нюксеницу, Грязовец, Бабаево (Борисово-Суду) и Верховажье. Там произошли самые интересные и плодотворные встречи, и я от всего сердца благодарю тех, кто согласился побеседовать со мной и открыть свою душу.

Сама Вологда – это неисчерпаемый кладезь нужной мне информации, ведь здесь живут представители всех районов области. Даст Бог, мне хватит сил пообщаться хотя бы с теми, кого я лично знаю.

В поездках и в общении с рассказчиками-респондентами мне приоткрылся незнакомый мир вологодской деревни, запечатлённый в отрезке времени от начала двадцатого века и до наших дней. Собранные рассказы выражены сочным народным языком, подчас грубоватым, но чистым и правдивым. Ненормативную лексику в народе до недавнего времени называли «картинками». Байки «с картинками» существовали в устном народном творчестве всегда, но, как писал В.И. Белов, «в атмосфере высокой народной нравственности», рассказываемые только

в мужской компании, они были «некой острой, отнюдь не обязательной приправой, добавкой». В конце двадцатого века и в наше время «картинки» встречаются чаще и употребляют их в речи не только мужчины, но и женщины. Есть они и в моих рассказах, ничего не поделаешь, живая речь — это живая речь. Я их, конечно, камуфлирую, заменяя похожими по звучанию словами или многоточиями, но суть их легко угадывается.

Что касается самих говоров, то, когда мне встречался рассказчик, полностью сохранивший в речи их особенности, я старалась записать его сообщение, как можно ближе к оригиналу, давая пояснения прямо в тексте. Однако таких сообщений наберётся не так много, как хотелось бы. Большая часть бывальщин пересказана мною, но так, чтобы сохранить дух времени, юмор и характерные черты рассказчиков.

Больше половины историй я написала о своих знакомых, друзьях и родных. Часто в их основе лежат события, происходившие в Вологде или в ближайших от города районах, например, в Вологодском районе.

Беседы даже со случайными людьми показали, что каждый человек может рассказать что-то необыкновенно интересное, не обязательно смешное, но и серьёзное, а подчас трагическое и даже героическое. Встречаясь с вологжанами разных возрастов и разных профессий, я поняла, что, так называемых простых людей не бывает. Каждый человек — «незнакомая звезда», прекрасная или ущербная, но звезда со своим уникальным светом, своими орбитами и своей силой притяжения.

Мои деревенские рассказчики неизменно вызывали у меня огромное уважение, сочувствие и любовь. Тяжелейшие условия жизни, почти бесплатный труд в течение всего двадцатого века не убили в них внутреннюю энергию и радость бытия. Для меня вологодский крестьянин – это внутренне свободный, благородный, природно-чистый человек, сознающий свою значимость и достоинство. Он обладает силой характера, юмором, умеет быть смелым и неунывающим даже в тяжёлых обстоятельствах. Он реагирует на общественные и политические перемены, примеривая их на себя и зная, что ничего хорошего ждать от них не приходится, с надеждой живёт и трудится дальше. Поэтому вологодский крестьянин, такой, каким он был в двадцатом веке, представляет для меня главный интерес и занимает центральное место в рассказах.

Самыми интересными рассказчиками были женщины и мужчины старшего поколения, родившиеся в десятых, двадцатых, тридцатых годах прошлого века, ещё питавшиеся сказками, песнями, частушками и преданиями, перетекающими из девятнадцатого в двадцатый век, носители знания прежней деревенской жизни, духовного и бытового опыта, известного мне только по книгам. К счастью, во всех районах области до сих пор есть центры традиционной русской культуры, которые многие годы собирают и хранят образцы одежды и утвари прошлого, умения и навыки их создания, рассказы о жизни известных в районах людей. В этих центрах, в газетах, библиотеках, местных музеях, домах культуры, школах работают в основном

женщины среднего возраста. Это неравнодушные, увлечённые, истинные ценители культуры своего края, многие из них творчески одарённые личности. Я либо находила респондентов в этих организациях, либо служащие в них люди давали мне адреса старииков, ещё помнящих прошлую жизнь и готовых поделиться воспоминаниями.

Об этих людях я расскажу в самой книге, обрамляя их истории короткими сообщениями о них самих. Пока же хочу выразить особенную благодарность моим тарногским друзьям: Людмиле Андреевне Поповой, Надежде Михайловне Юровой, Галине Александровне Угрюмовой, Галине Константиновне Мултасовой, Любови Пешковой, Галине Ленц. Без них этой книги не было бы. С благодарностью вспоминаю помочь, которую мне оказали в Грязовце Ольга Германовна Голубова и моя бывшая одноклассница Нина Лаврентьевна Пётрушкина. Хочу поблагодарить Ольгу Николаевну Дементьеву, которая подарила мне радость общения с Ниной Михайловной Рябковой, организовавшей все мои встречи в Борисово-Суде и в Бабаеве. Много тепла и помощи я получила в Нюксенице, и хочу поклониться Василию Ивановичу Мальцеву, Нине Владимировне Малафеевской, Людмиле Александровне Ланетиной и Евгении Николаевне Березиной. Отдельная моя благодарность Олегу Николаевичу Коншину и его коллегам из деревни Пожарище Нюксенского района. По Верховажью и Верховажскому району меня провела, а вернее провезла на машине, Ольга Андреева, коренная верховажанка, а её мама и сестра окружили заботой

и вниманием, навсегда оставив в моём сердце благодарную память.

С волнением и трепетом начинаю складывать книгу «Вологодских бывальщин» из написанного, собранного и обработанного мною материала...

ГЛАВА I

Вологда и Вологодский район

Вмнеет ли человек с годами? Возможно, если хочет поумнеть... В молодости Вологда казалась мне глухой провинцией, серой дырой, выморочным, навеки замороженным и тёмным краем земли. Сердце рвалось в неизведанные дали, чудилось, что там, за горизонтом, ждёт меня судьба, чудесные встречи, дело всей жизни. Прошло каких-то пять десятков лет — и оказалось, что лучше места на Земле, чем Вологда для меня нет, и не может быть. Но для того чтобы это понять, нужно было вырасти, приобрести профессию, проехать Вологодскую область вдоль и поперёк, увидеть, как она прекрасна, влюбиться в неё, побывать во многих странах мира и доподлинно понять справедливость

и мудрость старой истины: «где родился, там и пригодился». И хоть я родилась не в Вологде, но большую часть сознательной жизни провела здесь, проросла корнями в эту землю, много взяла у неё и, надеюсь, также много отдала и отдаю взамен.

Любой русский — в большей или меньшей степени духовный и одновременно мятежный по природе человек, часто не удовлетворён собой и обществом. Он постоянно ищет себя и своё место в жизни, страдает. Любовь «к родному пепелищу» и к «отеческим гробам» для него не пустые слова. Глубоко ложен запущенный кем-то миф о том, что все русские глупы, ленивы и постоянно пьют. Напротив, редко видевший достойную и сытую жизнь, русский человек выработал в себе какую-то особую сопротивляемость бедности, горю, злосчастью. В трудные моменты он сохраняет достоинство, не поддаётся унынию, но противопоставляет ему открытость, юмор, доброту, трудолюбие, умение сопереживать и помогать ближнему даже тогда, когда у него самого за душой нет ни гроша. Я убедилась в этом сама, когда ездила по Вологодской области, знакомилась и общалась с вологжанами.

Дорогой читатель, я начинаю представлять тебе бывальщины из Вологды и Вологодского района, поскольку считаю эти места духовным центром области, средоточием всего, что в ней происходит и витает в тонких сферах. Вот так.

Бывальщины, которые ты прочтёшь в этой главе, я написала сама или услышала от разных людей: сестры, мужа, маминых коллег-учителей, друзей и подруг, случайных собеседников и специально найденных респондентов. Многие просили меня не указывать их

имена и фамилии, я постараюсь сделать так, чтобы они остались анонимными. Но некоторые респонденты решили оставить свои имена в книге, их я тоже не обижу.

Серёжины рассказы

Несколько бывальщин рассказал мой муж Сергей Мухин, связист по профессии. Он много лет работал на областном предприятии связи, занимался телефонией, радио и телевидением и был знаком почти со всеми своими коллегами в разных уголках нашей огромной области. В молодости он был заядлым охотником и рыболовом. В историях о связистах, об охоте и рыбалке, о Вологодском районе он проявился ещё и как замечательный рассказчик.

Доброе слово

В начале апреля 2013 года Сергей собрался на родину, в свою деревню, где стоит столетний домишко трёх поколений его родных, в котором он вырос и где каждая кочка, травина и дерево ему дороги. Истинный крестьянский сын, он с нетерпением ждал весны, той поры, когда можно будет осмотреть свои владения, проверить, как там дом, огород, жив ли вечно пьяный сосед Тоха, Мужик неопределённого возраста, жив ли его старый пёс Малыш, которого нежно любит наша дочка Маша.

Сергей собирался основательно: снарядил сумку с инструментами, взял еду и долго стоял надо всем этим. Думал.

Я, глядя на него, спрашиваю:

- Серёж, волнуешься перед встречей с родиной?
- Конечно. Как на первое свидание еду! — отвечает он.
- Малышу подарки взял?
- А как же: пару косточек, прошлогодние консервы и старые сосиски.
- А Тохе что повезёшь?
- Доброе слово!

Надо

Тоха живёт в деревне всю жизнь. И почти всегда пьян. Сейчас он состарился, получает законную пенсию, которую полностью пропивает, кормит его старая мать. Правда, пьянство продолжается, пока не закончится пенсия. И друзья из соседнего посёлка ходят к нему, пока есть деньги на портвейн «Три семёрки», или, как его в народе называют, «Три топора». Портвешок самый дешёвый, а потому самый поганый. Однако забирает, а что ещё старому пьянице надо?

Когда кончаются деньги, Тоха остаётся со своими самыми верными товарищами — старым кобелём по имени Малыш и старой кошкой Муськой. С ними он разговаривает, им жалуется на жизнь и неблагодарных собутыльников, приправляя речь привычным, беззлобным матом. Малыш — старый, блохастый, запаршивевший от дурного обращения и плохой кормёжки, но умудрённый жизненным опытом и преданный пёс. Муська выглядит примерно так же, как Малыш, только к её достоинствам прибавляется почти

материнское отношение к Тохе.

В трезвом состоянии Тоха долго находиться не может, поэтому он созывает Малыша и Муську и, протягивая руку в сторону посёлка, громко кричит:

— Малыш, надо! На-а-до! — имея в виду, что ему надо идти в посёлок и надо выпить.

Они выстраиваются в цепочку: впереди идёт Муська, за ней тащится Тоха, замыкает шествие Малыш. Животные ведут Тоху через трассу и по проезжей дороге до самого магазина в посёлке. Там они ждут, пока Тоха выпросит у кого-нибудь денег или пристроится выпить к другим мужикам. После того как хозяин захмелеет, они ведут его домой той же дорогой. По пути он часто падает и засыпает на месте. Это случается и прямо на дороге и на трассе. Проезжающие мимо либо обезжают его, либо дают себе труд столкнуть его неподвижное тело в сухую канаву. Малыш и Муська садятся рядом и ждут, пока он очухается.

Странно, но за многие годы ещё не случилось, чтобы он замёрз во сне зимой, или кто-то наехал на него, или сбил, хотя трасса очень оживлённая. Бог бережёт для чего-то Тоху. Может быть, для того, чтобы Малышу и Муське было о ком заботиться?

«У Советских собственная гордость»...

Колька, отец Тохи, был таким же беспросветным пьяницей, как и сынок. Всю жизнь он работал на скотном дворе, убирал навоз. По вполне понятным причинам более серьёзной работы ему не доверяли.

Какой человек — такое у него и хозяйство. Дом облезлый и косой, крыльцо провалилось, огород запущен. Да и растёт в нём одна картошка.

У работающего соседа напротив хозяйство в полном порядке. Небольшой, но опрятный дом весной утопает в сирени, грядки на огороде сделаны по линейке, лужайки выкошены, словно бритвой. Осенью сосед регулярно собирает завидный урожай овощей, в частности картошки.

Как-то раз снедаемый завистью Колька подошёл к соседу и спросил:

— Не пойму я, Сашка, картошку сажаем одинаковую, в такую же землю. У тебя эвон, сколь опять наросло, а у меня — ни хрена! Может, у тебя какой секрет есть?

— Никакого секрета! Я весной под картошку прошлогодний навоз кладу.

Колька сморщился и гордо ответил:

— Мы с говна не едим!

Вот ведь граф выискался: всю жизнь говно убирал, а туда же!

(В вологодском диалекте и в говорах слово «говно» обозначает «навоз» и является обиходным).

В Караганде...

Тридцатилетние муж с женой, Юрка и Зинка, жили и работали в Вологодском районе. Они считались колхозной элитой: Юрка работал электриком, а Зинка — зоотехником. Дома держали разную живность: кур, петуха, пару коз и откармливали на мясо бычка. Как-то раз Зинка собралась в Кириллов, навестить мать. Юрке строго наказала:

— Смотри за быком, пои, корми вовремя и выводи пастьись. Вернусь — проверю.

Юрка остался один. Только Зинка за порог — на мосту (в крыльце) нарисовался сосед Колька.

— Уехала твоя-то? — спросил он и, получив положительный ответ, предложил отметить это дело. Вытащил из кармана поллитровку и крутанул её перед Юркиным носом.

— Видал, какой вьюн со дна пошёл, свежая, не отравимся, — хохотнул он и прошёл в горницу, по пути захватив на кухне стаканы.

Юрка промычал что-то для приличия, но долго сопротивляться не стал. Выпить хотелось, да и момент удачный: Зинки дома нет. Юрка во всей деревне выделялся высоким ростом и силой немереною — одной рукой подкову гнул. Однако маленькой и хрупкой Зинки боялся как огня. Не приведи Господи схлестнуться с ней даже по мелочи: такая язва, отчихвостит — неделю в ушах звенит!

— Ты наливай, — сказал он Кольке, — а я счас, только быка приведу.

Юрка быстро обернулся, но у ворот бычок затормозил, ни в какую не хочет во двор идти. Юрка его и так, и этак уговаривал, а тот упёрся, расставил ноги и стоит, как партизан перед расстрелом. Юрка его и по заду хлопал и толкал — пустое! У двери в дом стоял дрынок (большая палка) толщиной с молодую берёзку. Юрка схватил его и размахнулся, чтобы бычка сзади согреть, а тот возьми, Аа и поверни к нему голову. Удар пришёлся быку прямо промежду глаз. Он с копыток долой и лежит ногами Аётгает. В сердцах не рассчитал Юрка силы удара. Стоит и не знает, как быть.

Колька, не дождавшись хозяина, вышел во двор, посмотреть, что делается. Видит: бычок неживой лежит, а Юрка ему искусственное дыхание, как человеку делает, передние ноги в стороны разводит и сводит. Колька говорит:

— Бык-то у тебя задохнулся, беги за ножом, надо его резать скорее, чтобы мясо не пропало.

Вдвоём зарезали бычка, освежевали и разделали тушу. Утром Юрка сложил мясо в мешки и увёз в Вологду на рынок. Торгнул удачно, часть вырученных денег потратил Зинке на конфеты, пряники, печенье, а себе купил две пачки сигарет и бутылочку вина. Остальные деньги аккуратно уложил во внутренний карман пиджака. Погрузил добро в дорожную сумку и отправился в привокзальный сквер отдохнуть перед автобусом и выпить с устатку и от нервности. Только он устроился на лавочке в сквере, открыл бутылку, как рядом появился незнакомый мужичок и предложил сообразить на двоих, у него из кармана пиджака виднелась головка беленькой. Выпили, закусили — показалось мало. Мужичок сбежал за вином ещё и ещё раз, ну и пошло, поехало...

Очнулся Юрка утром в вытрезвителе на улице Петина. Дежурный ласково спросил:

— Ну что, проспался, паря? Пора и честь знать, тут тебе не курорт, клиенты в очередь стоят.

Юрка быстро оделся, принял вещи по описи и вышел на свободу с почти чистой совестью. Весёлые молодые менты на «Газике» подбросили его до автовокзала.

Дома ждала растерянная и злая Зинка.

— Ты где был? Где бык? — со слезами в голосе кричала она.

Юрка молча вывалил содержимое сумки на стол. Всё было в целости: конфеты, пряники, печенье, две пачки сигарет, только денег нигде не было, ни в сумке, ни в кармане пиджака.

— Где, где?! — сумрачно ответил он, — в Караганде! — и ушёл в огород.

Проверочка

Галинка с Лёхой прожили в браке больше двадцати лет. В последнее время жена стала придираться ко всему, что бы Лёха ни сделал. Всё ей было не так: и огород-то вскопал плохо, и картошку окучил не вовремя, и руки у него косые, и дурак и пьянь беспроблемная. А намедни и вовсе достала: орала полчаса диким голосом, а под конец вывалила:

— Чтоб ты сдох, окаянный!

Этого Лёха стерпеть не мог.

— Вот сдохну, посмотрим тогда, что ты без меня будешь делать, — ворчал он в её отсутствие, а сам уже замыслил устроить ей проверку: так ли уж она его ненавидит, или всё это бабья дурь и придиরки.

С утра Галинка ушла в соседнюю деревню к сестре, а Лёха занялся делом. Он распилил пополам стол в комнате, в каждой половинке вырезал полукружье, чтобы

при составлении стола получилась дырка. Перед самым возвращением Галинки Лёха написал жене записку, в которой ласково попрощался с ней и просил в его смерти никого не винить. Записку он оставил на видном месте на кухне, а сам просунул голову в круглое отверстие стола и задрапировал его скатертью, чтобы снизу не было видно туловища. После этого он закрыл один глаз, вывернул веко у второго, высунул язык и стал ждать жену.

Жена пришла быстро, сначала она заглянула на кухню, обнаружила там записку, прочитала её и бросилась в комнату. Увидев Лёхину «мертвую» голову на столе, она завыла в голос:

— Лёшенька, да на кого ж ты меня покинул?! И ругалась я тебя не по-настоящему, и лучше тебя на свете-то никого нет! Прости меня, дуру грешную! И как я теперь буду жить одна-одинёшенька-а-а!

Насладившись вполне её раскаянием, Лёха открыл глаза и сказал:

— А если я оживу, как ты от своих слов не откажешься?

Когда Галинка пришла в себя, она только и смогла выговорить:

— Лёха, блин, зараза-то ты какая!

Вредная привычка

Володька Шепелев работал механиком в районном аэропорту. Жена Нюра как-то попросила его принести с работы авиационного бензина, почистить меховую шубейку. Володька в тот же день принёс ей бутылку бензина, да и забыл об этом напрочь. На следующий

день в обед он прибежал домой поесть, а после еды зашел по надобности в туалет. Спустив штаны, он, как всегда, сел на унитаз, прикурил сигарету и бросил спичку между ног в воду. В тот же миг Володька с воем вылетел из туалета, ругая жену последними словами и пытаясь как-то облегчить боль от ожога...

Этим утром, до его прихода, Нюрка почистила шубу, а остатки бензина, который, как известно, легче воды, бездумно слила в унитаз. Когда её муж бросил в воду спичку, бензин моментально вспыхнул и опалил Володькин зад не хуже, чем забитого на праздники поросёнка.

Хорошего в этой истории только то, что с того дня Володька перестал курить в туалете, а потом и вовсе бросил эту вредную привычку.

«Идёт охота на волков, идёт охота»...

В шестидесятых годах прошлого века не всякий охотник, имеющий на руках официальные бумаги, подтверждающие его статус, мог быстро и без проблем получить лицензию на отстрел зимой медведя, лося или кабана.

Для профессионального охотника в районном центре или в деревне охота часто бывала одним из основных способов кормить семью, не говоря уже о том, что сама охота — дело хоть и хлопотное и многотрудное, но азартное и вносящее в скучную зимнюю жизнь большое разнообразие. Поэтому охотники и егеря часто пристраивались к какому-нибудь начальнику, штатскому или военному, который обладал двумя важными

преимуществами: без труда получал вожделенную лицензию и имел нарезное оружие, достававшее зверя на расстоянии в пятьсот метров. Кроме того, участие в такой охоте позволяло егерям получить от неё толику своей добычи. В качестве благодарности начальникам часто предлагалась бесплатная охота на волка.

В Вологодской области всегда было много охотничьих угодий, специальных баз и домиков, которые обслуживали егеря. На одну из таких баз пожаловал как-то некий генерал, страстный охотник, получивший лицензию на отстрел лося. Тут же вокруг него образовалась компания желающих поучаствовать в деле. Егера предложили ему для начала поохотиться на волка.

Генерал заехал на базу вечером, чтобы рано утром отправиться в лес. Егера загодя подготовили место, где должно было происходить главное действие. Вдоль лыжни, уходящей в глубь леса, протянули шнур с красными флагками, определили, откуда будут гнать волка и место, на котором будет стоять генерал и ждать, когда на него выйдет волк.

Вечером, как водится, собирались за столом, долго ужинали, пили водку и травили охотничьи байки, по которым выходило, что генерал — это просто гигант охотничьего дела, ходивший на всякого зверя и имевший в своем активе не одного медведя и кабана, а уж волки — это сущий для него пустяк. Хозяйка угощала собравшихся свежим гороховым супом и картошкой с мясом. Гости ели, да нахваливали. Незаметно подкралась ночь, и все полегли спать.

Рано утром егера подняли генерала, быстро собрались и, встав на лыжи, отправились в лес. Генерала оставили

недалеко от лыжни, за кустиком с наветренной стороны, чтобы зверь неглядел его и неучуял. Сами же побежали вперед, на места, где намедни они видели волчьи следы.

Генерал осмотрелся, снял лыжи, воткнул их вместе с палками в глубокий снег подальше от себя, чтобы стрелять не мешали, и стал вслушиваться вдалекие звуки голосов егерей и глухой лай собак. Вдруг он почувствовал, что в животе у него заурчало и вчерашний гороховый суп, на который он налегал с большим аппетитом, стал яростно проситься наружу. Делать нечего: пришлось ружьё тоже воткнуть в снег, срочно снимать телогрейку, свитер, брюки на помочах и садиться в снег. В тот самый момент, когда генерал ощутил сладкую свободу в разрешившемся от бремени кишечнике и взялся за штаны, он увидел матерого волка, летевшего прямо на него вдоль красных флагков. Но руки были заняты, а ружьё стояло в стороне и даже, если бы генерал до него дотянулся, выстрелить он всё равно бы не успел...

Не услышав выстрела, егеря поспешили к генералу. На охоте и на рыбалке все равны, как перед Богом. Как они его материли, сколько нeliцеприятной правды услышал о себе генерал в тот день! И самое мягкое из всего, что ему было сказано, звучало так:

— Твою мать, Петрович, такого волка просрал!

Оторвался по полной

Сщё в один круиз в спокойных семидесятых отправились мои друзья-связисты. И было их четверо в каюте, молодых, задорных, холостых и

желающих «оторваться в отпуске по полной программе». В первую очередь они взяли с собой ящик водки и всяческую закуску: сало, дефицитную тогда колбасу, пошехонский сыр, свежие помидоры и огурцы и прочее. Первые четыре дня поездки они провели в тесном общении друг с другом в каюте — выходить наружу не было необходимости. Поэтому когда запасы спиртного иссякли и они, помятые, но готовые к приключениям, появились на палубе круизного лайнера, женская часть туристического корпуса, а она как всегда преобладала, заметно оживилась.

Парни быстро освоились и продолжали пить уже в баре и в ресторане. И вот в одну из светлых июньских ночей самый неугомонный из них Шура З. набрался так, что поспорил с пассажиром из соседней каюты, что перенесёт чугунную крышку люка с носа парохода на корму, что он и проделал при бурном одобрении многих зрителей, среди которых были и женщины. На следующее утро он проснулся с головной болью и полной потерей памяти в отношении вчерашнего вечера. И вдруг его вызывает к себе старший помощник капитана и говорит:

— Вы вчера при свидетелях нанесли ущерб судну, и теперь у вас два выхода из создавшегося положения: либо выносите люк и ставите его на место, либо мы с вами попрощаемся в ближайшем же порту!

Шура очень удивился и никак не мог припомнить ничего из того, о чём говорил старпом. В трезвой жизни он был тишайшим малым, не способным у себя на лбу комара прихлопнуть. В полном ужасе он побежал за люком на корму. Приблизившись к оному, Шура сначала поразился величине люка, а когда попытался поднять его,

то не смог сдвинуть эту машину даже на сантиметр, хотя, по словам старпома, прошлой ночью один бегом пронёс его вдоль всей палубы, чему было немало свидетелей. В общем, оторвался по полной. Хорошо ещё, что над ним сжались мужик, с которым он вчера спорил, и помог оттащить люк на место.

Пятая нога

Николай Алексеевич разжился лицензией на отстрел лося у одного своего приятеля, крупного областного начальника, который тоже любил поохотиться, но был в тот день занят. Николай Алексеевич пригласил на охоту зятя Женяку и ещё двоих охотников. В самом деле, не за одним же лосем с лицензией ехать! Отправились на двух машинах в сторону Северной Фермы. Поохотились удачно, завалили двух лосей. Как провезти оба трофея мимо поста ГАИ тоже придумали: одного лося Николай Алексеевич должен был на своём ЛУАЗе доставить, а от второго решили взять только мясо. Голову, ноги и шкуру договорились оставить в лесу.

Первая машина выехала в Вологду, а вторая с мясом остановилась в посёлке Майском. Решили, что Николай Алексеевич, как только его тормознут на посту ГАИ, подаст по радио сигнал: «Можно ехать!» И вторая машина проскочит мимо незамеченной.

Перед самой Вологдой первую машину остановили на посту ГАИ. На нём в тот вечер дежурил знакомый Николая Алексеевича — Валера. Он подошёл к машине и говорит:

— Добрый вечер, Николай Алексеевич, как охота?

— Да, так-то ничего, Валера, можно сказать, хорошо.

— Ты уж извини, Николай Алексеевич, служба. Давай, показывай документы, лицензию, что везёшь.

Николай Алексеевич открыл тент ЛУАЗа. Валера направил луч фонаря в грузовой отсек машины и начал считать:

— Так, голова — одна, шкура — одна, мясо. Ноги — одна, вторая, третья, четвёртая, пятая.

На слове «пятая» Николай Алексеевич замер. Валера погасил фонарь и сказал:

— Всё в порядке, езжайте.

Метров пятьдесят ехали молча, а потом Николай Алексеевич взорвался:

— Твою мать, Женяка, сколько раз я тебе говорил, не жадничай! Не жадничай, под монастырь подведёшь!

— Николай Алексеевич, а как? Четыре ноги охотникам, а пятую я для тёщи прихватил, ей на Рождество для холодца надо.

На въезде в город заметили, что их догоняет машина ГАИ. Николай Алексеевич остановился. Женяка пятую лосиную ногу быстро в рукав полушибка засунул. Сидит поджавшись и в сторону смотрит. Подходит Валера и говорит:

— Извини, Николай Алексеевич, вы отъехали, а мне как в голову ударило, вроде я у вас в машине пять лосиных ног насчитал. Покажи-ка ещё раз: одна, вторая, третья, четвёртая. Извини, ошибся. Показалось, должно быть.

Откланялся и уехал обратно на пост. Николай Алексеевич повернулся к Женяке и выдохнул:

— Убью, зараза!

История от моей соседки и приятельницы Натальи Д.

Преимущества похудания

Моя приятельница Наталья страдала от излишней полноты. Особенно она расстраивалась оттого, что не могла носить новые итальянские высокие сапоги, купленные пару лет тому назад. Не сходились они на её полных ножках.

Недавно в Вологде появилась известная медицинская фирма «Доктор Борменталь», которая помогает полным людям похудеть, как говорится в их рекламе, «без запретов». Наталья прошла курс лечения в этой фирме и похудела на треть, если не больше. Как она радовалась! Особенное удовольствие ей доставлял тот факт, что её новые сапожки наконец застегнулись, и в них можно было щеголять среди подруг. Наталья тут же договорилась встретиться с ними в известном в Вологде кафе, чтобы отпраздновать столь блестательную победу над собой. Кроме дорогих сапог, она надела серьги с бриллиантами — щеголять так, щеголять!

Знакомые «девчонки», пятидесятилетние и старше, предпринимательницы и жены предпринимателей, тоже не худышки, собравшись за накрытым столом, восхищенно затарахтели, обсуждая новую фигуру подруги, и налили по первой. Надо сказать, что Наталья — здоровая женщина, сангвиник по характеру, и раньше для веселья ей требовалось не меньше трехсот граммов беленькой.

Привычным движением руки она махнула рюмку водки, и — брык — свалилась под стол. Лежит вся красивая,

в новых сапогах, в бриллиантах и в отключке! Очнулась, когда подруги её из-под стола вытащили, смотрит на всех круглыми глазами и говорит:

— Во, девки! Ещё одно преимущество нового веса: мне теперь для веселья полрюмки вина хватит!

Рассказы от Льва К.

Есть у нас с мужем старинный дружок Лёв К., заводила, говорун и рассказчик. Когда я записала его истории и показала ему, он изумлённо сказал: «Ну, Татьяна, ты как будто рядом стояла и всё сама видела!» Рядом не стояла, сама не видела, зато хорошо знаю Льва. Его истории на него очень похожи.

Изящная история о любви

Недавно Лёв рассказал мне, как, будучи еще студентом, подрабатывал летом массовиком-затейником на круизном лайнере, совершившем длительный рейс по Волге из Череповца в Астрахань и обратно. В те поры он был молод, энергичен и привлекателен благодаря широкой натуре и таланту чтеца. Всю дорогу он безуспешно пытался склонить к адюльтеру молодую замужнюю женщину-шахматистку. Однако к концу круиза дама стала проявлять к нему склонность, и наконец, вожделенный миг настал. Она отдалась ему рано утром прямо на палубе в то время, когда пароход стоял на дне одного из шлюзов Волго-Балтийского канала. В пылу страсти любовники не заметили, как вода стала

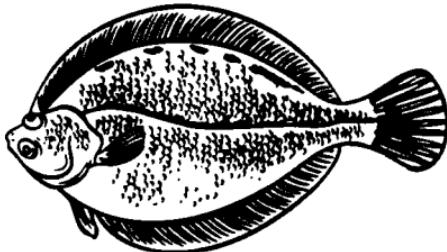
заполнять шлюз, и пароход поднялся до уровня смотровой площадки, на которой находились нежелательные зрители в лице троих рабочих, обслуживающих шлюз, и нескольких любопытствующих. Мой друг уже был близок к завершению страстных объятий, когда спиной почувствовал некоторое неудобство. Чуть оглянувшись, он увидел радостно улыбавшихся зрителей и страшно смущился. Они с подругой, несмотря на беспорядок в одежде, быстро ретировались с места преступления. Их сопровождал гром таких аплодисментов, каких он не смог снискать во всё время круиза за художественное чтение стихов Сергея Есенина, которые он любил и знал почти все наизусть.

Рыбалка

В шестидесятых годах прошлого века я был ещё мальчишкой и летом работал на вагоноремонтном заводе. Собрались как-то в конце июня мужики-начальники на рыбалку и меня взяли с собой. Набрали всяких припасов. Всегдаший заводила Лёва Тихонов говорит:

— Возьмём отварного рису, если рыбы не поймаем, закусывать рисом с тушёнкой будем.

Лёва положил рис в литровую стеклянную банку — готовую еду, сыпучие продукты и многое другое тогда возили в стеклотаре, пищевых контейнеров ещё и в помине не было.

Приехали на озеро, расположились, развели костёр, то да сё. Выпили, конечно, а на вечерней зорьке пошли удить рыбу. Хоть и не сильно надеялись, как говорится, «июнь — на рыбку плюнь», а на уху рыбы поймали: пару тройку лещей, окуньков и сорожек. Тут же на берегу рыбу почистили и отправились обратно к костру. Когда начали варить уху, уже стемнело. И тут оказалось, что картошку взять забыли.

— Ничего, — говорит Лёва мужикам, — посмотрите в моём рюкзаке, там где-то банка с рисом была. Добавим рис в уху, он не хуже картошки.

Так и сделали. Уха на свежем воздухе, да под водочку — за милую душу съели. Ещё жалели, что мало наварили.

Летняя ночь коротка. Кто вздремнуть успел, а кто за разговорами о рыбалке и вовсе не ложился. Когда на востоке посветлело, Лёва скомандовал подъём, и мы пошли рыбачить уже на утренней зорьке. Кто-то из мужиков стал искать наживку: червей и опарышей. Лёва добывал опарышей в своей уборной на даче и сам носил их в рюкзаке. И он попросил меня принести банку с опарышами. Я нашёл банку на дне рюкзака и принёс её Лёве.

— А где опарыши?! — воскликнул Лёва. — Это же рис!

Тут все и поняли, что ночью ели и побежали по кустам...

Сдача металлолома и цыганская коза на верёвке

Петрович вышел на пенсию в шестьдесят лет, как положено, и решил строить дачу. Надо же что-то делать, а то мужики вон, как выйдут на пенсию, так сразу

и на тот свет отправляются, не могут перестроиться на новый лад, пережить свою ненужность обществу.

Получив участок в Прилуках, в заброшенном месте, заросшем кустарником и заваленном какими-то старыми гнилыми досками, Петрович в первую очередь занялся расчисткой территории. Выкорчевал кусты, сжёг мусор и тут заметил, что из земли торчат какие-то металлические отходы. Начал их вытаскивать. Копнёт разок — и вытащит железяку, копнёт другой — такая же история. Постепенно набралась целая куча металла.

«Что ж добру пропадать», — подумал Петрович и решил сдать всё это железо в приёмный пункт металлолома.

В это время мимо проходил его сосед по участку, Миша-цыган. Если кто не знает, в Прилуках в своё время поселилось несколько цыганских семей. Они откликнулись на призывы коммунистической партии и правительства вести оседлый образ жизни. Цыгане построили деревянные дома, завели кое-какую живность, посадили огороды. Они мирно соседствовали с местным населением, которое тоже кормилось за счёт приусадебного хозяйства.

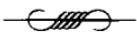
Миша вёл к реке, держа на верёвке, козу — у воды росла самая сочная и густая трава. Петрович испытывал к Мише самые добрососедские чувства и предложил ему вместе вывезти свои находки в город, памятая, что у соседа есть лошадь и телега. Доходы от сдачи металла они решили поделить по-брратски, то есть поровну. Миша с радостью согласился. Вдвоём они быстро погрузили товар на телегу, и Петрович, взяв лошадь под уздцы, повёл её к переезду, который отделяет Прилуки от города. Миша с козой шли рядом. Перед самым их носом в ожидании

поезда шлагбаум закрыли. Рядом с Петровичем в клубах сизого вонючего дыма с воем и треском остановился мотоцикл, его хозяин всё время крутил ручки своего железного коня в ожидании, когда поезд пройдёт и можно будет мчаться дальше. Мишина кобыла терпела, терпела завывания мотоцикла, да и укусила мотоциклиста за руку. Мотоцилист выругался и треснул кобылу шлемом по морде. Лошадь, не ожидавшая такого афрона, присела на задние ноги и попятилась. На беду Петровича сразу за телегой пристроился белый «Мерседес». И хотя телега лишь слегка задела автомобиль, железо с грохотом посыпалось на дорогу. Петрович бросился собирать металл, опасаясь, что кто-нибудь на него наедет и повредит колёса. Владелец шикарного автомобиля с матом выскочил из машины и бросился осматривать повреждения. Петрович сутился около телеги и с тоской ждал, что будет дальше. Миша привязал козу к шлагбауму и двинулся вслед за хозяином «Мерседеса» оценивать нанесённый ущерб.

Ущерб, к счастью, ограничился небольшой царапиной. Заметив, что перед ним стоит тощая лошадёнка, за нею — старая, грязная телега с ржавым железом и онемевший от страха, пожилой мужик в драных трениках и вытянутой майке, а с стороны к нему приближается цыган, он решил с ними не связываться и повернулся к своей машине.

В этот момент шлагбаум открылся... Тотчас же раздался отчаянный, душераздирающий вопль, и перед глазами владельца «Мерседеса» взмыла ввысь, мелькнув копытами, коза. Несчастное животное, привязанное к перекладине шлагбаума, билось в судорогах и норовило свалиться ему на голову. Миша бросился к козе, освобождать её от

верёвки, сдавившей шею. Владелец «Мерседеса» быстро сел в машину и умчался от греха подальше. А Петрович, счастливый уже тем, что неприятный инцидент исчерпался сам собой, воспринял столкновение с шикарным автомобилем, как перст судьбы, указующий на его неспособность к каким бы то ни было гешефтам, плонул на металлом и повернулся обратно к участку.

История от Игоря Ш.

Это было примерно в 1972 году. Я тогда преподавала в Вологодском государственном пединституте на факультете иностранных языков. Факультет в то время сильно помолодел, в него влились его бывшие выпускники, и я в том числе. Талантливый, красивый и весёлый Игорь Ш., только что приехавший из Москвы, был самым популярным в нашем коллективе ещё и благодаря дару рассказчика.

Интеллигент

Тёмной майской ночью молодой филолог Игорь Ш. возвращался из гостей домой. Только что прошёл тёплый дождь, и асфальт был покрыт лужами, в которые падали красные тополиные серёжки. Вдруг впереди он увидел картину, надолго запечатлевшуюся в его памяти. В конце переулка стоял обычный фонарный столб с лампочкой под козырьком, которую качал весенний ветер. Тень от фонаря металась над большой лужей, а в ней навзничь лежал пьяный человек и сотрясал воздух аушераздирающими воплями. Игорь забеспокоился и

подошёл поближе, вдруг нужна помощь? Человек кричал:

— Начальник — собака, жена — шлюха, дети — сволочи!
Что делать?! Как жить?! Повешусь на хрен!

Вдруг он замолчал, последовала длительная пауза, а
затем он громко и отчетливо сказал:

— Нет! Сначала дочитаю «Блокаду» Чаковского, а потом
повешусь!

Игорь Ш., восхитившись интеллигентностью и
приверженностью этого человека художественному слову
и именно творчеству Чаковского, хотел даже написать
последнему письмо, чтобы тот разыскал почитателя
своего таланта и поил его водкой всю оставшуюся жизнь,
но передумал.

Мои собственные истории

Мужчины и женщины, в чём разница?

Ира в молодости была симпатичной, весёлой
и компанейской девушкой. Зная женскую
ненадёжность в дружбе, она предпочитала мужскую
компанию. Ребята её привечали и приглашали на
дружеские встречи, потому что с ней было весело и
интересно. А ей в этой компании нравился один человек,
но он дружил с ней, как «со своим парнем». Как-то раз они
договорились встретить вместе день 8 Марта. Ира решила
увлечь, наконец, своего друга, особенно подчеркнув свою
женскую привлекательность. В тот день она покрасила
 волосы в модный рыжий цвет, сделала укладку, макияж,
надушилась самыми модными польскими духами «Быть

может» и надела новое вязаное платье с оборками в роспуск по вороту и по рукавам. Завершали ансамбль шикарные чёрные греческие сапоги на высокой шпильке. Уверенная в своей неотразимости, Ира явилась к ребятам с небольшим опозданием, чтобы ещё больше усилить эффект от своего нового облика. Её встретили радостными восклицаниями, поздравлениями с женским праздником и пригласили сесть за стол. О том, как она хороша, о её обновках и духах, никто не сказал ни слова. Ира решила дать ребятам ещё один шанс хорошенёко рассмотреть себя и покрутилась перед зеркалом, что стояло напротив стола, и ещё раз поправила причёску и рюши. Опять ноль внимания. Тогда она не выдержала:

— Парни, вы что, ослепли, не видите, какая я сегодня красивая? Какое у меня новое, чудное платье, какие сапожки, причёска, а духи? Я за этими духами к фарцовщикам бегала, а за сапогами три дня по записи в очереди стояла!

— Да ты всегда красивая! — удивился хозяин дома.

А парень, который нравился Ире, подошёл к ней и сказал:

— Ир, не обижайся, пожалуйста. Знаешь, мы, мужики, деталей не видим. Я вот вижу, что ты в целом красивая, и всё! Понимаешь?

— А ну вас! — в сердцах сказала Ира и выпила рюмку вина.

Вечеринка славно продолжилась, Ира болтала и танцевала с ребятами, и совсем забыла об этом инциденте. Правда, вечером дома она подумала: «А девчонки бы всё заметили и с удовольствием обсудили каждую деталь моего наряда. Может, не стоит от подружек

отказываться? А парни-то? Никогда не думала, что они вообще ничего не видят! Надо же!»

Филологическая история

Как-то раз зимой, часов в восемь утра, я направлялась на работу в институт. Впереди по заснеженной улице Клары Цеткин шли два обычных вологодских мужичка, худеньких и низкорослых, прибитых морозом и похмельем. Одеты они были неказисто в старые телогрейки, потрепанные шапки-ушанки, на ногах — валенки с галошами. При этом они вели неспешную и серьёзную беседу. Я шла совсем близко от них и невольно слышала содержание этого поразительного разговора. Тот мужичок, что был постарше и повыше ростом, ласково выговаривал второму:

— Сколько можно повторять тебе, Василий, нужно говорить не «пидарас», а «педераст», понял?!

Из гостей

Это было в начале семидесятых годов, когда я ещё училась в пединституте. После первого курса меня направили на практику в пионерский лагерь. Перед

работой необходимо было сдать анализы, чтобы не занести пионерам какой-нибудь инфекции. Анализы принимали в первой городской поликлинике и мне, жившей тогда на улице Батюшкова, нужно было рано утром пройти по скверу, который и сейчас простирается за памятником Ленину, пересечь улицу Мира и выйти на Каменный мост, где и располагалась многие годы эта самая поликлиника.

В тот день июньское солнышко ласково пригревало пустынный и не проснувшийся ещё город, одинокая кошка грелась в его лучах, развалившись на тёплом асфальте у заборчика сквера, на газонах цвели яркие цветочки и кругом царила благостная атмосфера, не предвещавшая никаких экстраординарных событий. Полюбовавшись этой мирной картиной, я собралась перейти улицу в направлении популярной среди жителей Вологды «Пирожковой», когда с Каменного моста к этому самому месту вывернула нетвёрдо державшаяся на ногах старушка, в длинной чёрной юбке, в платочке и с большой сумкой в руках. Шаткая походка говорила о том, что накануне она побывала на большом празднике, то ли на проводах в армию, то ли на крестинах, и ещё не вполне пришла в себя от выпитого алкоголя. Быстро огляделась по сторонам и, не заметив меня на другой стороне улицы, она присела под окном «Пирожковой» и принялась освобождаться от переполнявшей её жидкости. Тёплая струйка, дымясь, устремилась прямиком к памятнику Ильичу. В тот самый момент её и застали на месте преступления появившиеся со стороны «Ленинградского» магазина два молодых милиционера.

Они быстро подошли к нарушительнице порядка, подхватили её под белые ручки и практически понесли упорно сопротивляющуюся старушку к вытрезвителю, который находился тогда чуть дальше по улице Мира, позади нынешнего цветочного магазина. Наконец она обессилела и только просила милиционеров жалобным голосом:

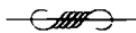
— Деточки, простите меня старую, не дотерпела до дома! Из гостей иду! Я больше никогда так не сделаю! Ради Бога, отпустите!

Милиционеры уже было сжалились над старухой и на какой-то момент ослабили хватку. Она тут же осмелела, и, размахнувшись, изо всех сил стала сумкой лупить по голове близ стоящего милиционера, сопровождая свои действия довольно лихим матом.

То ли она не поняла, что её собирались отпустить, то ли алкоголь снова ударил ей в голову!.. Недолго думая, молодцы подхватили её тщедушное тельце и, как черти в ад, теперь уже прямиком потащили в вытрезвитель.

Маца

В доперестроечные времена муж моей подруги Владимир работал вместе с Эллой Моисеевной С., которая слыла в коллективе умной, красивой и весёлой женщиной. Элла Моисеевна была старшой в отделе, состоявшем из нескольких молодых людей. Несмотря на то, что она имела солидного мужа и взрослого сына, молодые сотрудники вовсю ухаживали за ней, но как бы не всерьёз. Она же, немного кокетничая с ними, отвечала коллегам дружеской нежностью, принимала участие в их

жизни и отношениях со слабым полом и подавала им в нужное время бесценные советы более опытного человека. Между Владимиром, тогда ещё не женатым, и Эллой Моисеевной установилось особенное доверие. Элла Моисеевна даже давала ему мелкие личные поручения, которые он с удовольствием выполнял, и постоянно интересовалась его жизнью за пределами офиса.

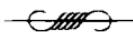
Время шло. Владимир давно устроился на другую работу и наконец женился. Его жена Тамара работала врачом в детской поликлинике. Так же, как и Владимир, она была вологжанкой с прочными деревенскими корнями. Именно тогда в Вологде проходили интернатуру молодые врачи из Ленинграда: Слава, Рома и Миша. Тамара с Володей приняли их в свой круг друзей и часто встречались с ребятами после работы. Все трое были милыми еврейскими мальчиками, которым не хватало домашнего тепла, а Тамара и Володя с удовольствием делились с ними избытком своего семейного счастья. Из всей компании Рома выделялся копной пшеничных волос, голубыми глазами, которые светились умом и юмором, и аккуратным носом, усыпанным бледными, но многочисленными веснушками. Тамара часто посмеивалась над ним и говорила:

— Признайся, Ромка, что ты не настоящий еврей, а белорус или хохол!

— Да, еврей я, еврей! — сердился Рома. — Тебе, что, лекцию на эту тему прочитать?

— Ладно, верю, не сердись, — смеялась Тамара.

— Ты на себя посмотри, — ухмылялся Рома, — Тёмненькая, нос с горбинкой и вообще, слишком умная для русской. Уж не водила ли твоя одесская прабабка шашней с гарным хлопчиком Абрамом с Привоза?

— Отстань, Ромка, меня всю жизнь за еврейку принимают, я уже и не спорю. Как у нас в деревне говорят: «Называй меня хоть горшком, только в печку не ставь!»

На этом обсуждение еврейского вопроса обычно заканчивалось, и они дружной компанией шли гулять, в кино или в филармонию.

Однажды Владимир встретил на улице Эллу Моисеевну. Слово за слово, и он рассказал ей о том, что женился, что его жена врач и что у него уже дочке Сонечке три года. Элла Моисеевна взяла с него слово, что он обязательно познакомит её с женой и дочкой, а лучше всего если они все вместе придут к ней в гости. На том и порешили.

Тёплым майским днём Володина семья пожаловала в гости к Элле Моисеевне. Та открыла дверь и на мгновение задержала взгляд на Тамаре.

— Проходите, дорогие мои Володенька, Тамарочка и Сонечка. Ах, какая славная девочка, ваша Сонечка, вся в папу.

Элла Моисеевна провела гостей в большую комнату и, поглядывая сбоку на Тамару, начала показывать ей гордость семьи — библиотеку, собранную из дефицитных книг, дав подержать в руках последний томик собрания сочинений Шолома Алейхема. Тамара сразу поняла, куда клонит хозяйка, но виду не подала. После знакомства с мужем Эллы Моисеевны и обзора достопримечательностей квартиры гостей пригласили пройти в уютную кухню, из которой доносились манящие запахи.

Не получив ответа на витавший в воздухе, но не озвученный вопрос, хозяйка пошла в наступление.

— Тамарочка, вам нравится маца? — прямо спросила она, глядя Тамаре в глаза. «Начинается», — подумала Тамара, и так же прямо ответила:

— Нравится.

— Ах, я так и думала. Вы знаете, мне только что прислали свежую мацу из Москвы. Я тут приготовила её с разными начинками, садитесь же за стол, будем кушать и немного выпивать. А Сонечке я дам кусочек сухой мацы, пусть она её, как печенье, погрызёт.

Они уселись за стол и отдали должное кулинарным талантам хозяйки. Вечер прошёл весело и незаметно. На прощание Элла Моисеевна подарила Тамаре пачку сухой мацы и, нежно улыбаясь, пригласила навестить её ещё раз. На улице Тамара, смеясь, сказала Володе:

— Ну, что я тебе говорила? В очередной раз меня приняли за свою. Но как приятно, когда к тебе относятся с такой теплотой!

Дома Тамара положила мацу в шкафчик с припасами и забыла о ней.

Через неделю к ним в гости заглянул Рома. Они как раз сели на кухне пить чай, когда из комнаты вышла Сонечка. Она шла, путаясь в спущенных колготках, и канючила противным голосом:

— Мама, дай мацы! Мацы хочу!

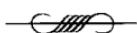
Чашка с чаем застыла в руке у Ромы, он изумлённо развернулся и воскликнул:

— Боже, откуда эта сиротка, Хася?!

Все трое переглянулись, и началось. Они смеялись до слёз, до истерики. А ребёнок, не понимая, что происходит, продолжал ныть:

— Мацы, дайте мне мацы!

— Ну, ребята, такого нарочно не придумаешь, — утирая слёзы Рома. — Томка, а может, я всё-таки прав насчёт твоей прабабушки? Начудила где-нибудь в наших краях?!

Эту историю рассказал
на юбилее моей мамы её бывшая
коллега-учительница

Царь

Бабушка с внучком лет пяти зашла в хозяйственный магазин купить кастрюльку. Пока она рассматривала товар на полках, внук нашёл внизу маленький чугунок и надел его себе на голову. Снять не смог и заплакал. Как ни старались снять горшок: его бабушка, подоспевшие продавщицы и администратор хозяйственного отдела — посудина плотно сидела на голове ребёнка. Продавщицы стали требовать, чтобы бабушка заплатила за товар, иначе они отказывались отпустить её домой.

— Деточки, да отпустите вы нас в поликлинику, там ему горшок-то снимут, и я его назад принесу, нет у меня лишних денег на эту покупку, — причитала пожилая женщина. Однако продавщицы были непреклонны, пришлось за горшок заплатить.

Едут бабушка с внуком в поликлинику на автобусе. Внук сидит прямо, голову держит гордо и, думая, что его плохо слышно, на весь автобус громко говорит:

— Бабушка, я — царь!

— Сволочь ты, а не царь! — отвечает бабушка. — Мало того, что я из-за головы твоей напереживалась, ненужную вещь купить пришлось, так ещё и в поликлинике неизвестно чем дело кончится!

А эта перестроечная история приключилась со мной и моей дочкой Машей

Котлета

В 1993 году мы с маленькой Машей зашли в продовольственный магазинчик в нашем доме на улице Галкинской.

С продовольствием была напряжёнка, мало его было, этого продовольствия. На пустой витрине магазинчика лежала одинокая серая котлета, а рядом стоял ценник с названием продукта. Котлета называлась... «Мираж»! Потрясённые соответствием продукта и его названия перестроечному времени, а также неисчерпаемостью и силой великого русского языка, мы вернулись домой.

Слово о Славке П., Сашке П. и моём брате Шуре

В семидесятие-восьмидесятие годы прошлого века Слава П. был легендой среди вологодской молодёжи. Он дружил с моим братом, со мной и был музыкантом, артистом и редким рассказчиком. Слушать его можно было часами, и смеяться до слёз. Мои рассказы о нём написаны по памяти, с его собственных слов и со слов моего мужа.

Судьба

Мама Берта купила Славке скрипку в пятом классе, чтобы мальчик учился музыке и впоследствии стал великим артистом, не хуже Рихтера. А Славка ненавидел музыку вообще, и скрипку в частности, всеми фибрами своей неокрепшей души. Он не желал становиться вторым Рихтером и интересовался исключительно футболом.

В то время его семья, как большинство других вологодских семей, жила в деревянном двухэтажном доме с высоким крылечком и палисадом. По утрам мама, собирая сына в музыкалку, надевала на него чистенькую рубашечку, наглаженные брючки, давала в руки футляр со скрипкой и нотную тетрадь в коричневой папке. Она провожала своего мальчика до двери и наказывала вести себя хорошо и слушаться учителя музыки.

С постной физиономией Славка покидал родной дом и, зная, что мама смотрит за ним в окно, чинно выходил за калитку. Исчезнув из поля зрения Берты Давыдовны, он нагибался так, чтобы его не было видно из-за забора, и на полусогнутых обходил дом с другой стороны. Прокравшись обратно, Славка засовывал скрипку и папку в щель под крыльцом и тем же путём убегал играть с друзьями в футбол. Этот маневр ему удавался довольно долго, но кончилось всё, как и следовало ожидать, плачевно. Однажды его увидел на футбольном поле отец, как раз в то время, когда мальчик должен был учиться музыке. Славку нещадно выдрали, но от музыки освободили.

Однако от судьбы не уйдёшь. Жизнь распорядилась так, что через некоторое время Славка вместе со своими

друзьями увлёкся сначала пением, а потом сам пошёл в музыкальную школу. До конца своих дней Славка был связан с музыкой. Он пел и даже солировал в детском хоре вологодского Дома пионеров, научился играть на гитаре и на трубе, а когда вырос, поступил в военный оркестр и радовал своих родителей и друзей чудесной военной выпрекой и игрой на большом барабане. В свободное от работы время Славка пел на танцах в клубе железнодорожников.

Баня

В бане существует множество рассказов, но этот передаёт особенности живого характера моего друга Славки П., который в принципе любил острые ощущения: от русской бани, охоты в болотистых Пучкасах на Кубенском озере и до езды в багажнике старой «Лады». В багажнике его возил собственный брат, когда в машине недоставало места, а надо было проехать от Вологды, скажем, до Бородавского озера в Ферапонтове, что составляет примерно сто тридцать километров.

В баню Славка ходил не только помыться, но и расслабиться с друзьями, «потрындеть за жизнь», порадовать окружающих свежим анекдотом. Артист по природе и редкий рассказчик, он имел в запасе байки на все случаи жизни.

Больше всего Славка любил Веденеевскую баню, которая располагалась на берегу речки Золотухи. Считалось, что в этой бане лучший пар в городе, поскольку строилась она ещё в стародавние времена, отличалась

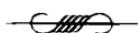

толстыми стенами, печью старой основательной кладки, да и народ там собирался понимающий в банном деле и опытный. У Славки, как положено, имелся специальный банный набор: старая зимняя шапка, рукавицы, веники на выбор — берёзовый, вересковый, дубовый — и духовитые травки для заваривания, чтобы отвар плескать на каменку.

Ходил он в этот своеобразный клуб регулярно, раз в неделю. В тот раз, а дело было зимой, он пришёл в баню рано утром, прихватив с собой «чекушку» (двухсотпятидесятиграммовую бутылочку) водки и бутылку пива — по банным правилам немного, чтобы не перегружать распаренный организм. В парной было ещё тихо, сухо и чисто, что его очень порадовало. Славик подбросил дров в печку и сел на полок, пропотеть, как следует. Тут начал прибывать народ. Зашумели, забрякали тазами в помывочной, кто-то заглянул в парную и спросил, не пора ли поддать на каменку.

И пошло, поехало... После первого пара вышли с ребятами в раздевалку, немного выпили, разговорились и весёлые вернулись в парную. Там уже стоял такой пар, что не прдохнуть, да и народу полно. Славка рассказывал очередной анекдот, когда его попросили прикрыть дверцу в печи. Дверца отошла, когда в очередной раз подбрасывали дров. В пылу рассказа Славик повернулся к печке спиной, машинально толкнул дверцу голым задом и... взвыл от боли!

Прикоснуться к раскалённому чугуну кожей всё равно, что на морозе лизнуть железную ручку от входной двери. Славка кое-как отлепил обожжённый зад от дверцы и, вскрикивая от боли, бросился вон из парной, через раздевалку и на улицу. Водворе бани стояли сугробы снега.

Он решил быстро охладить больное место и бросился в самый большой сугроб. Увы, сугробом оказалась куча битого кирпича, оставшегося после недавнего ремонта, слегка припорошёного снегом.

Представляю, каким потоком ненормативной лексики сопровождались эти события. Да-а-а, в тот раз баня не задалась!

Пароль

Мама Славки и Сашки, Берта Давыдовна, библиотекарь на пенсии, была похожа на полненького пожилого ангела, с седыми просвечивающими кудрями в виде нимба вокруг головы и добрыми лучистыми глазами. Она, как все еврейские мамы, беззаботно любила своих грешных чад и прощала им любые выходки и проказы. Братья любили её не меньше, но постоянно добродушно подшучивали над ней. Особенно отличался Сашка, который пребывал в том полном сил возрасте, когда душа жаждет вина и приключений. Он часто гулял ночи напролет, а мама Берта переживала за него и ждала, ждала...

Как-то в подпитии Сашка сказал матери:

— Мама, будь осторожна, ночью не открывай дверь незнакомым людям, даже мне не открывай, пока не услышишь пароль: «Зимой опята не растут»! Ты же должна мне ответить: «Поливай, не поливай!»

И Сашка целый год, когда бы и в котором бы часу ни возвращался, выговаривал за дверью заплетающимся языком пароль, а святая Берта Давыдовна отвечала заветными словами и открывала дверь.

Фонтан

До семидесятых годов прошлого века в Вологде был один-единственный фонтан, который находился в центре города на площади Революции. Сейчас на его месте стоит напоминающий прямоугольное кладбищенское надгробие памятник воинам-вологжанам, погибшим во время двух последних мировых войн. В народе его прозвали гнилым зубом Анатолия Семёновича Дрыгина (был такой партийный руководитель области при Советской власти). Памятник до сих пор стоит на своем месте, но город не украшает, видимо, поэтому и служит предметом насмешек вологжан. И, если бы он исчез в одночасье, никто бы жалеть не стал. А вот фонтан, хоть и был неказист с виду, помнят все местные жители. Помнят его округлую форму, серый бетонный цвет и тугую струю воды, которая не очень высоко поднималась в воздух, но освежала в зной и радowała детей, которых приводили родители погулять и порезвиться в центре города. Вологжане привыкли к нему и собирались у фонтана по праздникам и выходным дням.

В те годы мне было двадцать, а моему брату Шуре и нашему весёлому и озорному другу Славке по девятнадцать лет. Однажды июньским вечером мы собирались встретиться у фонтана. Мы с Шурой стояли в сторонке и разговаривали, когда Славка внезапно появился со стороны улицы Ленина. Он примчался на велосипеде. Уже одно то, что вокруг было несколько человек зрителей, возбуждало в нашем артистичном друге желание показать себя. Мы и ахнуть не успели, как он подпрыгнул вместе с велосипедом и вскочил на ребро бетонной ванны фонтана. Славка бойко ехал по кругу, несмотря на то, что в любую

минуту мог свалиться вниз. При этом он весело смеялся и напевал какой-то модный мотивчик. Зрители всячески подбадривали артиста, когда поблизости вдруг прозвучал милицейский свисток. Со стороны детского парка к нам рысью бежал милиционер. Мы с братом заволновались и советовали Славке поскорее скрыться, но, как любитель острых ощущений, он продолжал колесить по краю фонтана, изредка поглядывая на приближавшегося блюстителя порядка. Он соскочил вниз только тогда, когда расстояние между ним и милиционером сократилось до минимума, а затем резко развел большую скорость и исчез за углом старой поликлиники №1.

Милиционер свистел и бежал вдогонку, но Славки уже и след простыл. Зрители ликовали, а мы с Шурой потихоньку тронулись к Славкиному дому.

Я стою на площади Революции и смотрю на то место, где раньше был фонтан, и мне кажется, что вот сейчас Славка на велосипеде промчится мимо, притормозит у поворота за поликлинику, озорно глянет на меня из прошлого и подмигнёт, мол, не горюй, ведь жизнь — такая весёлая штука!

Поездка на юг

Однажды Шура, я и Славка отправились летом к бабушке в город Николаев, который расположен на реке Южный Буг. Мы были молоды тогда и с удовольствием отправлялись в дальние и близкие поездки, предвкушая незабываемые приключения и приятные впечатления. Шура учился в медицинском институте в Архангельске, а

Славка служил в Вологде, играл на барабане в военном оркестре.

В поездке, да и вообще в жизни парни вели себя довольно буйно, молодая энергия выплёскивалась через край. Никогда не забуду, как во время остановки в Москве мы посетили новое модное кафе «Арбат». Возвращаясь к родственникам, у которых мы остановились переночевать, поздно вечером и в подпитии Шура со Славкой шли по широкому Новому Арбату в обнимку и орали на весь крещёный мир любимые песни: «Вот мчится тройка почтовая», «Миленький ты мой» и тому подобное. Пели оба очень хорошо и на два голоса. Может быть, поэтому их никто не останавливал, а прохожие лишь провожали улыбками.

В Николаеве нас встретил добрый дядя Юра.

— Дети, — сказал он, открывая нам дверь, — мы с женой и бабушкой поживем на даче, а вы тут отдыхайте. Я вам фруктов привез и абрикосовой чачи, пейте, сколько хотите, — и махнул рукой в сторону двух пятилитровых бутылей в коридоре у стены.

Кто не знает, чача — это крепчайший самогон, в данном случае сделанный дядей Юрай из собственных абрикосов. Мальчики радостно переглянулись, а я взгрустнула: теперь весь отпуск наスマрку... Но я и представить себе не могла, какое буйное «веселье» ждёт меня впереди, потому что никогда раньше не проводила вместе с мальчиками так много времени и в таком тесном общении.

Дядя уехал на дачу, пригласив нас посетить его и бабушку через пару дней, а парни приняли на грудь по стопочке чачи — и мы отправились на разведку на пляж.

Провинциальный украинский город Николаев хорош летом, как все южные города. Зелёные и тенистые улицы вели нас к реке, на клумбах и вдоль дорог ярко цвели бархатцы, петуны и душистый табак. Прохожих днём было немного, но навстречу нам попадались только какие-то высокие и довольно полные молодые люди и девушки, и уже тогда в наши души закрались некоторые опасения. На пляже всё повторилось. На песке и на облюбованном Славкой деревянном помосте лежали и сидели рослые молодые парни и девушки. И если я могла позволить себе быть невысокой и худенькой, и это никого не смущало, то малый рост и тонкая кость моих мальчиков на общем фоне выделяла их самым невыгодным и драматическим образом.

Шура и Славик выросли в северной Вологде, где, как правило, мужчины не отличаются высоким ростом и мощной комплекцией, отсутствие коих часто компенсируется в них задиристостью и драчливостью. Эти качества были присущи друзьям в превосходной степени.

Ближе к нам на помосте поперёк досок лежала девушка, показавшаяся мальчикам более или менее подходящей по росту и по комплекции, и они, не долго думая, решили с ней познакомиться. Шурик улёгся рядом с девушкой, а Славка сначала сосчитал, во сколько досок укладывается Шурин рост, а затем также «в досках» измерил рост девушки. Она оказалась всего на две доски выше. Остальные были ещё крупнее, и ребята решили остановиться на этой. Её звали Женя. Женя понравилась всем, потому что была милой, весёлой, простой студенткой и тоже недавно приехала в Николаев к родственникам, а потому скучала на пляже одна. Славка и Шурик наперебой рассказывали ей анекдоты

и врали, что они оба медики на отдыхе. Женя делала вид, что верит, смеялась и соглашалась встретиться с нами вечером для совместного похода в ресторан.

На обед она пошла домой, а мы втроем «завалились» в пляжный ресторан, причем ребята пошли в чём были на пляже — в шортах и сандалиях на босу ногу. По дороге Славка купил два детских пистолета, которые он называл «Шмайсерами», и две широкополые соломенные шляпы. Когда стреляешь из такого пистолета, слышится хлопок, а из дула вылетает пробка на веревочке. Ещё на подходе к ресторану он целился, «стрелял» в прохожих и мстительно кричал Шуре:

— Шурка, стреляй в самых здоровенных! — имея в виду крупных мужчин, которые проходили мимо.

Выстрелив, они вставляли пробки обратно в дула пистолетов и с важным видом заправляли «оружие» за резинку шортов. Мне пришлось делать вид, что я этих хулиганов не знаю. В ресторане, усевшись за столик, они продолжали целиться в окружающих, но невозмутимых южан трудно вывести из равновесия, они лишь посмеивались.

В то время в Николаеве шел американский фильм «Бей первым, Фредди!» Именно он натолкнул Славку на дурную затею изображать вместе с Шуриком ковбоев. В фильме ковбой Фредди, проскакав несколько миль по пустыне среди песков и кактусов, оказывается в загадочной таверне, где молодая, прекрасная владелица заведения угождает его вкусным супом. Он думает, что суп приготовлен из черепашьего мяса и съедает двойную порцию. В конце обеда выясняется, что он ел суп из змей, его тошнит, и он еле выговаривает:

— Ничего себе, змеиный сущик!

Когда к нашему столику подошла официантка, Славка сделал заказ:

— Нам три порции змеиного сущика и бефстроганов!

Надо отдать должное официантке, она и бровью не повела, а лишь сказала, что у них в меню на сегодня только окрошка и холодный борщ. Славке её спокойная реакция не понравилась, но месть он отложил на конец обеда. Когда официантка подошла к нам за расчётом, он громким голосом, так, чтобы было слышно за соседними столиками, произнес:

— Обсчитайте нас, пжалста!

После этого друзья отправились домой отдыхать. Не знал Славка, что провидение отомстит ему за официантку тем же вечером!

Отдохнув в самое жаркое время дня, мы всей компанией стали собираться в ресторан. Славка всегда был большим щёголем, поэтому, приняв душ, он аккуратно уложил свои кудрявые волосы, начистил ботинки, отгладил белоснежную рубашку и взял в руки барсетку — предмет, только что появившийся тогда в столичных магазинах. Шура тоже привёл себя в порядок, а я надела красивое новое платье, и мы отправились в центральный ресторан, предварительно позвонив Жене и назначив ей встречу под платаном напротив.

Из ресторана неслись призывные звуки модного шлягера, это поднимало настроение и желание поскорее пройти внутрь. Однако вход нам преградил огромный дежурный в форменном пиджаке и фуражке:

— Несовершеннолетним вход воспрещён, — миролюбиво сказал он. — Впрочем, девчата могут пройти, а вы, молодые люди, предъявите документы.

Парни остолбенели от такой несправедливости и начали яростно доказывать, что они взрослые люди, что им не нужны никакие документы, всё и так видно! Но дежурный был тверд, как кремень. А поскольку паспортов никто взять с собой не догадался, пришлось, несмотря на унижение, сдаться. Дежурный оказался, однако, добрым малым и посоветовал нам пойти в молодёжное кафе напротив, куда мы, в конце концов, и отправились.

В кафе было полно народу, с трудом нашёлся свободный столик.

— Так, — сказал Славка, — надо запить это дело чемнибудь покрепче.

Подошёл официант, и друзья попросили его принести бутылку водки и закуску. Тут их второй раз за вечер неприятно удивили, сказав, что в Николаеве водку в молодёжном кафе не подают, тем более, целую бутылку. Уж не помню, как, но Славка уговорил официанта принести им водки в графине, грамм триста. Сидящие рядом молодые люди с интересом прислушивались к разговору Славки с официантом, и когда тот принёс заветный напиток, они стали посматривать в нашу сторону и ждать, что будет дальше. Славка с Шурой быстро выпили водку и потребовали ещё столько же. Дома они привыкли и не к таким дозам, поэтому их забавляло и раззадоривало удивление окружающих. Когда количество выпитого перевалило за целую бутылку, уже официанты стали наблюдать за ребятами с интересом, ожидая того момента, когда они наконец наберутся и их можно будет с чистой совестью выставить вон, поскольку на глазах у присутствующих происходило вопиющее нарушение правил. Однако Шура и Славка только расслабились и перестали переживать о том, что их, как каких-то

школьников, не пустили в ресторан. Тут заиграл оркестр, и мальчики, подхватив нас с Женей, пустились танцевать. Особенно красиво танцевали Славка с Женей, за это ребятам простили всё. С этого вечера мы ходили только в молодёжное кафе, водки не требовали, потому что перед выходом из дома парни выпивали самогонки, а добирали до кондиции на месте сладким крымским вином. И все были счастливы, кроме меня.

Новые «Жигули»

Младший брат Славки Сашка, который в детстве вечно путался у нас под ногами, незаметно вырос и выучился на пуско-наладчика электрических сетей. Работа эта была, если не престижная, то во всяком случае денежная. Неженатый Сашка жил с мамой Бертой на первом этаже пятиэтажной «хрущёвки», поэтому быстро накопил денег на новые «Жигули» и развлекал своих многочисленных друзей и подруг, совершая близкие и дальние вояжи по родной стране в их компании. Поначалу он почти не расставался со своим сокровищем.

Сверкая новыми боками, машина стояла во дворе Сашкиного дома как раз напротив кухонного окна. Рядом виднелся чей-то старый «Запорожец», но он, конечно, не шёл ни в какое сравнение с его железным конём. По утрам Сашка пил чай на кухне и поглядывая на «Жигули», получал двойное удовольствие.

В то жаркое летнее утро к нему заглянул какой-то дружок, они устроились за кухонным столом и болтали о том, о сём. Сашка был ещё не одет, он сидел в трусах

и шлётанцах, сырое полотенце, накинутое на голые плечи, приятно холодило кожу. На какое-то время Сашка выпустил «Жигули» из виду. Когда через некоторое время он глянул в окно, то увидел, что какие-то пацаны спокойно откручивают и снимают колесо у одной из машин.

— Ну надо же! Ты только посмотри, уже среди бела дня воруют! И хоть бы что, хоть бы кто внимание обратил и вызвал милицию! — сказал Сашка другу и вдруг охнул. — Сволочи, да это же они мой «Жигуль» раздевают!

Он открыл окно и закричал на весь двор:

— Гады, ноги вырву! Руки переломаю, милицию вызову!

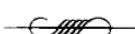
Но его крики только показали ворам истинное положение дел: «клиент» голый и у них есть время закончить дело. Сашка бросился к дверям, но, пока он на ходу одевал «треники», воры успели утащить одно колесо от его новенького автомобиля.

Весь день Сашка называнивал в милицию, но колесо так и не нашли. Следующей покупкой нашего друга стал гараж с надёжным замком.

От Татьяны Павловны С. из Вологды

Замёрз

Лето 2010 года выдалось в Вологодской области не просто жаркое, а какое-то неистово африканское. Полтора месяца жара стояла от 30 до 45 градусов по Цельсию. Как мы и выжили, не знаю!

Юра П. с женой Таней — молодые пенсионеры. Он бывший капитан подводной лодки, боевой офицер, она успешно занимается бизнесом. Дети выросли, внуков немного. Он и она родом из северо-восточной части Вологодской области, но дом себе построили ближе к западу, там, где теплее и к детям поближе. Дом крепкий, удобный, рядом баня с двумя отделениями: парной и сауной. За баней вырыли огромный пруд, почти озеро, длиной двадцать, а глубиной пять метров. Всё нынешнее жаркое лето они то и дело купались в этом пруду. (Мне даже думать об этом завидно, я-то в городе сидела, спасаясь под душем в ванной комнате).

Однажды ближе к вечеру, когда жара спала с 37 до 32 градусов тепла, они решили попариться в бане — пруд прудом, а когда-нибудь и мыться надо. Таня отправилась «налажать» баню, но быстро выскочила наружу. Оказалось, что их предбанник облюбовали шершни и начали строить под потолком гнездо. Надо сказать, что Юра при всей своей мужественной внешности и боевом прошлом терпеть не мог и побаивался шершней, пчёл и ос, видно, имелись на то причины. Тем не менее, Таня отправила его изгонять из бани непрошеных гостей. Юра серьёзно отнёсся к встрече с опасными насекомыми. Он надел охотничьи брюки на помочах, рубашку, куртку, шапку и накомарник, а также перчатки, носки и резиновые сапоги. Снарядившись таким нехилым способом, Юра отправился на борьбу с шершнями. Гнездо он соскоблил с притолоки, поместил в пакет и сопровождаемый разозлёнными насекомыми понёс выбрасывать на помойку. По пути повстречался с соседом. Сосед был стар, глух и заикался:

— Ю-Юрка, т-ты что, зэ-замерз? — спросил он.

От Михаила Николаевича Кошинина,
доктора Божьей милостью и друга семьи

Диабет

В областной больнице на отделении эндокринологии лежит женщина из Устюжны, такая толстая, что бока с кровати свешиваются. Идёт врачебный обход. Врач спрашивает её:

- Где работаете?
- На кондитерской фабрике.
- Что производите?
- Пряники.
- Вам пряники есть нельзя.
- А я их и не ем, только облизываю.

Знакомый моей приятельницы,
Надежды П., рассказал о том, как он
работал инструктором по вождению
легковых автомобилей

Разворот в ограниченном пространстве

Л. Ф. одно время работал в школе для начинающих водителей. Однажды к нему в ученицы попала очень несообразительная женщина. Он много раз объяснял ей, что такое разворот автомобиля в ограниченном пространстве, но она всё никак не могла понять, что это

такое. Он решил объяснить доходчивее на простом бытовом примере.

— Представьте себе, — говорит он, — что вы выехали вместе с мужем в субботу на дачу. Проехали уже изрядное расстояние и движетесь по какому-то переулку. И тут вы вспоминаете, что забыли дома ящик с пивом. Что вы сделаете в такой ситуации, как вы поедете обратно?

— Чего!? Да пусть этот гад за своим пивом ногами топает!

Рассказ от Надежды П.

На чужой каравай рот не разевай!

Одна знакомая моей приятельницы, женщина лет шестидесяти, работала продавщицей в магазине «Электротовары». Она выглядела моложаво и привлекательно, гордилась этим и слегка кокетничала с покупателями мужского пола.

Как-то раз в этот магазин зашел цыган, явно обеспеченный человек средних лет с благородной сединой, украшавшей его кудрявую голову, и жгучими чёрными глазами. Продавщица вскоре заметила, что он пристально смотрит на неё. Она встала спиной к окну, чтобы лицо выглядело моложе, а фигура казалась рельефнее. Мужчина не спускал с неё глаз. Продавщица решила, что покупатель сейчас заговорит с ней и, возможно, как-то проявит к ней интерес, например, пригласит в ресторан.

«В ресторан пойду, — думала она, — потанцуем, выпьем, но в первый вечер я к нему не пойду. Это как-то некрасиво. Постель подождет!»

В этот момент он подошёл к ней вплотную и, глядя в глаза, тихо спросил:

— Вам конского навоза на дачу не надо?

От Т.Ф. Крупновой, пенсионерки из посёлка Лоста Вологодского района

Слово и память

Как иногда привычное с детства родное слово пробуждает в душе самое лучшее и светлое. Татьяна Фёдоровна приехала в Санкт-Петербург навестить свою тётушку Аню восьмидесяти шести лет от роду. Тетушкина дочка Галина вывезла больную и старую маму к себе из Череповецкого района. Тётушка лежала в полу забытьи в постели, когда Татьяна вошла в комнату, и не реагировала на появление родственницы. Гая сказала:

— Мама, Танюшка Юльина приехала (Юля — младшая тётина сестра).

Тетя Аня открыла глаза, и вся засветилась радостью:

— Ма-туш-ка! — произнесла она певуче.

От этого, давно забытого приветствия (а так в Вологодской области с лаской обращались раньше к детям) у Татьяны Фёдоровны перехватило дыхание. Гая сказала:

— Мама, я сейчас покормлю Таню с дороги и дам тебе поесть, ладно?

Татьяна и Галя скоро вернулись в комнату. Думая, что мама спит и не слышит их разговор, они делились воспоминаниями о тех годах, которые протекли в разлуке. Вдруг тетя Аня ясно, громко и с укоризной в голосе сказала:

— Сулила, сулила, а я уж целый уповод жду! (Обещала, обещала (приехать), а я уже много времени жду).

И вновь волна светлых и радостных воспоминаний о детстве, о родной деревне, о молодых и здоровых родителях нахлынула на Татьяну Фёдоровну. Губы задрожали, и она потихоньку смахнула набежавшую слезу. Эти несколько слов, сказанных на родном наречии, как будто перенесли её назад во времени, туда, где она была счастлива и беззаботна, и будущая жизнь казалась ей сказочно прекрасной.

Рассказывает Зинаида Черневская,
уроженка села Кубенское

Большое старинное село Кубенское в позапрошлом веке было богатым центром отхожих промыслов местных крестьян, перевалочным пунктом между Вологдой и Архангельском, отсюда шли мелкие речные суда с посудой, сапогами, пушниной, льном и маслом. Сюда стекалось крестьянство из всех окрестных деревень, шли за пропитанием нищие и убогие.

Делёж шкуры неубитого медведя

Эту назидательную историю рассказывали в Кубенском в самом начале двадцатого века.

Идут двое нищих по дороге в деревню и мечтают. Один говорит: — Вот придем в деревню, нам дадут молока и хлеба, покрошим хлеб в молоко и наедимся!

А второй спорит:

— Нет, не покрошим, так будем есть!

Повздорили, подрались, пришли в деревню, а им ничего и не дали.

Знакомство с девушками

Это тоже старинная история.

В маминой деревне был очень стеснительный молодой человек. Он опасался подходить к девушкам, боялся, что они будут смеяться над ним. Время идёт, а он всё ходит холостым, потом решается заняться самовоспитанием (как теперь бы сказали, аутотренингом). Идёт на сеновал, ставит перед собой пестерь (большую плетёную корзину) и говорит:

— Это хоть бы деушки, а это хоть бы я. Что бояться деушек? Приду и скажу: «Здравствуйте, деушки!»

По земным меркам с той поры прошло совсем немного времени, каких-то восемьдесят пять лет, а как изменился подход к знакомству с противоположным полом!

Деревенская школа, шестидесятые годы XX века

Вчительница первого класса дала детям задание — придумать слово, в составе которого есть буква «Б».

Кто-то вспомнил слово «барабан», кто-то — слово «собака». Митя тянет руку, ему очень хочется сказать, придуманное слово. Учительница говорит:

— Ну, Митя, отвечай.

— Штаны! — шепчет Митя и краснеет.

— Где же тут буква «Б»? — спрашивает учительница.

— Была, Вера Вениаминовна, честное слово была, — чуть не плача говорит Митя.

Он, конечно, хотел сказать «брюки», но пока вставал, от волнения забыл, что надо сказать.

«Крыса»

В этом же классе задали придумать слово с буквой «Ш». Спросили одного шепелявого мальчика. Он встал и говорит:

— Крыса! — и поясняет. — Не та крыса, сто мыса, а та, сто над головой!

Село Молочное, Вологодский район

В двадцатом веке этот посёлок славился тем, что в нём располагалась на всю страну известная Академия молочного хозяйства, единственная в своём роде, принимавшая студентов со всего Советского Союза.

Рассказывают ветераны труда
и активисты сельской библиотеки

Шляпка

Молодая бабушка собирается идти в магазин и надевает перед зеркалом в прихожей шляпку. Четырёхлетний Илюша стоит рядом и внимательно за ней наблюдает. Бабушка спрашивает:

- Что, нравится моя шляпка?
- Да-а-а, нравится, — с сомнением говорит внук. — Ты в ней на старуху Шапокляк похожа.

Лежачий полицейский

Всемье моей дочки живет необыкновенно большой, красивый кот, он весит не меньше шести килограммов. Его зовут Ерофей. Кот заласкан, откормлен и избалован до нельзя. Он ревнует хозяйку ко всем, а особенно к детям и поэтому проходу не даёт маленькому Илюше.

Если Илюша садится есть, Ерофей начинает громко мяукать, просить, чтобы ему тоже дали что-нибудь вкусненькое. Стоит Илюше сесть в кресло или на диван, Ерофей тут как тут, и старается прогнать мальчика, будто это его собственное место. Илюша терпел долго. Но однажды он пошел в туалет и не успел закрыть за собой дверь. Ерофей прошмыгнулся вслед за ним, вскочил на унитаз сзади мальчика и лег на сиденье так, что свободного места почти не осталось.

— Что ты разлегся, как, как... лежачий полицейский?! — в отчаянии воскликнул Илюша.

Кающийся грешник

Мой семилетний внук неожиданно попросил:

- Бабуля, дай мне, пожалуйста, немного денег!
- Зачем тебе деньги, внучек? Что покупать собрался?
- Свечку хочу купить и в церкви поставить!
- Кому поставить, по какой причине? — изумилась бабушка. — Ты же в церкви никогда не бывал!
- Пока не знаю кому. Но ставить надо, потому что много вру, особенно маме!

Рассказывает бывшая учительница
младших классов села Молочное

Уважительная причина

Я работала тогда в средней Старосельской школе Междуреченского района Вологодской области. Во втором

классе учился мальчик из дальней деревни, и каждый день ходил в школу пешком, преодолевая несколько километров по просёлочной дороге. Однажды зимой в сильную пургу он в школу не пришёл. Когда на следующий день его спросили, почему он не был на уроках, мальчик ответил:

— Сильно витер в рожу дув!

Не все дома

Наша деревня называлась Старое Село. В деревне жила семья — мать, взрослая дочь Людмила и сын-школьник Веня. Людмила в детстве болела какой-то тяжёлой болезнью, после которой у неё перекосило лицо. Всё остальное было в порядке, более того, она отличалась почти атлетическим телосложением и большой физической силой. Среди мужчин Людмка, такое ей дали в деревне прозвище, за женщину не считалась, она работала с ними наравне на самых тяжёлых работах. К счастью, это её не волновало.

В школе была очень строгая учительница математики. Однажды Веня на уроке задумался и ответил на её вопрос невпопад. Учительница рассердилась и спросила:

— Что ты такое говоришь, Вениамин? У тебя все дома?

— Все, только Люмка с мужиками на озеро уехала, —
ответил мальчик.

От Лии Ивановны Савочкиной, село Молочное

Сирота

Я в детстве жила в деревне. У нас был пастух Александр, бедный сирота. Он ходил из дома в дом, и все его кормили. Как-то раз он у нас поел и собрался уходить. Мама говорит:

— Александр, поешь ещё.

А он отвечает:

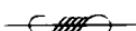
— Да я как поем-поем, так и не хочу!

От вологжанки Ольги Михайловны Е.

Свадьба в Череповце

Наверное, у каждого человека есть свой особенный месяц, во время которого с ним происходят необычные события. У меня такой месяц — июль.

У моей племянницы Любы 14 июля 2012 года должна была состояться свадьба в Череповце. Люба учится в Череповецком университете, а живёт в общежитии. Мы с сестрой выехали из Вологды на машине рано утром, чтобы успеть в общежитие до полудня, в час планировалось бракосочетание.

тание в ЗАГСе, который находится в красивейшем месте на Рыбинском водохранилище в Городище. Погода стояла дождливая, и мы оделись в треники, кеды и свитера, а праздничные платья с туфлями прихватили с собой, решив переодеться по ходу дела. Подъезжаем к студенческому городку — ёлки-палки, перед нами три одинаковых здания общежитий! В котором живёт Люба — не знаем. Однако смотрим: у входа в центральное здание стоит группа нарядных молодых людей, и явно начинается церемония выкупа невесты, которая обычно требует присутствия только жениха и гостей. Мы до этого момента их не видели, а как увидели, они нам сразу понравились, симпатичные такие, трезвые и весёлые, а жених вообще красавец. Вот мы к ним и пристроились. Смотрим, мы с сестрой здесь самые взрослые. «Ну, ничего, — думаю, — хорошо, что мы приехали, должно же быть на свадьбе и старшее поколение представлено».

Мы с сестрой идём со всеми вместе, к разговорам не прислушиваемся, нам главное успеть где-нибудь переодеться. Вошли в общежитие, заскочили на лестницу запасного выхода, переоделись и идём дальше, уже нарядные. На жениха чем больше смотрим, тем больше нравится: нашей Любашке как раз подходит. Добрались до четвёртого этажа, а где Любина комната, не знаем. Вслед за гостями к какой-то комнате подходим, смотрим: жених целует невесту. Ба, да это не Люба! Я спрашиваю:

— Как невесту зовут?

— Лена, — отвечают.

— А где наша Люба?

— А ваша Люба с женихом и гостями уже уехала в ЗАГС.

Мы бегом в машину и догонять. Едем, переживаем, хоть бы на запись успеть! Еле догнали свою свадьбу. А

ведь утром так радовались, что всюду вовремя успели. До конца уверены были, что мы у Любы на свадьбе гуляем.

Моя любимая «копейка»

Родительский стаж у меня уже пятнадцать лет. Первой моей машиной была «копейка». Я любила её, как живую! Разговаривала с ней, мыла каждый день, заботилась о ней не меньше, чем о своих домочадцах, и мне казалось, что она отвечает мне взаимностью. А иначе как объяснить следующий факт?

Однажды мы с мужем собирались уезжать с дачи домой. Мы спешили, но всё время что-то задерживало нас. То никак не могли вырулить с дачной дорожки на просёлок, то мешали чужие машины, стоящие поперёк дороги, то стадо деревенских коз преградило нам путь, то перед самым бампером на дорогу упала гнилая ветка старого тополя. И наконец, когда вроде бы все препятствия были преодолены, заглох мотор у моей «копейки». Ни назад, ни вперёд. Через некоторое время также внезапно, как заглох, мотор вдруг заработал, и машина послушно выехала на трассу, ведущую к Вологде.

За поворотом мы увидели несколько сбившихся в кучу автомобилей и гаишников, рассматривающих последствия аварии, которая случилась на этом месте, всего двадцать минут назад. Я вышла из машины, будто бы протереть переднее стекло, а сама погладила её блестящий бок и шепнула:

— «Копеечка», подруженька моя, спасибо тебе!

Человеческие возможности

Ни один человек не знает, на что он способен, если не борется с обстоятельствами. Я лично — борец, и докажу вам это!

В 2004 году я должна была пригнать машину дочке в Санкт-Петербург. Нужно было успеть сделать это до 15 июля. У меня оставалась всего неделя до отъезда, и тут, как назло, случилась целая вереница событий, которые и крепкого мужика могли вывести из терпения, не то, что слабую женщину, да так, что он бы плонул на всё и остался дома. Задержки начались сразу же после воскресенья, недаром говорят, что понедельник — день тяжёлый. Он ознаменовался несчастным случаем на работе, в котором именно мне пришлось разбираться. Затем мою машину стукнули, а ведь известно, что выяснение обстоятельств даже малейшего происшествия такого рода занимает не меньше недели, а то и больше. Пока я возилась с машиной, пропал мой кот Тимофей, по-домашнему Моня. После оказалось, что он сбежал на дачу. Закончив трудовой день, я ходила искать Моню по подворотням и бомжатникам. Муж, как назло, расслабился, у него началась «пивная неделя», и он выпал из обоймы помощников. В один из оставшихся вечеров после работы я вновь отправилась искать Моню. Мельком заглянула в подвал соседнего дома и, о Боже, увидела там убитую женщину! Сначала я глазам своим не поверила и говорю, проходящим мимо парням:

— Взгляните, ребята. Может, я ошиблась?

К сожалению, не ошиблась. Мне предстояло долгое

разбирательство и свидетельские показания! Вы только представьте себе, что всё это свалилось на меня сразу и в течение семи дней, а ведь я ещё работала. И всё же я успела сделать все дела и приехала к дочке в срок, потому что боролась с обстоятельствами изо всех сил, чего и вам желаю.

От Татьяны Ивановны Артёмовой,
вологодской пенсионерки

Детские игры

Я родилась в 1943 году в семье плотника-строителя. Отца считали мастером золотые руки. Он всё умел делать. И, несмотря на то, что был инвалидом, за свою недолгую жизнь только для семьи построил три рубленых дома. В Великую Отечественную отец получил серьёзное ранение, и слева в боку у него не хватало нескольких рёбер. Помню, как мы боялись смотреть на то место, где под тонкой кожей шевелилось сердце.

Несмотря на инвалидность, отец работал очень много. Шёл 1947 голодный год. В Вологде прокормить семью из пяти человек не удавалось. В то время у папы и мамы росли мы, три дочери: двухлетняя Валя, я, четырёх лет отроду, и восьмилетняя Наташа. Поэтому, когда отцу предложили поехать работать в колхозе в окрестностях посёлка Чёбсара, что под Череповцом, он с радостью согласился. Мы бросили в Вологде хорошую комнату в коммунальной квартире и, взяв с собой только самое

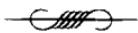

необходимое, отправились в Чёбсару. Я помню, что отец и мама, ещё молодые люди, никогда не унывали, жили весело и дружно. А уж мы, дети, радовались любым переменам. Как мы веселились, когда наши вещи в Чёбсаре погрузили на телегу, и мы поехали в деревню! Она находилась совсем близко от посёлка, поэтому мы с сестрёнками бежали впереди неторопливой кобылы, смеялись и болтали, собирая полевые цветы. Ярко-рыжая головка самой маленькой, Вали, огоньком мелькала в высокой траве.

— Хорошо, что Валюшка рыжая, — шутил папа, — вот уж никогда не потеряется, издалека видать, чья это доченька впереди всех бежит!

Мы быстро подружились с деревенскими ребятишками, бегали и играли вместе. Через выбитое окно забирались в старую деревянную водонапорную башню. Она не действовала, и поэтому в ней хранили свежескошенную траву для коров. Нам очень нравилось играть в этой башне, мы прыгали по пружинящей, резко пахнущей свежестью траве, и громко смеялись. А ещё мы придумали в этой траве играть в прятки. Ждали, пока подъедет грузовик, становились под транспортёр и смотрели на кого больше травы насыплется, а потом зарывались в неё с головой. Вот весело-то было! Маленькую Валюшку играть не брали, она в голос плакала от обиды и упрямо лезла за нами в башенное окно. Однажды после игры мы недосчитались Вали. Бросились её искать, всю траву перерыли и не нашли, не помогли в поисках даже Валины рыжие волосы. Началась паника. Девчонки ревели, мальчишки бегали по траве и кричали:

— Валя, где ты? Валюшка, отзовись!

— Давайте замолчим на минуту, — сказала Наташа, может, она плачет, а мы не слышим.

Все застыли, но вокруг — ни звука! Ох как мы испугались! Взрослые услышали, что в башне кто-то бегает и кричит, и пришли нам на помощь. Один рабочий вырыл руками глубокую яму под самым окном и обнаружил сестрёнку, лежащей почти у самой земли. Мы так заигрались, что и не заметили, как Валюшку под травой затоптали, она ведь маленькая была. Наташа плачет, трясёт её и спрашивает:

— Почему не кричала, не звала?

А у неё полный рот травы, она даже говорить не может.

Хорошо, что не задохнулась. Знала бы мама про этот случай, вот бы нам с Наташей попало!

Дунайка

Мы хоть и приехали в Чёбсарский совхоз из города, а деревенскую жизнь знали. У всех вологодских не родители, так деды и бабушки, или ещё какая-нибудь родня живёт в деревне, куда почти все ездят летом навестить родственников и помочь по хозяйству. Да и саму Вологду ещё совсем недавно называли большой деревней, а на окраинах в подворьях деревянных домов люди до сих пор держат коров и другую живность. А уж нам на новом месте без скотины было не прожить, поэтому родители купили корову, поросёнка, коз и кур. С коровой не обошлось без обмана. Всё-таки мы скота до этого не держали. А те, кто нам продал корову, видимо, это сразу поняли,

рассчитались и быстро уехали, ничего не рассказав отцу о её повадках. Корова, которую звали Дунайка, нам попалась какой-то незнакомой породы — светлая с бурыми пятнами на боках, причём рога у неё росли не как у наших коров, в стороны и внутрь острыми концами, а, как у испанских быков угрожающе торчали вперёд, и глаза у неё были дурные. Однако насчёт молока продавец не соврал. Она давала его в три раза больше, чем другие коровы. Маму это обстоятельство радовало, потому что молока хватало не только нам самим, но и на продажу в Чёбсару оставалось. Деньги выручали небольшие, но приварок к семейному бюджету не лишний. Мама в то время не работала, сидела с детьми. Однако разочарование постигло моих родителей быстро. Корова оказалась блудней. Дунайка никого не слушалась, постоянно уходила в неизвестном направлении, её приходилось искать и тащить домой на верёвке. Но самое главное, из-за строптивого характера ни один пастух не брал её в стадо.

Так что с появлением Дунайки наше детство кончилось. Мама поручила корову нашим заботам. Самая старшая и самая умная, Наташа, отвечала за выпас коровы и за количество принесённого ею молока, а мы с Валюшкой должны были ей помочь. Чтобы облегчить нам задачу, отец купил тридцать метров стальной цепи, вбил колышек на лугу у речки, и Дунайка, привязанная цепью к колышку, мирно ходила по кругу, позякивая цепью и пощипывая травку. А Наташа с книжкой сидела на большой вымытой дождями, иссущенной солнцем и отполированной водой и ветром коряге, которая лежала на высоком берегу. Мы с Валюшкой в одних трусах

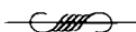

плескались на мелководье и ловили платком мальков для нашей кошки. Всё было хорошо до тех пор, пока однажды пастух не вывел деревенское стадо пастьись на противоположном берегу. Услышав знакомое мычание, Дунайка бросилась к речке, желая примкнуть к своим сородичам. Влекомая мощным зовом крови, Дунайка выдернула из земли колышек вместе с цепью и побежала к воде. По дороге кол зацепился за корягу и утащил её за собой вместе с Наташой и книжкой. Причём коряга проехала по Наташе, исполосовав ей спину. Дунайка же неведомо как освободилась от цепи, уплыла на другой берег и пропала. Наташа кричала от боли, а мы с Валюшкой вопили от страха. Полдня мы с сёстрами бегали в поисках бесследно сгинувшей Дунайки. Сколько слёз было пролито, сколько страху пережито, словами не передать. Домой мы вернулись только к вечеру, понурые и голодные, боясь рассказать матери о том, что с нами приключилось.

Бессовестная Дунайка как ни в чём не бывало стояла в стойле, а мама сидела рядом на скамеечке и доила её.

— Где это вы пропадали? — сердито спросила мама, — даже блудня-Дунайка уже домой пришла, а вас всё нет и нет. Ну-ка быстро мыть руки и за стол.

У меня камень с души свалился. Мы побежали мыть руки, а маме так ничего и не рассказали. Дунайку на речку мы больше не водили, пасли её рядом с домом. А когда родители уезжали в город, вообще не выпускали её из стойла, рвали траву руками и в мешках носили в хлев. Там и кормили, зато были уверены, что она никуда не убежит и не пропадёт.

Охотничья удача

Я вышла замуж в девятнадцать лет. Мой муж Володя был страстный рыболов и охотник, и он как-то сразу включил меня в круг своих увлечений, то есть я с самого начала нашей совместной жизни ездила с ним на все рыбалки и охоты. У нас была своя лодка «Казанка» с булями. На этой лодке мы в пятницу уезжали на реку Сухону охотиться, строили шалаш, разводили костёр и жили на берегу до середины воскресного дня, а потом возвращались домой, когда с трофеями, а когда и без них.

В тот раз мы охотились в конце октября. С охоты возвращались пустыми. Лодка мчалась по Сухоне, разгоняя свинцовую рябь, а сверху начинал моросить дождь со снегом. Вдруг я увидела на берегу большого зайца. Он столбиком сидел на задних лапах и спокойно смотрел, как мимо пролетает наша лодка. В какой-то момент я даже встретилась с ним глазами. Тут же зайца увидел Володя и, бросив руль, вскинул дробовик.

— Нет, нет, не стреляй, — закричала я.

Муж не успел выстрелить, заяц прыгнул в сторону и исчез в прибрежных кустах. Я облегчённо вздохнула, а Володя заворчал:

— Вечно ты сушься под руку! Ну что, опять зайчика пожалела? Зря! Так бы мы хоть не с пустыми руками вернулись. А теперь и ребятам нечего рассказать, и мясца свежего не поедим.

— Не ворчи, может, повезёт ещё, — говорю я.

И только я это сказала, смотрим, а над нами вдоль реки

летит стая уток, на юг путь держит. И одна утка странно так летит, водит её из стороны в сторону, как будто что-то ей мешает. Володя схватил ружьё и выстрелил, утка упала в воду. В этот раз собаку мы с собой не брали, и пришлось грести изо всех сил, чтобы подстреленная утка не утонула. Когда подплыли, смотрим, а у неё в клюве большой язь. Это она так странно летела, потому что тащила в клюве большую рыбину. Мы успели взять и утку и язя! Когда добычу привезли домой, свёкор ни за что не хотел поверить, что утка тащила такую крупную рыбу. А я никогда не вру, честное слово! Вот если бы муж рассказывал, он, как бывалый охотник, обязательно бы что-нибудь присочинил.

Рыбалка на Вёксе

Это было в начале перестройки, житуха – ни денег, ни продуктов! У нас с Володей уже трое детей подрастало. Кормить чем-то надо. В начале мая 1990 года муж с друзьями решил поехать на рыбалку, да не просто порыбачить, а заработать на продаже пойманной рыбы денег. Всего желающих ехать на рыбалку набралось три мужика, их жёны и девять детей разного возраста и пола. До сих пор не могу понять, чего они нас за собой всюду таскали?! Мужики предварительно посидели, поговорили, скинулись и купили сети, бензина на три моторные лодки, немного выпивки и еды. Дни стояли холодные, на берегах рек местами ещё лежал лёд, но рыба уже пошла на нерест. Для рыбалки выбрали речку Вёкса, которая впадает в реку Вологду. Летом Вёкса зарастает травой и

кустарником, и её почти не видно, но весной она широко разливается и в её неглубокие воды на нерест идут щуки и лещи.

Мы приплыли на Вёксу в моторках со всем необходимым снаряжением и расположились на берегу. В первый день рыбаки собрали из фанеры сооружение, похожее на маленький дом для детей и женщин, на случай, если пойдёт дождь или дождь со снегом. На другой день они перегородили Вёксу сетями и стали ждать.

Улов превзошёл все ожидания. Я в жизни своей ни до того случая, ни после не видела такого огромного улова. Мы достали из сетей шестьсот килограммов рыбы! Это была целая гора! Мы сначала просто оторопели, а потом бросились портить рыбам животы и доставать икру. Меня поразило, что и в ловле рыбы, и в её обработке дети принимали самое активное участие. Они не баловались, не отвлекались на игры, а так же серьёзно и ответственно, как взрослые, занимались рыбой. У меня было такое ощущение, что мы все перенеслись в далёкое прошлое, что мы — древнее племя, которое занято самым важным в человеческой жизни делом — добыванием пропитания. Мужчины достают улов из сетей и выбрасывают его на берег. Женщины и дети оттаскивают рыбу на сухое место, достают из щук икру и по икринке разбирают её, а затем солят и раскладывают в вёдра...

Почти сутки мы работали без отдыха, но распороли всю рыбу и решили отправить самого смышлённого из мужиков, Женьку, в Вологду, чтобы сдать улов как можно скорее, ведь рыба бывает только первой свежести.

Эх, не было в те времена частной торговли продуктами, а государственные магазины, ограниченные законами и

правилами, не могли принять нашу рыбу! Мы надеялись только на рестораны, а их насчитывалось в Вологде всего пять. На Женькину «Казанку» навесили два мотора, загрузили рыбой и отправили в город. При всей оборотистости Женьке удалось сдать лишь часть рыбы в ресторон «Чайка», а всё остальное...

Половину улова мы раздали по родным, друзьям и знакомым. Щучью икру и лучшую рыбу съели сами, но много и пропало. Жалко было трудов, затрат и рыбы. Вырученных денег хватило только, чтобы покрыть расходы на сетки и бензин. С тех пор мой муж разочаровался в крупной рыбалке и переключился на охоту, а его верные друзья последовали за ним.

От Марины Т., библиотекаря Вологодской областной библиотеки им. Бабушкина

Баба Паня и соблазн

Бывает же так, что человек годами попадает в одно и то же место и встречает одних и тех же людей, как будто двигаясь по заколдованныму кругу. Вот и со мной так случилось. Ещё в школьные годы наш дружный класс постоянно посыпали в колхоз на картошку в одну и ту же деревню в Шекснинском районе. Мальчиков селили отдельно, их вместе с учителем черчения увозили в другую деревню, а девочек отдельно. В нашей деревне постояльцев принимала только одна пожилая женщина, баба Паня. И хотя дом у неё был похож на избушку на

курых ножках, и, казалось, качался от ветра. Жадная старушенция, которой колхоз платил за нас деньги, брала к себе на постой сразу всех шестнадцать девчонок. Мы спали у неё в горнице на полу в такой тесноте, что ночью переворачивались на другой бок только по команде и все разом. Но в целом нам в деревне нравилось, кормили хорошо, работали мы на свежем воздухе, а в свободное время веселились, как могли.

Помню, в последний раз мы поехали туда в начале одиннадцатого класса, хотя обычно выпускников в колхоз не гоняли, чтобы лучше подготовить к экзаменам. Незадолго до этой поездки в наш класс поступила девочка Юля, которая несколько лет прожила с родителями в Германии. Девочка училась слабо, зато одежда у неё была шикарная, у нас в советское время такой не продавали. Она носила какие-то немыслимые юбки и брючки, кофты в яркую полоску и повязывала голову нездешними и прекрасными платками. Всю эту красоту она взяла с собой в деревню.

Мы ещё с прошлых лет помнили, что наша хозяйка — бабуля со странностями, в дальнейшем это подтвердилось. Однажды в поле к нам подошла колхозница средних лет и рассказала, что баба Паня каждый день ходит по деревне в чужой одежде: в полосатой кофточке и в ярком платке. На следующий день одна из наших девочек внезапно заболела и отпросилась с обеда домой. Приходит она в деревню и видит: разодетая, как павлин, в Юлькины немецкие тряпки, из магазина домой идёт баба Паня. Наша подружка её спросила:

— Баба Паня, ты зачем взяла чужие вещи, да ещё и надела?

Баба Паня тут же нашлась:

— Ой, девка, зубной врач из города приезжал, нужно было срочно к нему пойти, а надеть нечего, пришлось занять Юлькины вещички. Я же их не совсесм взяла и на место положила.

Собравшись вечером, мы обсудили это происшествие, посмеялись, а Юлька убрала свои вещи в сумку и заперла на замочек.

Мы хозяйке по этому поводу ничего не сказали, и она сделала вид, что ничего не произошло, но затаила на нас обиду, которая вышла на белый свет неожиданно в том же месте, но совсем в другое время.

Секрет успеха

Яуже говорила, что наш класс был активный, боевой, вот мы и решили провести для колхозников концерт. На клубе объявление повесили и начали готовиться. Кто песню пел, кто стихи читал, собрали небольшой хор — в общем всё как обычно. Учитель черчения, который с нами ездил в качестве куратора, вызвался читать «Стихи о советском паспорте» Владимира Маяковского. Начался концерт. Первого объявили учителя. Он бойко вышел на сцену, как-то даже чесчур бойко, можно сказать развязно. Присмотрелись, а он совершенно пьяный. Мы заволновались, однако учитель уверенно вскинул руку и торжественно говорит:

— «Стихи о советском паспорте», Владимир Маяковский! — и... забыл слова стихотворения. Стоит, на публику красными глазами смотрит и молчит. Потом собрался и снова говорит:

— «Стихи о советском паспорте», Владимир Маяковский!
— и снова ни туда, ни сюда.

В зале — смех. Он ещё несколько раз пытался выступить, но безрезультатно. Публика уже в истерике бьётся, а он всё повторяет вступление и не уходит. Еле мы его со сцены стащили. Колхозники аплодировали, чуть ли не стоя. Потом и песни пели, и стихи читали, но такого успеха уже ни у кого не было.

От чего он зависит, этот успех? Кто его знает!

Танцы

После концерта объявили танцы. На танцы народу сбежалось ещё больше, чем на концерт. Все деревенские парни пришли. Как же: городские девчонки приехали! Неожиданно в клубе появились солдаты из секретной военной части, которая стояла в двадцати километрах от нашего населённого пункта и о которой в деревне знали все, кроме нас. Услыхав про танцы и про девчонок из Вологды, солдаты уговорили полкового шофёра подбросить их в деревню на машине. Мальчики приехали симпатичные и в основном из столичных городов. Они разговаривали на «а» и вели себя обходительно, не в пример нашим деревенским ухажёрам, которых мы сразу же побросали и стали танцевать с солдатами. Я танцую с одним, вдруг бац — и он пропал. А за ним тихо-тихо все остальные солдаты исчезли. Оказалось, что ребята уехали в самоволку, без разрешения. Начальство пронюхало, что они в деревне, и за ними приехал дежурный офицер с нарядом других

солдат. Однако, кроме шофёра, они никого не нашли, взяли его и отправились на его же машине обратно в часть. После этого из всех щелей вылезли оставшиеся солдаты, а один даже в пруду прятался, стоял по пояс в воде до отъезда офицера. Его пришлось переодевать в сухую одежду, чтобы не простудился. Настроение у всех испортилось. Солдаты собрались и пошли в часть пешком. А мы ушли домой, к бабе Пане. Деревенские ребята не простили, что мы от них к солдатам переметнулись. Только мы легли на пол спать, они начали стучаться и лезть в двери и окна. Лезут и кричат:

— Открывай, старуха, дверь! Выпускай девок!

И нас вызывают:

— Выходите, девки, с нами гулять!

А баба Паня боится, что ей избушку раскатают, бегает от окна к окну и кричит парням:

— Милые, хорошие, приходите завтра! Завтра всех девок отдам!

Мы затаились, лежим, боимся, что дом завалится. Еле баба Паня отогнала парней. Но особенно настырные так спать и не дали, всю ночь бродили под окнами, только утром разошлись.

«Ах, ножки, ножки, где вы ныне...»

В нашем классе училась отчаянная девчонка с Украины — Тонька Заманская. Она ничего и никого не боялась и славилась среди одноклассниц необыкновенной находчивостью. А ещё она, по мнению мужской половины нашего класса, была хороша собой: маленькая, бойкая, с

округлыми формами, с точёными ручками и ножками. По мне так её ноги напоминали резные ножки обеденного стола в маминой гостиной. Но, может быть, во мне тогда говорила зависть. Особенно Тонька выделялась на фоне остальных девчонок — рядом с ней мы выглядели длинными и тощими подростками.

В тот раз мы всем классом осенью работали в колхозе. В один из дней с утра шёл дождь, и нам не захотелось идти в поле на картошку. Сидим дома, и видим в окно, что в нашу сторону направляется бригадир, а с ним пара колхозников, и лицо у бригадира сердитое. Что делать? Тонька говорит:

— Идите, девчонки, на сарай, а я с ними поговорю.

Мы ушли, слушаем — тишина. Только дверь хлопнула — раз, а потом через некоторое время ещё раз. Вернулись, а Тонька лежит на матрасе, сама одеялом прикрыта, а голые ножки наружу выставила и смеётся.

— Мужики, — говорит, — в дом вошли, мои ножки увидали, постояли, посмотрели и ушли. Слова вымолвить не могли от такой красоты!

У хирурга

Гтонькой мы вечно в истории попадали. Однажды, еще в школе, наш класс отправили в поликлинику на плановый осмотр. Мы пришли в хирургический кабинет, а там две комнатушки: одна для доктора, а в другой делали перевязки. Медсестра проводила нас в комнатку доктора и почему-то велела раздеться догола. Мы разделись и стоим, ждём хирурга, а его всё нет. Тонька говорит:

— Пойду, спрошу, где доктор.

И в чём мать родила спокойно пошла в первую комнату. Входит, а там три мужика сидят, ждут, когда их перевяжут. Их чуть Кондратий не хватил, когда они голую Тоньку увидели. Сидят, рты открыли и глазами хлопают. А Тоньке хоть бы что, видит, доктора нет, повернулась к ним спиной и тем же манером обратно ушла.

Живёт молва

После школы я устроилась работать в библиотеке. И надо же: меня с подругой отправили осенью на картошку в ту же деревню, где мы раньше с классом работали. Больше того, нас поселили в тот же дом и к той же бабе Пане. А она уже всех и всё забыла, и нам же про нас начала рассказывать небылицы:

— Вот у меня до вас девки из школы жили: неряхи, гулёны, жадные (это нам Юлькины немецкие одёжки аукнулись), а ихние кавалеры чуть мой дом не развалили! Одним словом, живёт молва и слухами полнится.

Шиньон

Мы с подругой Верой жили у бабы Пани вдвоём. В то время особенно острой стала мода на шиньоны. У подруги свои волосы были рыжеватого оттенка, мягкие и лёгкие, как пух, да ещё и коротко стриженные, а она давно мечтала о длинных волосах и решила сделать шиньон, который помог бы ей незаметно для других отрастить собственные волосы.

В деревне у неё появился воздыхатель, местный возница-дурачок Витька. Он возил на старой смирной кобыле молоко. Витька, по поручению правления колхоза, каждый день привозил нам молоко, подолгу сидел в горнице, таращил на мою подругу глаза и вздыхал. Вера заметила, что у Витькиной лошади шикарный густой хвост примерно такого же цвета, как её волосы. И она уговорила Витьку отрезать кобыле хвост и отдать ей. Он согласился, привёл вечером в темноте лошадь к нашему дому и держал её, а хвост резали ребята из отдела культуры городской администрации, которые работали с нами на картошке.

Хвост отрезали, но шиньона из него не получилось, потому что он страшно вонял мочой и навозом, и структура волос была совсем другая. (Так этот хвост и валялся у Веры дома, пока его не выбросили). Бедная кобыла бегала по деревне с коротким хвостом, а Витька чуть не плакал от досады, потому что все над ним смеялись. Мы, конечно, его утешали:

— Витюшка, не расстраивайся, в армии Будённого тоже лошадям хвосты подрезали.

Но он всё равно очень расстраивался, тем более что Вера не обращала на него никакого внимания.

От врача сокольской скорой помощи

Сокол — районный центр, в котором располагается целлюлозно-бумажное производство области.

На подсознательном уровне

Во время перестройки врачи и фельдшера на скорой помощи по бедности формы не имели, ездили

на вызовы в плохонькой своей одежде и выглядели немногим лучше бомжей.

Однажды мы с напарницей Надеждой поехали на вызов. Надя — красавица, высокая, стройная, лицо, как у артистки. А одета в куртёнку, похожую на телогрейку. Приехали к больному. В квартиру поднялась Надя, а мы с водителем ждём внизу. Жена больного оказалась ей знакомой. Сделав всё, что положено, Надя пошла в прихожую и стала одеваться, попутно рассказывая хозяйке дома, что дальше делать с больным, какие лекарства купить и к кому специалисту обратиться. При этом она машинально надела хозяйственное пальто, застегнула пуговицы, огладила руками меховой воротник и вдруг заметила, что знакомая смотрит на неё круглыми глазами и будто хочет что-то сказать. «Странно», — подумала Надя и спустилась к нам.

— Надежда, ты, что, с ума сошла? В чём это ты? — говорю я.

Тут только она заметила, что надела чужое пальто вместо своей бедной курточки. Вот сраму-то было! А ведь произошло это бессознательно, руки помнили былье времена, когда Надежда носила красивое зимнее пальто с черно-бурой лисой.

От Натальи Мелёхиной

Истинный музыкант

Вслабовидящего басиста Лёши из нашей вокально-инструментальной группы на даче завелись какие-то летающие насекомые: может, осы, может, шершни. Он говорит соло-гитаристу:

— Артём, собираюсь их гнездо разорить, боюсь, что моих детей покусают. Да ещё они по ночам спать не дают, гудят в гнезде громко и угрожающе.

Артём его спрашивает:

— Что за насекомые-то, осы или шершни?

Лёша задумывается:

— Не знаю. Но я послушал: звучат примерно, как «си» или «си bemоль» в малой октаве.

О моей сестре Елене Александровне Андреевой

Моя сестра Лена была вузовским преподавателем истории. Кроме доброты, красоты, ума, таланта, она обладала ещё одним замечательным качеством — умением щедро дарить дружбу. У неё было много друзей и подруг, и она шла по жизни рядом с ними всегда, в горе и в радости. За это её любили не только сами друзья, но и все их родственники, включая родителей, дедушек и бабушек. Когда её не стало, мы все ощутили, как опустело душевное поле её доброты рядом с нами, и только благодатная память возвращает нам её такой, какая она была: светлой, весёлой, любящей.

Скус-от какой!

Лена приехала как-то к бабушке одного своего приятеля. Бабушка Маша зимами жила в Вологде у

дочери, а всю весну, лето и осень обреталась в деревне на речке Пучке. Старая, беззубая, в жизни мало чего хорошего видевшая, отличалась она такой беззащитной добротой, какой сейчас не найти.

Радуясь редким гостям, особенно моей сестре, бабушка Маша хлопочет:

— Садитесь за стол, гости дорогие. Я супу наварила с крупой и сущём. Пробуй, Леночка, скус-от какой! (То есть очень вкусно).

В вологодской деревне супы прежде не очень умели варить, больше щи. А такой рататуй, как у бабушки Маши, был сварен на воде с овсянкой и мелкой вяленой рыбёшкой под названием «сущик». Современному городскому человеку такой «скус» очень непривычен!

Зачёт по истории Отечества

В начале перестройки Лена принимала зачёт по истории России на первом курсе Вологодского политехнического университета. Она задала очередному студенту вопрос:

— Расскажите о самых значительных событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Ну, хотя бы об одном.

Студент ответил:

— Немцы захватили Москву.

Помолчав, Лена вздохнула и сказала:

— Ладно. Приходите завтра, будем Москву освобождать!

Вам хорошо...

Однажды Лена вела семинар в большой лекционной аудитории. Она беседовала со студентами, а в сторонке тихо подтирала пол уборщица, бывшая коллега Лены на пенсии.

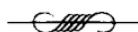
Студенту был задан вопрос о том, сколько лет длилась Отечественная война 1812 года и каких героев этой войны он помнит. Студент отвечал сбивчиво, путался в датах. Видно было, что он не готов отвечать. Уборщица не выдерживала и ответила за него. Студент повернулся к ней и сказал:

— Вам хорошо, вы тогда жили!

Счастье

Лена увлеклась фотографией с того дня, когда я в 1995 году привезла ей первую «мыльницу» из Нью-Йорка. Надо сказать, что снимки у неё получались замечательные, уже хотя бы потому, что у неё всегда был отменный вкус и умение видеть красоту. Чтобы добиться высокого качества фотографий, она часами наблюдала за деревьями, птицами и цветами, закатами и восходами. Она могла ползать по глубокому снегу, чтобы снять какой-нибудь куст, освещённый лучами заката, или сидеть рядом с цветком несколько часов в поисках нужного света или ракурса.

Все её друзья знали об этом. Однажды она отдыхала на даче у своих школьных друзей, Марины и Володи

Кичигиных. Марина утром вышла на крыльцо и увидела, что совсем близко на сухой ветке необычной формы, которую она держала на клумбе в качестве украшения, сидит красивая птичка. Марина тихонько пробралась обратно в дом:

— Ленка, беги, там птичка на клумбе сидит.

Лена краалась к этой птичке, как настоящий охотник, наставляя камеру и так, и этак, до тех пор, пока не упёрлась объективом прямо в птичий клюв. Марина вскрикнула, но Лена в последнюю секунду успела сделать снимок. Эта секунда была наполнена для неё истинным счастьем.

Слово материально

Как часто мы повторяем друг другу:

— Будь осторожен, или осторожна, слово материально. Стоит сильно чего-нибудь пожелать и сказать об этом вслух, и сбудется.

Но кто всерьёз задумывается над предостережениями, кто слушает, что ему говорят другие, даже самые близкие люди? Особенно самые близкие люди. Мы почти все такие уверенные в себе, такие знающие о себе и других всё на свете...

Ленины бывшие одноклассники и близкие друзья Кичигины необыкновенно гостеприимны и хлебосольны. Школьные друзья, институтские друзья, друзья друзей и родственники — непременный атрибут их жизни на даче в любое время года.

Они часто возили к себе Лену, как старую и верную подругу, на праздники, в баню, на пикники и за грибами.

1 января 2012 года они вместе отмечали Новый год. Как всегда праздник проходил шумно и весело. Сначала гости и хозяева мылись в бане, а потом по принятой у Кичигиных традиции, наряжались в тут же сделанные из подручного материала карнавальные костюмы и ряжеными устраивали импровизированные сценки, пели и дурачились, кто как мог.

В тот вечер Лена вышла из бани довольная, умиротворённая, вся освещённая каким-то внутренним светом. Она посмотрела на заготовки к костюмам и надела на голову картонную корону. Марина спросила:

— Ты кем будешь?

— Я хочу быть ангелом, — ответила Лена и улыбнулась.

Седьмого ноября 2012 года, за три дня до дня рождения, её желание исполнилось. Лена погибла, и я верю, стала ангелом. Светлая ей память и царствие небесное.

После этого события я целый год продолжала писать разные рассказы, в том числе и весёлые, и они помогли мне жить дальше.

ГЛАВА II

Тарнога и Тарногский район

Тарногский Городок, или Тарнога, — особенное для меня место в Вологодской области. Место, где сорок семь лет назад я начинала свой трудовой путь учительницей английского языка в средней школе. Это была моя первая работа и первый год вдали от родных и от привычной городской жизни. Вопреки далеко не радужным ожиданиям, Тарнога приняла меня как долгожданную гостью и окружила любовью, научила быть взрослой и понимать, что книжная жизнь и культура хороши, но далеки от настоящей жизни и народной культуры. Оттуда я привезла в Вологду осознанную любовь к своему родному краю и желание узнать и понять его. Я часто возвращаюсь в мою любимую Тарногу, к своим друзьям и к великолепной природе, не боясь разочароваться. Каждый раз я уезжаю оттуда с обновленной душой и увожу с собой живое тарногское слово, чтобы запечатлеть его и оставить в исторической памяти новых поколений таким, каким оно было и остаётся до сих пор.

«Не в аппетит»...

В конце семидесятых годов прошлого столетия я работала в Тарногской средней школе учительницей английского языка. С одногруппницей Гелей мы жили на квартире у Вали-магазинщицы. Валя

была пролеченной запойной алкоголичкой, уволенной с работы и вынужденной сидеть дома. Свои дети у неё выросли и разъехались, ждать их раньше следующего лета не приходилось. А Валин муж, любя её, хотел, чтобы она отвлекалась от своей болезни хотя бы в заботах о чужих людях. Валя честно хотела бросить пить и со всей страстью окунулась в домашнее хозяйство и заботы о нас с Гелей. Мы даже договорились, что она будет кормить нас завтраками и обедами, а мы будем платить ей за квартиру и стол немыслимые по тем временам деньги — тридцать рублей в месяц. Валя доставала в магазине лесников, где она раньше работала, колбасу, сыр, дефицитные рыбные консервы, шоколадные конфеты и всё это выставляла утром у самовара, приготовленного к нашему уходу в школу. А вот с обедами ничего не вышло, потому что готовила она ужасно. И это приводило Валю в моральное настроение.

Вечером мы заставали нашу хозяйку грустно сидящей у того же самовара, подпёршей щёку рукой и говорившей на дивном местном говоре:

— Ой, дефьки! Цельной-от день емь, емь и всё не в аппетит!

Признание

Как я радовалась, когда на перемене ко мне подходил какой-нибудь пятиклассник и спрашивал, «окая и ёккая», а также растягивая по-тарногски гласные звуки:

— Татьяна Александровна-а-а, скоро английской-от будёт?

А когда я говорила:

— Через два дня, — слышала в ответ:

— Доуго ждать!

Или зимой пятиклассники приглашали меня кататься с горки на санках, говоря:

— Татьяна Александровна-а-а, пойдем на цюноцках (на саночках) катаце!

Посетители

Начались студенческие каникулы, и ко мне приехали в гости брат Шура и наш неизменный друг Славка Попов, посмотреть, как я устроилась и как складывается моё житьё-бытьё.

Они появились внезапно, прибыв в школу прямо с самолёта. Как же мы с Гелей радовались! Наша хозяйка по этому случаю напекла несъедобных пирогов, но мы их ели, болтали и хохотали от души. Заняться ребятам было особенно нечем, поэтому они, как прилетели, так быстро и улетели, оставив у нашей хозяйки неизгладимые впечатления от весёлой болтовни и песен под гитару.

Хозяйка Валя, несмотря на немногословность, умела смотреть в корень и давать сногшибательные характеристики людям. Не знаю, что она говорила обо мне, но Гелю называла «трехшёрстной» за то, что крашеная Гелина головка была местами светлее, местами темнее, а где и рыжиной отдавала. Про юркого и вездесущего Славку она сказала, что «у этого и на ж... глаза есть!» Причём эта характеристика была ему дана без юмора и с большим уважением, поскольку слово на букву «ж» было и является в

Тарноге вполне обиходным и входящим в речевую норму, то есть так может каждый сказать, и это никого не обидит.

Седьмого февраля 2010 года в Тарногском Городке проходил юбилей районного литературного объединения «Родники». На этот праздник меня пригласила Надежда Михайловна Юрова, журналистка местной газеты «Кокшеньга», организатор и бессменный руководитель этого объединения, коренная тарножанка, талантливый человек и незаурядная личность, наделённая природой душевной красотой и щедростью.

На юбилейном вечере я познакомилась с Галиной Константиновной Мултасовой и Галиной Александровной Угрюмовой, работниками Районного центра традиционного народного творчества, которые значительно пополнили мой запас тарногских бывальщин.

Странь

В словаре Даля слово «странь» описано, как производное от слова «странник», человек бродячий и праздно шатающийся. В тарногском говоре, сохранившем много старинных русских слов, «странь» обозначает непутёвую, гулящую женщину. Дательный падеж от этого слова звучит как «стране».

До перестройки колхозники и частники сдавали молоко на местный молокозавод. Тащит как-то утром Евлампия ведро с молоком на завод, а навстречу ей идёт старушка соседка и спрашивает:

- Куды молоко несёшь?
- Стране сдавать.
- А што, странь сама-то к тебе прийти не может?

Месть

Вмилиционера Васьки с Верхнего Погоста на заднице выскоцил чирей. До районного центра далеко, да и стоя неудобно ехать, а в деревне из лекарей одна только знахарка, бабушка Текуса, которую Васька притеснял, завидуя её заработкаам. Однако чирей зрел и причинял нешуточную боль. Делать нечего, пришлось идти к Текусе.

Текуса посмотрела на чирей, помазала его чем-то вонючим, взяла с Васьки двести рублей и велела приходить через три дня. Вечером к знахарке забежала соседка, и Текуса поспорила с ней на двести рублей, что через три дня Васька покажет свой голый зад из окошка её избы. Соседка этой новостью поделилась со всей деревней.

Васька явился, как было условлено, через три дня. От боли он хромал и постанывал. Текуса, сославшись на слабость зрения, велела ему подойти поближе к свету, к самому окну, снять штаны и показать чирей. Васька выполнил её просьбу. Она ещё раз чем-то помазала больное место и сказала, что теперь всё пройдет.

— Пройдёт, пройдёт, — ворчал Васька. — Не умеешь лечить — так не берись, отдавай мои двести рублей! — потребовал он.

— Подавись своими рублями, посмотри вон в окно, я со всей деревней поспорила на двести рублей с

каждым, что покажу им твою голую ж...! — ответствовала Текуса.

Сам договаривайся

Митька до трёх лет сосал у матери грудное молоко. Ей это мешало работать, и она отказалась давать Митьке грудь. Сынишка бегает за ней и просит:

— Мамка, дай титю! Дай титю!

Мать не обращает на него внимания. Тогда Митька жалуется отцу:

— Папка, она мне титю не даёт!

— Сам договаривайся, она и мне не даёт!

Получил!

Четырёхлетний Мишка мешает отцу топить печь, всё время лезет под руку и суется к раскалённой дверце. Отец сердито говорит ему:

— Мишка, отойди от печки, получишь!

Мишка настырно продолжает лезть к печке. Наконец папаша не выдерживает и даёт ему крепкого шлепка. Мишка отскакивает в сторону и со слезами в голосе кричит:

— Получил! Получил!

Любимая песня

Маленькая внучка просит бабушку Анфису спеть её любимую песню про корову с накрашенными

губами. Бабушка в полном недоумении: такой песни она что-то не припомнит.

— Ну как же, бабушка, там ещё такие слова есть: «Зорька алая, губы алые, а в глазах твоих неба синь!»

Тут нужно напомнить, что одна из самых популярных кличек коров в Вологодской области — Зорька.

Соль

Федулко — невзрачный мужичок лет тридцати пяти — всё никак не мог добиться семейного счастья. Он уже был четыре раза женат, благо женщин у нас гораздо больше, чем мужчин, но все жёны бросали его по одной деликатной причине: не силен был Федул по мужской части. Однажды он пил пиво в компании сверстников и услышал такой разговор:

— Говорят, что для мужской силы очень важна соль. Надо каждый день её есть и как можно больше.

На следующий день, к большому удивлению местных баб, толкующихся в сельпо, Федул купил мешок соли.

Помогла ему соль или нет, не знаю, но факт остаётся фактом, через полгода Федул женился в пятый раз и уехал жить поближе к цивилизации, в Костылево. Там и теряется его след в истории.

«Колхозники»

Г70-е годы Гая жила в деревне у хозяйки. Хозяйка как-то напекла пирогов. Гая утром встала —

пахнет пирогами, а нигде их не видно. Спрашивает хозяйку:

— Чем так хорошо пахнет? Пирогами, что ли?

— Какие пироги? — отвечает хозяйка. — «Колхозников» напекла!

Потом рассказала Гале, что пироги «расщеляло» (полопались, не удались, значит). Она их на мосту (в крыльце) на столе выложила и скатертью закрыла, чтобы не видно было!

В деревне тогда неудачные пироги называли «колхозниками».

(Кстати, о пирогах и людях, про никчемного человека в Тарноге говорили и говорят: «Ни с цем пирожок»).

Налог на бездетность

В сталинские времена в Советском Союзе сделали налог на бездетность, мужчины и женщины детородного возраста, не имевшие детей, должны были платить государству этот налог.

Одна колхозница на гулянке спела частушку:

Ой, подруга дорогая,
До чего мы дожили,
Которо место берегли,
На то налог наложили!
Ей за это пять лет тюрьмы дали.

Железная логика

Сколотил Федька туалет новый и сел в него. Мимо идёт соседка:

- Петрович, ты бы хоть дверь сколотил!
- Дверь?! А зачем, что тут брать-то?

Концерт по заявкам

Две подруги заочно учились в Тотьме. Денег зарабатывали мало и решили копить на поездки, на сессии. Одна другой рассказывает:

— Я у Иванова (у мужа) вечером деньги беру. Пять рублей — так и десять рублей — с чувством. А он мне намедни двадцать рублей подаёт!

Подруга комментирует:

— Так это уже концерт по заявкам будет!

Отношение к делу

В клубе чествуют многодетные семьи. На сцену вызывают отцов и матерей больших семейств, произносят речи, дарят подарки. Пригласили Петровича, у него восемь детей. Ведущая интересуется, как ему удалось создать такую большую семью. Петрович, угрюмо глядя в пол, отвечает:

— Люблю я это дело!

«Летящая ласточка»

Одна моя приятельница — полная красивая, молодая женщина любит поесть, и ест всё, что хоть и вредно для здоровья, но вкусно. Для похудания ей рекомендова-

ли пить слабительный чай «Летящая ласточка». Как-то раз она заварила этот чай утром, выпить не успела и убежала на работу. Дома оставались муж, свекровь и дети-школьники. Когда она вернулась вечером домой, её встретил хмурый и бледный муж:

— Чего-то мы вчера вечером наелись, всей семьёй с утра с горшка не слезаем!

Приятельница про лечебный чай рассказывать ему не стала. На всякий случай.

Пост

Супруги Миша и Валя — высокие и полные молодые люди. Однажды решили они похудеть и договорились соблюдать для этого Великий пост. Непосредственно перед постом Валя напоминает мужу:

— Поститься будем. Но учти, Мишка, что во время поста и сексом заниматься нельзя!

— Ну, не все же бабы постятся! — отвечал Мишка.

Каратэ

В деревню приехал каратист. Деревенские пошли к Ване-кузнецу уговаривать, чтобы он вступил с каратистом в бой, как самый сильный и крупный мужик в деревне. Иван долго отказывался, но всей деревней его уговорили.

Вышел Ваня на улицу, стоит, расправив плечи, мускулами поигрывает, богатырской силе своей радуется! Смотрит, встал напротив него каратист — маленький, жид-

коватый мужичок. Иван усмехнулся: ну, думает, этого-то я уложу! Карапист разбежался и Ваня в грудь ногой как даст! Иван упал, лежит и не шевелится. Подбежали к нему деревенские, спрашивают:

— Как ты, Ваня?

Он один глаз приоткрыл и говорит:

— Карапист ещё здесь?

— Здесь.

— Ну так, когда уедет, скажете. Я всей деревне пинцюлей навешаю!

Современные технологии в деревне

№ 1

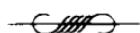
Внучка купила бабушке мобильный телефон и показала, как ей позвонить. Вечером бабушка, сверяясь с записью на бумажке, набрала внучкин номер, приложила телефон к уху и слушает. Телефон ей отвечает:

— Абонент временно недоступен.

— А ты откуда знаешь? — спросила бабушка.

№ 2

Летом в деревню приехали студентки. Вечером ушли гулять, мобильник оставили дома. Телефон зазвенел, а старая бабушка не знает, как его выключить. Закутала в платок и стала переносить с места на место, а он всё

звенит. Бабушка раскутала его, смотрит, окошечко светится, она и говорит в окошечко:

— Дома никого нет!

Телефон опять зазвенел!

— Я сказала, дома никого нет! — рассердилась бабушка.

Городской внук

Внук гостил в деревне. Кончились у него деньги. Ищет у бабушки в шкафу, а она и заходит в комнатку. Внук:

— Бабушка, а нет ли тут долларов?

— Нет, нет, внучек, и тараканов-то никогда не водилось!

Сила искусства

Одна деревенская старушка передала в районный музей старинный шкафчик ручной работы. Шкаф был очень грязный, и смотрительница отмывала его неделю, осторожничала, чтобы не повредить старую роспись.

Через некоторое время бабушка зашла в музей, уви-дела шкаф и восхитилась. А ей работники музея говорят:

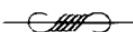
— Так это ведь ваш шкафчик!

— Правда? Тогда я его домой заберу!

И забрала!

Устал бороться с бюрократами

В60-х годах прошлого века мы всей семьей — отец, мама, я, шестнадцатилетняя девушка, и младший

брат Венька — заготавливали сено для своей коровы на дальней лесной делянке.

Потрудились на славу, сена заготовили много, вот только вывезти его не на чем было. Папа с Венькой ушли днём на центральную усадьбу просить машину или трактор, чтобы переправить сено в нашу деревню. Ушли, и нет их. Мы с мамой ждём, уже беспокоиться начали, когда к ночи прибегает запыхавшийся Венька и говорит:

— Папа велел всё сено спалить!

— Как спалить?! Столько сил было положено на это сено!

Стали ждать отца. Он приехал утром на тракторе.

— Не сожгли сено? Ну и слава Богу! Это я вчера в запальчивости Веньку с таким наказом послал, устал бороться с бюрократами! Ни за что не хотели помочь сено вывезти!

Ждать да рожать...

Володька отвез Нину в родильный дом ещё утром, когда у неё начались схватки. Нина долго мучилась, но в тот день не родила.

— Передумала рожать ваша Нина, — сказала медсестра Володьке, пришедшему в больницу под вечер узнать, кого родила его супруга.

— Как это передумала?! — удивился он. — А мы с мужиками уже сидим и стол накрыт!

Деревенский философ

Вдеревнях за перевозки, за помощь, за навоз и другие необходимые услуги обычно расплачиваются

бутылкой водки. Водка — самая ходовая валюта на селе. Однажды Марья попыталась расплатиться с шофером за подвоз дров деньгами. На это он сказал ей:

— Лучше бы бутылочкой. Деньги есть — и нет их. От денег не откусишь и не выпьешь, а то и баба отберёт!

Стул

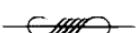
Старый Митяй до этого случая никогда не бывал в больнице — не обидел его Бог здоровьем. В первый раз заболел у него живот в семьдесят три года, и его направили в поликлинику сдавать анализы. Участковый врач велела, чтобы он сдал стул.

— У меня стульев нет, одни табуретки! — мрачно ответил Митяй.

Когда ему объяснили, что в медицине означает слово «стул», он согласился сдать анализ, но долго удивлялся, что простое г.... можно так красиво и странно назвать. Для точности результатов анализов ему предложили сдать стул за неделю. Ровно через неделю Митяй принес в поликлинику большой фанерный ящик из-под посылки и сказал:

— Куды ставить? Я этот стул всю неделю собирал, цельной яшмык навалил.

В марте 2012 года мы с Надеждой Юровой отправились в Шебеньскую библиотеку. (Шебеньга — большое село недалеко от Тарноги). Вот что рассказала нам учительница математики на пенсии Александра Фроловна Лихоманова.

Сила слова — 2

Ятогда ещё работала. Топлю как-то в воскресенье баню, а она у меня стоит через дорогу от колонки. Я вышла из бани и только собралась за водой пойти, как слышу, мои восьмиклассники как раз у колонки собирались, и вот матерятся, просто уши вянут. Я постояла за углом, дождалась, пока они уйдут, и продолжила заниматься баней. На следующее утро на уроке в их классе рассказываю:

— Вчера топила баню и никак не могла растопить дрова. Старалась, старалась — не горит! Тогда я пошла к колонке, собрала все плохие слова, которые вы там оставили, и бросила их в печку. То-то славно разгорелась печь — я и намыться и постирать успела!

Ребятам было очень стыдно.

Зарок

В тарногском говоре слово «зарок» обозначает недостаток.

Механизатор Сидоров в довольно зрелом, если не сказать в пожилом, возрасте отправился по профсоюзной путевке на юг. Дома осталась верная жена, с которой он прожил

всю свою жизнь. Конечно, страсть к жене давно остыла, но он очень уважал её и по-своему любил. На юге у него случился короткий роман с местной женщиной, и она решила, что он ради неё бросит свою супругу и останется жить с ней. Она каждый день уговаривала Сидорова остаться, говорила, что любит его и жить без него не сможет. Но он и не думал так кардинально менять свою жизнь. Чтобы отбиться от любовницы, Сидоров и сказал ей:

- Хорошо! Будем вместе, только у меня зарок есть!
 - Какой?
 - Я, когда иду, всё время попёрдываю!
- Помогло. Женщина от Сидорова сразу отстала.

От Л.А. Поповой, учительницы русского языка и литературы на пенсии

Психологический казус

Это было ещё в Советское время. На 9 Мая, ко Дню Победы, всем районным организациям дали разнарядку — подготовить номера к праздничному концерту в клубе. Мужской ансамбль райкома КПСС, состоящий из семи человек, подготовил песню о Вене, под названием «Майский вальс». Песня начиналась такими словами:

*Весна сорок пятого года,
Как ждал тебя синий Дунай!*

*Народам Европы свободу
Принес тёплый солнечный Май!
Дальше шёл припев:
Помнит Вена, помнят Альпы и Дунай,
Тот цветущий и поющий яркий Май! И так далее.*

Ансамбль вышел на сцену. Участники ансамбля, на-мытые, начищенные, одетые в праздничные костюмы, мужчины, дружно и слаженно спели первый куплет, с воодушевлением грянули припев и... дружно забыли слова второго куплета. Подсказать было некому, так что второй куплет прозвучал, как невразумительное мычание. Однако припев снова спели без перебоев и почти вдохновенно.

То же самое произошло и с другими куплетами. С разом зал смеялся всё громче, сами певцы еле сдерживались, но запев так и не вспомнили.

Самое замечательное в этой истории то, что, приехав на областной конкурс песни в Вологду, ансамбль повторил всю эту забавную ситуацию сначала до конца. Хотя перед отъездом «Майский вальс» долго репетировали, и, казалось, что уж теперь никто из певцов не сможет его забыть.

Телефонный разговор

Разговаривают двоюродники, Юра и Люся, тому и другой за шестьдесят.

Юра:

— У нас гроза, проливной дождь. (Пауза). Таня огород поливает.

Эти две истории рассказала
сама их героиня, Галина Л.

Сила слова и сила духа

Гая родилась в Тарногском районе Вологодской области. Она жила вдвоём с мамой, которая работала сметчицей и учётчицей на северных стройках Советского Союза. Они ехали туда, где начиналась новая стройка, поэтому искали весь Урал и Вологодскую область, перееzzая из одного рабочего посёлка в другой. Девочке часто приходилось менять школы, иногда не по одному разу в год. Несмотря на это, Гая всегда училась хорошо. Чаще всего они с мамой жили в бараках, где было много беспозных детей, где кучно жили рабочие семьи, в которых случались и дружеские попойки и пьяные драки. Гале с самого нежного возраста приходилось защищаться от маленьких и взрослых. Несмотря на свой малый рост и хрупкость, она умела постоять за себя.

В одном из таких рабочих посёлков утром первого сентября она шла в шестой класс очередной новой школы вдоль разбитой и разъезженной дороги. Проезжавший мимо на велосипеде дядька столкнул её в глубокую, полную воды колею. Гая, белокурая малышка с голубыми невинными глазами, обложила его таким матом, что он даже затормозил, не поверив своим ушам. Он догнал её на повороте и уважительно попросил:

— Девочка, повтори, что ты мне сейчас сказала, я хочу с друзьями поделиться.

В этот же день с ней приключилось ещё одно знаменательное событие. Войдя в свой 6 «б» класс она обнаружила, что свободное место есть только за первой партой перед столом учительницы. Гая, недолго думая, стала устраиваться за этой партой. Класс молчал, только одна девочка сказала, что здесь сидит второгодник и хулиган, который всех лупит и не разрешает садиться рядом с собой. Гая прошла по всему классу и предусмотрительно собрала в портфель учебники, какие только смогла найти (сама она никогда книг в школу не носила). В этот момент вышеназванный второгодник ввалился в класс, схватил её за шиворот и выкинул из-за парты. Не говоря ни слова, Гая размахнулась и что было сил ударила его по голове полным книг портфелем. Парень свалился в проход между партами и на какое-то время отключился.

После уроков он молча взял Галин портфель и пошел провожать её домой. Вернее и преданнее друга у неё никогда больше не бывало.

Что в имени тебе моем?

Гейчас Гале Л., Галине Тимофеевне, под шестьдесят, но выглядит она замечательно молодо, а главное, характер у неё озорной и общительный. Она едет из Вологды в Тарногу на маршрутном такси всего четыре часа, но даже это время коротает разговорами с попутчиками, а предварительно с ними знакомится. Ближе всех от неё устроились молодой прaporщик и девушка Катя. Только выехали за город, Гая заводит с прaporщиком разговор.

- Как вас звать?
 - Никак, — молчаливый прапорщик хмуро смотрит в сторону.
 - Какое странное имя. И как же в детстве звали? Никакушка или Никакашка? (Катя весело хохочет).
 - Валерьян я, Валерьян!
 - Вот это мужское имечко, — смотрит на его погоны. — Вы не прапор, случаем?
 - Прапор!
 - А откуда родом?
 - С Верховья, из села Тарасова.
 - И я с Верховья, может, знаешь, из Першинской.
- После таких разговоров прапор кричит водителю:
- Генрихович, заезжаем в магазин!

Пассажиры вокруг подсказывают, что бутылку можно купить в Чекшино или в Воробьёве. Прапорщик ради встречи с землячкой не поспешился и купил бутылку коньяка. Галина задушевность и коньяк развязали язык неразговорчивого парня, и в Тарногу они приехали лучшими друзьями.

Здесь описаны события, свидетельницей которых я стала сама

Инициатива наказуема

На вологодском автовокзале сбоку от платформ, к которым прибывают рейсовые автобусы, сделан навес над скамейками. В этом защищённом от ветра и дождя месте

в тёплое время года можно подождать своего рейса. Здесь же с самого раннего утра сидят пассажиры и редкие проторезвевшие с ночи бомжи. У их ног прыгают многочисленные воробы, галки и голуби, поглядывая на людей и ожидая подачки, так уж их приучили сердобольные отъезжающие.

Я пришла на вокзал за полчаса до своего автобуса, скромно присела на крайнюю скамейку и стала наблюдать за разворачивающимися передо мной событиями. От вагончика с хлебом уверенно отошла крепкая невысокая тётка с тяжёлой сумкой в руке. Она приблизилась к скамейкам под навесом и, вынув из пакета полбатона, стала кормить воробьёв, с достоинством поглядывая на окружающих, дескать, вот какая я добрая. Воробьёв было много, поэтому тут же образовалась шумная птичья свалка. Покончив с едой, птицы вспорхнули на сетку, натянутую под навесом, и чинно расселились в ряд. Тётка устроилась как раз под ними.

В ту же минуту ей на голову «капнул» один воробей, второй, третий... Тётка вскочила и стала растерянно шарить руками по испорченной причёске. Сидящая в стороне деревенская старушка, глядя на неё, философски заметила:

— Кто кормил, того и навоз.

Я радовалась этой фразе до самой Тарноги.

Думая в пути об этом происшествии, я вспомнила о том, что в пятидесятые годы, когда вологодские крестьяне не имели возможности пользоваться химическими удобрениями, а коров и другой частный скот разрешалось пасти только в придорожной полосе или в лесу, навоз, как органическое удобрение, очень ценился. Его собирали те, у кого не было своей коровы, из-за него скорились и говорили друг другу эту сакраментальную фразу:

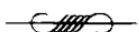
— Кто кормил, того и навоз!

Простой разговор

Сенью едут в автобусе из Тарноги в Вологду две пожилые женщины, бывшие жительницы Тарногского района, одна из Верховья, другая из Долговиц. Всю дорогу они с большим удовольствием разговаривают. Они давно живут в Вологде, и, хотя обе «окают», общая речь звучит у них слаженно, без диалектных слов и тарногской интонации. Однако нет-нет да и выйдет наружу тот деревенский, сочный и яркий язык, на котором они говорили в детстве и в молодости. Я сидела сзади и бессовестно подслушивала, о чём ни секунды не жалею и в чём совершенно не раскаиваюсь. Вот этот разговор.

- Я к племяннице на свадьбу издила.
- Подарочек возила или деньгам?
- Подарок.
- Понравилось на свадьбе-то?
- Свадьба, конечно... А не так. Рот открывают, а всё корытом! Так ли мы в молодости гуляли?! Всю-то ночь до зари пели да плясали. Утром с солнцем придёшь домой, только спать упадёшь — а матка уже в задницу тычет: ставай, на работу пора! Нынче гулянки у молодёжи никакой, главное, чтобы в голове мучилось, а мы-то гуляли безо всего.
- И я буде гуливала. Тепериче уж остарела, дак куды...
- Долго ли в Тарноге-то была?
- Четыре дня, больше не смогла. Некогда, нету дней-то, картошку надо копать.

От Надежды Юровой

Иностранец

Пожилая тарножанка звонит по телефону известному в Тарноге кинооператору В. Петрову (он не коренной тарножанин, не окает и не говорит на тарногском говоре):

— У меня тут юбилей скоро, дак мне надо кое-чего у вас выпросить, не возьмитесь ли ролик сделать? Говорят, вы Александре Ивановне больно дородный ролик сделали на семидесятилетие.

— Хорошо, — отвечает оператор, — договоримся. Когда и по какому адресу мне подойти? Кроме того, хотелось бы посмотреть какие-нибудь материалы о вашей жизни. (Пауза).

— Как ваше фамилие?

— Петров, а что?

— А вы што, не русский?

— Почему?

— Баете как-то не по-нашему!

— (С досадой). Азербайджанец я!

— Вот то-то, што не наш!

Работа тонкая ума...

Бабушка Густя, восьмидесяти лет от роду, пошла как-то раз в лес за малиной. Близкий лес вырубили, и она ходила по вырубкам в поисках ягод. Наконец устала и начала выбираться на дорогу. Неожиданно она

зацепилась ногой за корень, который торчал из земли, и упала в мелкий ручей. Лежит на спине и думает:

— Как бы мне так встать, чтобы и в сапоги не попало, и в уши не затекло?

Жених

Каждую субботу несколько представительниц Тарногской интеллигенции — учительниц и библиотекарей — ездят в одну деревню к своим стареньким родителям, чтобы навестить их и помочь по хозяйству. Поработав на отцовских огородах, они возвращаются в Тарногу на последнем воскресном автобусе. На стоянку автобуса приходят заранее. Но стоят обычно на крыльце сельпо, там чище и приятнее. Здесь же собираются местные алкаши пообщаться и по возможности стрельнуть у кого-нибудь денег на бутылку пива.

Часто приходит туда один местный холостяк. Он работает механизатором, но пьёт, а потому носит засаленную телогрейку, которая, кажется, приросла к телу навеки, грязные руки черны от мазута, сальные волосы сосульками висят из-под старой, драной шапки.

В тот день на крыльце подобралась компания из пяти отъезжающих женщин и пяти местных алкоголиков. Подошёл и наш механизатор, чувствующий своё холостое преимущество перед другими мужиками и явно считающий себя вполне завидным женихом. От него так шибало перегаром, бензином и потом, что

женщины молча отодвинулись в дальний угол крыльца, освободив площадку для новоявленного ухажера. Стоя посередине крыльца и ни к кому не обращаясь, он проговорил:

— Да-а, какие жэншыны здесь интересные! Я таких уважаю.

Он сделал многозначительную паузу и закончил:

— А вот моё уважение ешшо заслужить надо!

Взмывая выше елей...

Недавно мы проводили праздник в одной деревне. Сцену на улице сделали, убрали кругом. По радио песни передают, народ потихоньку на лужайку собирается концерт смотреть. На новые качели решетины привезли (длинные сухие брёвна), а строить некому. Мужики в основном пожилые, сил у них немного, вот они мне и говорят:

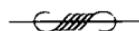
— Мы тут посоветовались, наверное, не будем качели строить, никому это не надо.

А мне детишек жалко, как это, не покачаются на качелях, от концерта им немного радости! Я мужикам говорю:

— Да что вы, мужики! Качели поставите, будут молодые девушки качаться, юбочки станут разеваться на ветру, можно будет и под юбочки посмотреть!

— Только что и осталось — посмотреть! — ворчали мужики.

Однако качели установили шикарные и очень высокие...

Борьба с пьянством

Днем Кудрявым должны были привезти на огород машину навоза. Городская свекровь говорила Валентине:

— Ты им водки не давай, и так мужики совсем спились. Отблагодари их коробкой хороших конфет. Я там, в шкафчике, положила. Триста рублей, между прочим, стоят!

Когда привезли навоз и выгрузили его на грядки, Валя расплатилась с мужиками коробкой конфет. Они переглянулись и, не сказав ни слова, быстро поехали в сельпо, где и обменяли конфеты на три бутылки водки.

Раззадорили

Вшестидесятых годах прошлого века приехали как-то колхозники на покос, в основном всё женщины, мужиков мало. В нашей бригаде и вовсе остался один мужичок, да такой скромняжка: глаза на баб боялся поднять, а на их солёные шуточки только заливался багровым румянцем и молчал.

Бабы ну хотят, и решили, что раззадорят его, а которая ночью и под бочок к нему подвалится. Старались, старались — никак не реагирует! Одна ушлая бабёшка уж так его обхаживала — ни в какую. Пригляделись, а мужик-то, как вечер, так руки в ноги и бегом в деревню к своей жене.

Сын того мужика, Петька, потом рассказывал:

— Вот так и я народился, раззадорили батьку бабы!

Лекарство от старости

Моей маме восемьдесят три года. Ещё недавно бойкая была старушка. А тут стала жаловаться на болезни, приуныла, больше лежит на кровати и по телефону всем знакомым рассказывает, как ей плохо и что скоро уж, наверное, на тот свет отправляться.

Что делать? Дала я маме лекарство сильнее того, которое она обычно принимает, и решительно сказала:

— Всё, мама! С болезнями покончено. Отныне ты здорова. А чтобы и памяти о болезнях не было, мы твои старые валеночки с дырами выбрасываем, старую кофту убираем, а тебе надеваем новые тапки и новую кофту. И по телефону о болезнях ты больше ни с кем не разговариваешь!

Поначалу мама приободрилась и даже будто помолодела немного. Но через неделю снова начала по телефону на здоровье жаловаться. Тогда я рассердилась и отобрала у неё телефон.

На другой день смотрю, сидит смирно, телевизор смотрит, носочки вяжет и про болезни не вспоминает. По телефону-то хочется поговорить!

Страсть

Стать в Тарноге женщина, которая страстно любит конфеты. Она пьёт с ними чай и просто так их постоянно ест дома и в гостях. Однажды она пришла к моей маме в гости, и они сели пить чай. Пока мама

ставила чайник, эта женщина успела из вазочки съесть двенадцать конфет, только фантики шуршали. Я это говорю не потому, что мне конфет жалко, а для примера, да и удивительно, как человек может такое количество конфет съедать почти бессознательно.

Она овдовела в сорок лет с небольшим. Муж оставил ей в наследство хорошую двухкомнатную квартиру в кирпичном доме в центре Тарногского Городка со всеми удобствами и хорошо обставленную. Женщина не сильно расстроилась по поводу смерти мужа и продолжала жить как прежде, поедая конфеты. Зарплата у неё была маленькая, и она постепенно задолжала за любимое лакомство во всех магазинах Городка. За год сумма долга накопилась значительная. Она подумала-подумала, как выйти из этого положения и продала квартиру. На вырученные деньги купила себе небольшой домик в деревне в нескольких километрах от райцентра, а оставшиеся деньги пришлось отдать за долги. В той деревне, где она обосновалась, магазин по выходным дням не работал, и это ей очень не понравилось, потому что она часто забывала запастись конфетами впрок и оставалась без них на целых два дня в неделю.

— Мне эта местность не подходит! — сказала она соседям и вернулась в Тарногу.

Продала дом в деревне себе в убыток и купила в Городке комнату в деревянном старом доме с удобствами за углом. Вот что страсть делает с человеком! На-ко, на конфеты квартиру проесть!

Яловый мужик

Возвращалась зимой с делянки в Тарногу лесозаготовительная бригада. Садились в автобус. Темно, холодно, мужики водителя подгоняют:

— Заводи скорее, Василич! Что ты телишься?!

— Как мне не телиться? — отвечает водитель, — я ведь яловый.

Общественное мнение

Раньше девки работали в поле от рассвета до заката. День сменит утро, за днём вечер настанет. Уж и работе конец, а девки всё медлят домой идти. А если заспешит кто, говорят:

— Не спеши, надо, чтобы солнышко ушло, а то скажут девки рано прибежали.

Кого в капусте нашли, а кого и...

Мне и моим подружкам в шестидесятые годы по пять лет было. Но мы всем в деревне интересовались и всё про всех знали. Наша соседка, Лизавета Фёдоровна, раньше уезжала с мужем на целину и там у них родилась Надька.

Вот мы сидим, пятилетние кумушки, и обсуждаем, кто где родился. Вальку родили дома, Нинку – в больнице, Федьку в капусте нашли, а Надьку Лизавета Фёдоровна на целине в арбузах нашла. Мы это от взрослых слышали, только не знали, что такое целина и арбузы, и ходили на Надьку смотреть. А вдруг она какая-нибудь не такая.

Не притворяйся, баушка!

Мы жили в Кокшеньге, когда мне было четыре года. Я устала идти, и бабушка несёт меня на кукорках в угор. Она тоже утомилась и говорит:

– Ох, тяжко мне!

– Перестань-ко давай! Не притворяйся, баушка! – ворчу я.

Рассудительная

В1965 году колхозникам впервые при социализме пенсию выдали. И старики почувствовали себя богачами. Мы с бабушкой, а мне было тогда пять лет, ходили в гости к другим старушкам со своими пирогами. Как-то раз мы в одни гости зашли, в другие, в третьи... Бабушки сидят, чай с пирогами пьют. Мне не интересно их разговоры слушать, я им и говорю:

– Вы, бабушки, на бумажке напишите, кто у кого и когда гостить будет, а то в один день и все сразу. Легко ли мне ко всем вамходить?!

Очень удивились они моей рассудительности.

Старость

Бабушке Евлампии девяносто пять лет. Мама спрашивает бабушку:

- Бабка, сколько у тебя детей-то было?
- А я откуда знаю? — отвечает Евлампия.

Сила привычки

Бабушка Евлампия, пока помоложе была, часто ездила в Архангельск к родне. Собралась как-то зимой ехать, надела юбку, валенки и новую плюшевую жакетку. Дочка ей говорит:

— Бабка, а как ты без штанов-то поедешь, холодно ведь!

- И верно, купи мне панталонии, — отвечает.

Дочка купила хорошие вискозные панталоны и отдала бабушке, а та вырезала в них ластовицу, надела и поехала к родне.

Ремонт печей

На Кокшеньге в участковой больнице ремонтировали печи. Мастер-печник всё сделал и решил проверить, как они работают. А молодая санитарка Маргарита выюшки закрыла. Пока выяснили в чём дело, почему дым в палаты идёт, мастер весь изнервничался, да и сказал Маргарите в сердцах:

- Вот, блин, дура безрукая! — и ушёл.

Маргарита выскоцила на крыльцо и крикнула вслед звонким девичьим голосом:

— Извините, что дура безрукая!

Мастеру стыдно стало, что девушке такое сказал, через пару дней он вернулся и попросил у неё прощения за грубость. И конфет принёс.

Вечный зов

Екатерина Яковлевна работала бригадиром в животноводстве. Её бригада находилась на другом берегу реки Кокшеньги. Весной 1968 года было водополье, Кокшеньга разлилась так, что приходилось переплыть её на лодке. Дома бригадирша держала свинью Дашку, которая загуляла: потребовался ей боров, не жить не быть! А тут водополье, да ещё и весенний сплав начался, не везти же свинью с собой, лодка может опрокинуться.

Наутро Екатерина Яковлевна покормила Дашку запаренными комбикормами с остатками вчерашнего обеда, заперла стайку и переправилась в бригаду. Каково же было её удивление, когда на другом берегу навстречу ей выбежала Дашка. Силён вечный зов крови! Какие опасности преодолела свинья, переплыvая глубокую и бурную весной Кокшеньгу, чтобы выполнить своё предназначение на земле — продолжить свинский род!

Материнская гордость

Вбабушки Елизаветы Фёдоровны шестеро детей. Ей недавно исполнилось девяносто лет. Елизавета

Фёдоровна обладает сильным характером, она много работает, несмотря на возраст, и в доме у неё такая чистота, что муха поскользнётся. Она долго жила с мужем, до самой его кончины, но относилась к нему немного свысока, говорила, что он «браковочка», глуховат. Очень любит она своих детей, гордится ими, особенно старшеньким, генералом, который живёт в Москве. Для крестьянки она очень оригинально выразила свои чувства к детям, написала каждому воспоминания о своей жизни и в конце добавила: «Дай тебе Бог таких же детей, как у меня!»

В деревне же она с гордостью о себе говорила:

— Хрен, у кого есть такие дети, как у Лизки!

Пощёчина

Яещё в старших классах училась, когда мы с подругой Катей летом поехали к моим родственникам на Кубенское озеро. Однажды рано утром будит меня дядя Витя и шепчет:

— Надёнка, я с рыбаки пришёл, пойдём, покажу тебе маленькую рыбинку!

А мне спать охота, мы с Катькой в два часа ночи с танцев пришли. Еле прорвала глаза и выхожу на крыльцо. Гляжу, лежит щука длиной два метра! Дядя Витя тащил её от озера, голову на плече держал, а хвост по земле волочился. Наклонилась пониже, чтобы лучше её рассмотреть, а она мне хвостом как даст по щеке — я в сторону отлетела! Сон с меня, как рукой, то есть щучьим хвостом сняло!

Не судьба

Надя и сейчас хороша собой, а уж в молодости глаз от неё невозможно было отвести.

В то лето они с подружкой Катериной часто хаживали на танцы в местный клуб. У Кати появился ухажёр, видный и серьёзный парень. Он переживал, что у Надежды нет кавалера, и решил познакомить её со своим другом, которому постоянно рассказывал, какая она красивая и умная.

Они вот-вот должны были встретиться, и вдруг у Нади началась аллергия на клубнику, которой её угостили дядя Витя. Сначала её зекидало красными прыщами, а потом лицо распухло и перекосило. Врач местной поликлиники сказал, что это у неё отёк Квинке, и что она ещё легко отделалась, всякое могло случиться. Надя сделали укол и отпустили домой. В тот день она сидела в библиотеке и с перекошенным лицом читала нужную ей книжку. В библиотеку зашёл друг Катиного ухажёра. Увидев Надю, он выскочил на улицу, как подорванный. А вечером выговаривал другу:

— Что ж ты мне её расписывал, говорил, что красавица, а я страшнее девки не встречал.

Как ни старался Катин друг объяснить ему, что случилось, тот не поверил. Так и не состоялась Надина любовь в то лето. Должно быть, не судьба.

Трезвенница

Наталья перенесла грипп, и участковый врач направила её на обследование внутренних органов.

Она сдала анализы и с результатами вернулась к врачу. Та озабочилась состоянием печени Натальи и спросила:

— Пьёте?

— Да, — ответила та.

— И много? — спросила врач.

— Много. По три стакана утром и несколько раз в течение дня. А вечером уж само собой, — отвечала Наталья.

— А посмотреть на вас, так не похоже, чтобы вы пили. Откуда у вас эта привычка? — спросила она и как-то странно посмотрела на Наталью.

— У меня мама тоже много пьёт. Да мы с ней вместе пьём, — сказала Наталья.

Взяв выписанное лекарство, Наталья отправилась домой. И только через два дня, вспоминая, какими круглыми глазами смотрела на неё врач, она догадалась, что они говорили о разных вещах.

«Господи, за кого же она меня приняла? — с тоской думала Наталья. — Я ведь в жизни крепче чая ничего не пила!»

Истории от пенсионеров Елизаветы Фёдоровны (80 лет) и Ильи Михайловича Дураковых (83 года), бывших колхозников, переехавших в Тарногу из дальней деревни

Про Елизавету Фёдоровну и её мужа мне поведала моя подруга Людмила Андреевна Попова. Их тарногский дом видно из окна её квартиры, а чтобы попасть в центр

Тарноги надо непременно пройти мимо них. Несмотря на преклонный возраст, они содержат своё жилище и огород в идеальном порядке. Их крепкий и ладный дом стоит на склоне холма, у самого края Малаховского бора, глядя окнами на улицу Прибрежную, вытянувшуюся вдоль берега речки Тарноги. Муж Елизаветы Фёдоровны слывёт хорошим рассказчиком, поэтому я попросила свою подругу договориться с ним и его супругой о встрече. Они удивились, но разрешили мне зайти и поговорить. Я купила хороших конфет, с пустыми руками ходить в гости здесь не принято, и отправилась в заветный дом.

Представившись, я сбивчиво объяснила, что мне от них надо. Елизавета Фёдоровна пригласила меня к столу попить чаю. Я выложила свои конфеты. Хозяйка замахала руками, отказываясь от подарка и укоряя меня за пустую трату денег. К этому моменту подоспела соседка, такая же пожилая, как мои хозяева, и присела на лавку у порога. Я решила почитать им собранные ранее тарногские истории, чтобы понятнее было, чего я от них жду. Внимательно выслушав мои истории, Елизавета Фёдоровна пошла в кладовку и принесла домашнего хлеба, печёной свинины, холодца и расставила всю эту снедь передо мной. Сославшись на Великий пост, я вежливо отказалась от угощения, хотя очень хотелось попробовать. Тогда хозяйка сказала:

- Ну уж грибной-то суп ты будешь есть!
- Буду! — ответила я.

Мне налили большую тарелку замечательного супа из белых грибов и начали рассказывать совсем не смешные, но очень интересные и важные для меня истории.

Рассказывает Елизавета Фёдоровна

Как я замуж выходила

Жили мы в соседней от него деревне. Познакомились ишьо с детства. В общэм жила от него через речку, через лес.

Он раньше жил в большом дому, да дом сгорел. Сделали (они) избушку из амбарчика. Избушка маленькая — печка да кровать. Там ещё мама была. Когда Мишка родился, мама спала под зыбкой.

Ну вот, вышла я замуж. Где первую ночь спать? Пошли в сеновал. Там корова стояла. Дождь ночью пошёл. Льёт да ленёт! На одеяло набежало, я сижу на одеяле и ревлю — холодно!

А новожёны мы. Вторую ночь ночевали на подызибице (на чердаче). Заползли туды — места мало, да еще комары сожрали. Всю ночь прооборанивались!

На третью ночь пошли на погребницю — больно хорошо! Ни комаров нет, не жарко и не холодно! Так там и ночевали. (Пауза). Вот бы повторить то времечко!

Новый дом

Давай строить новый дом! Ну, порубили лесу! Я под каждым бревном была! Потом по реке сплавили. Все брёвнышка сама окорила. Свозила всё к дому на лошаде и строили.

Однажды мужики ушли в лес. А я смотрю, ёлка огромная стоит, в ухват. Никто её рубить не стал. Топор с собой, решила сама рубить. Что мой скажет, когда вернётся?! Рубила да рубила вручную. Он удивился. Пришёл, а ёлка уж лежит. Хотела посмотреть, что из этой ёлки сделают.

Сделали из неё плахи на полотно двери и скамейки. Из этой ёлки скамейки по всему дому вышли.

Спасение лосёнка

Ходили мы чистить наволоки. Поле под выставкой — то река, то кусты! Чистить тяжело. Мы и подожгли траву. Огонь-от по всему полю пошёл. Глядим, лосиха с поля в кусты пошла! А только народился у ей лосёнок, весь в слизи ешшо. Лосёнок бежит к нам, прямо в беремя ко мне попал (прямо в руки). С нами две собаки были, рвут лосёнка сзади. Как отогнать не знаю! Платок с головы сдёрнула, привязала к ошейнику (собаки) и тяну к колышку у стожья. Другой рукой лосёнка держу. Собаку к колышку притянула и привязала. А лосёнка волоку с поля, куда лосиха ушла, думаю, может, найдет. Лосиха была — да нет! Куда лосёнка деть не знаю! Допехала до кустов, а он к реке на другую сторону от матери ушёл. Жалко было лосёнка! И сейчас жалко!

На целину

Р50-м году житьё в деревне было тяжёлое, голодное. Работали почти бесплатно. Спасали только свои подворья — огород да корова. Маялась я на колхозной ферме, маялась,

и решили мы с сестрой уехать на целину. Мужа не пустили совсем. Остался он дома с маленьkim Мишкой. Меня с сестрой тоже не отпускали, но мы надумали убежать из колхоза.

Убегали на целину лесом до Костылева, а там хотели на поезд сесть. Муж меня провожал до Костылева на тракторе, а сестра пошла на сутки раньше по колеям (по просёлочной дороге). Подъезжаем к Сodenыге, следочеков сестры нет. А она дошла до ёлочки — не нитки сухой, всё смёрзлось на ей. Легла под ёлочкой, решила поспать, да испугалась, что замёрзнет насмерть. Бросила вещи и (пошла) через поле в деревню. Остановилась у одной хозяйки.

Мы с мужем заходим в избу. Я узнала вещички (одежду). Сестра вся больная лежит. Дали ей стопку, да на печь. Отшла.

(Пошли) на поезд, да и поехали.

Приехали в Ростовскую область. Зима, а там снегу нет, куры по улицам ходят. Мне удивительно, я раньше нигде не была.

Четыре года (мы) жили в Ростовской области. Муж потом приехал с сыном. В Ростовской области выращивали разные овощи. Премию получали овощами. Бригадир говорил:

— Поезжайте в город и продавайте сами.

— Через четыре года вернулись в свою деревню.

Рассказывает Илья Михайлович

Медведи

Я эдак-то за грибам пошоу. На пенсию уже тогда вышоу. В лес отправиусё рано утром по рыжики, чтобы не

обломали. Собирау за цетыре километра. Грибоу наломау на Яросеньской выстакуке. (Выставка — хутор в лесу, несколько домов вдали от деревень).

Иду, што такое? Под ногам стрешшало сучье. Голову подняу — медвиця с тремя медвежатам стоит. Сошлись лоб в лоб! Медвежата испугались — все троё на одну берёзу заскочили! Медвиця-то на меня! Я на дороге в одной колее стою, а она, напротив — в другой! Стоим с медвицей, медвежата, как три пузыря, на берёзе висят. Медвиця к ним! Я боком, боком отхожу. У меня кепочка на голове поднимается (от страха). Я печусь, печусы! (Пячусь).

Она три попытки делала подбежать, а не трогает, не бросается. Ко мне не стала подбегать, у берёзы осталась.

Хотелось мне посмотреть, как будут медвежата с берёзы слезать, да испугауся и попёр без оглядки.

Соседка:

— В штанах-то спокойно было?

Илья Михайлович:

— Ничего не было!

Рассказывает Тамара Южакова (81 год)

Вытегорские бабушки

ВЫтегре две бабушки пьют чай на берегу озера. Одна другой говорит:

— Ой, погляди, Марья, пока я чай фырандала, пароход за губу чешет.

(Ударения в словах, начиная со слова «фырандала», ставит на первом слоге).

Лучший метод воспитания

Мать семейства заболела и легла в больницу, отец остался сидеть дома один с пятью детьми, мал мала меньше. Утром сварил кастрюлю манной каши и дал детям. Они есть отказались.

Отец уговаривать не стал, сам кашу съел и ничего больше целый день им не давал. На следующий день снова сварил кастрюлю манной каши и дал детям — ели, только ложки хлопали!

Тарнога, моя Тарнога, я всегда буду испытывать к тебе ностальгические чувства. С тобою связана моя молодость, первая в жизни работа, замечательные друзья, доброе отношение тарножан и первозданная красота окружающей природы. Жаль, что невозможно приказать времени: «Остановись, прекрасно ты, постой!» Только память хранит всё, что я любила и люблю в тебе и в твоих людях. Мы ещё встретимся, правда?

ГЛАВА III

Бабаево и Борисово-Суда

В Бабаево я попала благодаря Ольге Николаевне Дементьевой, которая жила и много лет работала там, хорошо знает свой край, его обычай и людей. Она отвезла меня в посёлок Борисово-Суду и познакомила с Ниной Михайловной и Валерием Ивановичем Рябковыми. Нина Михайловна приняла меня, как родную, и не только организовала все встречи с респондентами, но и была со мной на этих встречах каждую минуту, отложив в сторону все дела и заботы. Несколько дней мы ходили с ней по Борисову в поисках интересных людей и рассказов, и я чувствовала себя Одиссеем, путешествующим в поисках приключений и сокровищ. Я нашла их с помощью Нины Михайловны. Низко кланяюсь этой замечательной женщине, хранительнице местной культуры, поэту и фотохудожнику и благодарю за помощь.

Бабаево и Борисово-Суда находятся на западной границе Вологодской области. Исторически здесь было перекрестье всех дорог, по которым ехали «из варяг в греки» и обратно, сюда съезжались торговые люди из всех окружающих регионов, особенно из Петербурга, а затем Ленинграда, а также из Великого Новгорода и Пскова. Кроме русских, здесь издревле жили вепсы и финны. Поэтому в Бабаеве и Бабаевском районе образовалась многоязычная, многоголосая людская смесь. Каждая прившая группа населения влияла на основной русский язык, и в настоящее время он

получился усреднённым, без ярких говоров, в отличие от языка восточных и северо-восточных районов нашей области. Необычным мне показалось лишь употребление пассивного залога в глагольных формах, не свойственное русскому языку.

Например, в Бабаеве я слышала, как одна женщина говорила другой:

— Колька у меня дурак дураком: как ведь с мотоцикла упалено было!

Русское население Бабаева пополнялось за счёт приезжих вологжан из северо-восточных районов области. Судить об этом можно по наличию в речи бабаевцев некоторых слов из их говоров. Например:

— Слушай, Марья, мы в лес с тобой ходили лони или долонском?

Но по большей части это всё же слаженный язык без яркого «оканья», отличающего вологодский диалект в целом.

В самих жителях Борисово-Суды есть то, что особенно дорого мне в вологжанах и о чём стоит рассказать другим, это — доброта, гостеприимство и юмор.

Рассказ Валерия Ивановича Рябкова,
главврача санатория «Каменная гора»
на пенсии

Почти по Зощенко

Санаторий «Каменная гора» находится в самом живописном месте районного центра Бабаево

Вологодской области, на невысокой горе ледникового происхождения, поросшей сосновым лесом и усеянной большими гранитными камнями. Отсюда и название санатория. Место красоты неописуемой. Сам санаторий располагается в нескольких корпусах на склоне горы.

Несмотря на то, что санаторий старый, здесь очень хорошо лечат многие заболевания внутренних органов и опорно-двигательного аппарата. Особенно популярны лечебные ванны с минеральной водой. Но по недостатку места одна и та же процедурная комната служит для мужчин и женщин.

Однажды молодая женщина, приняв лечебную ванну, отправилась на обед. За обедом она вспомнила, что оставила в процедурной бутылку кефира и колготки. Бежать обратно не захотелось. Отобедав, она прошла в свою комнату, передохнула, а затем отправилась забрать свои вещи. Однако в процедурной она ничего не нашла.

Дежурная медсестра сказала, что после неё ванну принимал мужчина. Нашли мужчину, который признался, что перед приёмом ванны выпил кефир и надел на себя колготки, потому что решил, что это часть лечения.

Козёл

Живут в Борисово-Суде Екатерина Павловна и Анатолий Григорьевич Чуйкины, пенсионеры из Череповца, бывшие работники металлургического комбината, народные художники, сувенирных дел мастера.

Купили себе домик, чтобы жить здесь летом да внуков принимать. Но постепенно обросли хозяйством, завели

коз, бычка, кур. Чтобы всю эту живность кормить, обзавелись огородом. Так и осели они в Борисове, и потекла их жизнь в хозяйственных трудах и заботах. Пришлось к дому хлев пристроить. Весной, летом и осенью обихаживают они огород и скотину, а зимой, когда работы становится меньше, делают замечательные сувениры из дерева — вырезают и расписывают самовары, чашки, райских птиц, матрёшек, а также шьют тряпичных вепсских кукол. Для этого к дому ещё и мастерскую пристроили. А для сувениров купили рядом второй дом и оформили его как музей. Но это уже совсем другая история.

Есть у них большой чёрный козёл-производитель, единственный во всей округе, поэтому его часто возят обряжать коз в ближайшие, да и в отдалённые деревни. В начале октября уже довольно прохладно, темнеет рано. Как-то раз в октябре Анатолий и Екатерина накормили вечером скотину и пошли спать. Только они задремали, в хлеву раздался шум, как будто кто-то колотил палкой по стенке.

«Опять козёл разошёлся, рогами в стенку лупит, — подумала Екатерина, — когда-нибудь всю стайку разнесёт».

Поскольку козёл боялся в хлеву регулярно, она задремала снова, но спать так и не удалось. В коридоре, ведущем в комнату, снова раздался стук и послышалась какая-то возня. Екатерина встала, взяла фонарик и вышла в коридор посмотреть, в чём дело. Луч света упал на незнакомого мужика, который в темноте искал вход в комнату и шарил руками по тыквам и кабачкам, разложенным на старом диване. Мужик ничуть не смущался и заплетающимся

языком стал объяснять, что у него в деревне Пожара загуляли козы, и ему срочно нужен козёл. Екатерина провела мужика в комнату, увидела, что он совершенно пьян, и удивилась, как это он в таком состоянии в полной темноте и в незнакомом месте, нашёл калитку в заборе, обошёл дом и попал во входную дверь. Заблудился он лишь в коридоре, и то потому, что, щупая тыквы, не мог понять, чьи это холодные головы у него под руками. В Борисово он приехал на машине с открытым прицепом, взяв на подмогу жену и друга. Они ожидали его на улице у ворот.

— Ну что ж, берите козла сами, мне с ним не справиться, — сказала Екатерина и повела нежданного гостя в хлев.

Мужик попросил верёвку и, накинув её на рога козлу, потащил упирающееся животное на улицу. Чудом ему удалось дотащить до машины сильного и упрямого козла. Жена мужика, глянув на эту парочку, оторопела:

— Митька, до чего же козёл на тебя похож, ну чисто родной брат, только с рогами!

В самом деле, тот и другой были украшены густыми черными лохмами, распадающимися прямо посередине лба, оба вопросительно уставились на неё налитыми кровью дурными глазами.

— Полезай-ка с братцем в прицеп, да держи его крепче, а то потом с хозяевами не рассчитаемся! — сказала она.

Счастье

Борисове давно живёт одинокая бабушка восьмидесяти трёх лет, Надежда Аркадьевна Мишуринская, по-простому баба Надя.

Дети давно выросли и разъехались по городам, видится она с ними редко. Радуясь гостям, баба Надя мечет на стол чай, конфеты, только что испечённые калитки с капустой (пресные пирожки) и говорит, говорит, чтобы успеть наговориться: гости у неё нынче редки.

Баба Надя родом из Тотьмы, все родственники живут там, и она тоскует по ним и по местам своего детства и молодости, рассказывая мне историю своей жизни на старом тотемском наречии, каким и в Тотьме-то уже не говорят. Угощая калитками, рассказывает, какие пекли раньше «коровашки» (маленькие караваи), «рогульки с картошкой» (ржаные лепёшки с картофельной начинкой) и «наливушки» (лепёшки со сметаной). Вспоминает, как несколько лет назад её всё-таки возили в Тотьму внуки, и она видела своих стариных подруг. Одной уже девяносто лет, и она «ходит по дому с дубинкой» (с клюшкой). Повидаться с бабой Надей «приехали все девки» («девкам» по восемьдесят лет и больше). «Поля — глупая» (то есть, маразм у неё).

— Вот, правда что, разговорились, посидели, Валя писни запела. Валя-то — задушевная подруга. У Зои ум не очень. Сидили-то у двоюродников, они хорошие, гостеприимные, мы сытёшеньки у Виталика были.

Вспоминала раннюю молодость:

— В пятнадцать лет что мы видели? На телятах боронили. Бывало, телята все лапти обступают! Пока солнышко не закатается, всё роботаем! Замуж за Васю пошла. Вася маме не по мысли был (не нравился), но свадебку маленькую сделала мама.

Бабушка Надя болеет, давление у неё высокое и сердце болит. Спрашиваем, почему не на инвалидности? Отвечает:

— Всё от Бога! Бойкая была, дак на инвалидности не было. А теперь уж што?

Она и сейчас бойкая и светлая. Угощая нас чаем с пирогами, приговаривает:

— Счастливая я. Пенсию и всё мне домой приносят. Сын денег послал, дак я уголок с иконам сделала. Зажгу свечки, лампаду, вот и церкva у меня есть, и Вася на комоде стоит.

Вася давно умер, и на комоде стоит его выцветшая фотография. И живёт счастливая баба Надя в Борисове одна, потому что здесь Васина могилка.

Нина Михайловна познакомила меня с самодеятельными артистами из Дома культуры села Борисова. Своими воспоминаниями порадовала нас Галина Анатольевна Воробьева — певунья, плясунья и замечательная рассказчица.

Концерт

Горок лет назад выступали мы на молочно-товарной ферме (примерно в 1970 году). Концерт проходил прямо в коровнике. Коровы стояли в стойлах вдоль стен, задом к проходу. А мы находились как раз в проходе, в окружении доярок и руководства фермы. Песни пели по заявкам, всё больше лиричес-

кие, протяжные и мелодичные. Между песнями перемигнулись, решили спеть что-нибудь весёленькое и грянули:

— Жил, да был чёрный кот за углом, и кота ненавидел весь дом... — и так далее.

В ту же секунду коровы свернули набок хвосты и начали одна за другой шумно мочиться. Моча текла струями прямо под нос артистам. Хоть пой, хоть плачь. Доярки стоят серьёзные, им смеяться неудобно, но видно, что еле сдерживаются, а мы не знаем, что и делать. Песню, однако, пришлось допеть, а отсмеялись мы после концерта.

Инсценировка

Как-то на 8 Марта пригласили нас выступить в районном Доме культуры в Бабаеве. Присутствовало всё местное начальство: администрация, учителя, врачи — все сидели в первых рядах, принарядженные и торжественные.

Мы пели песню про танец чарльстон. Если кто помнит, там были такие слова: «Бабушка, отложи ты вязанье, научи танцевать чарльстон», — и так далее. Весёлая песенка, ритмичная, а мы ещё её и инсценировали. Бабушку изображала невысокая очень полная Дуся Мокринская, а внучку — директор Дома культуры, высокая и тонкая особа. «Внучка» поёт, обращаясь к «бабушке», а та сидит, вяжет и не обращает на неё внимания. Наконец уговорила «бабушку» станцевать и обе пускаются в пляс. В танце «бабушка» разворачивается к публике широким задом и наступает на длинную юбку. Юбка падает, и «старушка» остаётся в модной розовой комбинации с кружевами и торчащими из-под неё панталонами.

Зал взвыл от хохота. «Бабушка» наклоняется и судорожно пытается подобрать и хоть как-то закрепить юбку на поясе. Все эти манипуляции вызывают новую волну оглушительно-го смеха. Кажется, что потолок обвалится. Певицы бегут за кулисы. Обе артистки страшно расстроены, ругаются друг с другом, а в зале бурные аплодисменты. Закрепить юбку не удаётся. Пришлось дотанцевать, поддерживая её руками.

Этот номер задал настроение всему последующему действию. Так весело ещё на концертах никогда не бывало, народ не хотел расходиться.

Знакомый продукт

Д эта история из довоенной жизни.

— Случилась она с моим дядюшкой, — говорит Галина Анатольевна, — который жил в глухой деревне под Борисовом. Довелось ему по делам съездить в Ленинград.

Домой он вернулся полный впечатлений и рассказал:

— Бабоньки, пошёл я в лавку, а лавка большущая, как церковь, потолки высокие, шапка слетает смотреть, а на полках заспы-то, заспы всякой! (Заспой в Вологодской области по-старинному называли крупой).

Вот какая жизнь была до войны, только и смог мужик один-единственный знакомый ему продукт опознать!

Разочарование

Галинке было пять лет.

Папа говорит:

— Щас простокишу (простоквашу) с песком будем с тобой хлебать.

Налил простоквашу в глубокую тарелку, посыпал песком и обращается ко мне:

— Ну, Галинка, тебе половина и мне половина. Отмечай ложкой и держи её посередине тарелки.

Я держу, а он хлебает. Так всё и съел. Разочарование было так велико, что помнится всю жизнь.

Городские впечатления деревенской старушки

Бабушка приехала из деревни в город, особенно восхитили её занавески на окнах:

— Занавеси-ти, что ризы у попа!

Поручение

Потеряла я дома кошелёк, спешу на работу и говорю внукам:

— Кто найдет — тому шоколадка.

Стою у зеркала в коридоре, собираюсь уходить, слышу Илья (8 лет) говорит пятилетней Ксюше:

— Ты, Ксюха, кошелёк не ищи.

— Почему?

— Я найду и один шоколадку съем.

— Но ведь она большая.

— Ничего, съем.

— У тебя ингарапт будет!

- Чего?!
- Попа слипнется!
- Не ингалипт, а аллергия.
- Все равно слипнется!

Жарынь

Майский день, необычно жарко, мама везёт трёхлетнего сына в коляске. Он сидит распаренный. Мимо почти на уровне коляски медленно тяжело летит ворона, ей тоже жарко. Сын провожает ворону глазами и говорит:
— Да-а, эту курицу пора жарить!

Бабкины хитрости

Убабушки Евстолии три внука трёх, семи и четырнадцати лет от роду. У старшего внука на лице появились возрастные угри, и он от этого страдает.

Бабушка просит внуков вынести мусорное ведро, но ни один из них не рвётся выполнять её поручение. Тогда бабушка говорит, ни к кому не обращаясь:

— Слышала я, что, если мусор в доме долго стоит, на лице появляются угри и не выводятся.

Не успела она договорить, как старший внук схватил ведро и побежал во двор выносить мусор.

В другой раз бабушка попросила внуков вымыть пол в коридоре, куда они нанесли грязи с улицы. Опять никакой реакции. Тогда бабушка замечает:

— Помню, мама мне говорила в детстве: порог оботрёшь, сорок грехов с тебя снимется!

Семилетний внук сразу пошёл за ведром и тряпкой. Уж и не знаю, какие у него грехи?!

Младшенький внучок взял маникюрные ножницы и изрезал дырочками мамины рейтзузы. Как мать ни допытывалась у него, ни за что не признался, что это он сделал. Мудрая бабушка его спрашивает:

— Ты дырочки маленькими ножницами резал или большими?

Отвечает:

— Маленькими, ты только маме не говори!

Красивая

Vалентины пятилетняя дочка такая кокетка, наряжается в мамины платья и туфли и крутится перед зеркалом. Особенно ей нравится мамина маленькая сумочка. Однажды они обе пошли по Борисову гулять. Идут: впереди важно выступает дочка с большим бантом в волосах и с сумочкой на перевес. С ними поравнялся незнакомый мужчина, посмотрел на девочку и улыбнулся. Она прошла мимо, потом обернулась и гордо спросила:

— Что, красивая?

В гостях у вепсов

Kто не знает, вепсы — это малый финно-угорский народ, сохранивший национальное своеобразие и собственную культуру. Народ этот частично живет на тер-

ритории Вологодской области, между Онежским и Белым озерами. Есть вепсские деревни и в Бабаевском районе Вологодской области.

В девяностых годах прошлого века моя хорошая знакомая работала в администрации Бабаевского района, и в составе группы проверяющих сельское хозяйство поехала зимой по району осматривать колхозы и совхозы. Проверяющих было четверо: три женщины и один мужчина. К вечеру они замёрзли и проголодались. Решили остановиться в первой попавшейся деревне, чтобы погреться и отдохнуть перед возвращением домой. Оказалось, что они попали в вепсскую деревню. Постучали в крайний дом, им открыли и пригласили войти.

Вепсские деревенские дома, как правило, делятся на две половины — помещение, совмещающее кухню и столовую, которое отделяется от остального пространства посудным шкафом (горкой) и русской печкой с проходом между ними, и второй половиной, женской, где стоят кровать, диван и детская кроватка, или люлька. Гостей усадили в первой половине. Хозяйка поставила на стол ведёрный самовар и принесла большую тарелку со свежим, крупно нарезанным домашним хлебом.

— Попейте чайку, — сказала она и с достоинством удалилась.

Гости немного удивились. У нас ведь у русских, как? Всё, что есть в печи, на стол мечи. А тут только хлеб! Женщины налили себе чаю и выпили по чашке. А мужчина, не надеясь на что-то большее, налёг на хлеб и запил его парой-тройкой чашек горячего чая. Тут в комнату вернулась хозяйка и спросила:

— Ну что, попили чаю?

Гости закивали головами и стали её благодарить.

— А теперь поедим, — сказала хозяйка и достала из печи глиняные горшочки с омлетом.

Омлет, сделанный из домашнего жирного молока, из домашних же яиц и своего масла, издавал дурманящий аромат и был покрыт розовато-коричневой корочкой, которая может получиться, только если его томить в русской печке. Не приходится говорить о том, какой отменный вкус был у этого блюда. Сразу после омлета хозяйка внесла большой чугун с запечённой в сметане картошкой с мясом и торжественно провозгласила:

— А теперь, поешьте мясца, дорогие гости!

Женщины, хоть и с трудом, но отведали и это блюдо, а мужчина только постанывал и говорил:

— Как бы мне хотелось попробовать всё это, да хлеб в чаю у самого носа плавает!

Не поверил он в вепсское гостеприимство и уехал не солено хлебавши! Так ему и надо!

Марка

Винны Михайловны и Валерия Ивановича есть замечательный породистый кобель Рич. Это серьёзный большой, чёрный доберман с коричневыми подпалинами на шее, груди, животе и лапах. Рич — красавец, обладающий безупречным экстерьером: у него гладкая, шелковистая шкура, крепкое, поджарое тело, длинные тонкие ноги, удлинённая элегантная морда, на которой сквозь кожу видна каждая косточка рельефа черепа.

Чувствительные, нежные ноздри чуют все мыслимые и немыслимые запахи вокруг. Когда он тихонько рычит, предупреждая, чтобы не приставали, его губы дрожат и приподнимаются, и становятся видны угрожающие большие, белые клыки. Хозяйка всегда предупреждает тех, с кем он не знаком, не подходить близко и не делать резких движений. Крупные, заострённые уши стоят торчком, а большие карие глаза смотрят совсем по-человечески. Заглянув в них, чувствуешь, что он понимает абсолютно всё, что при нём и о нём говорят. Он вызывает у встречных два доминирующих чувства — страх и восторг.

Однажды тёплым зимним вечером хозяйка повела Рича на прогулку. Они шли по дороге, когда из-за поворота выехал высокий чёрный джип и осветил её и пса фарами. В следующую минуту джип остановился, открылась дверь и молодой человек, сидевший за рулем, спросил:

— Девушка, какой марки у вас собака? Она такая классная!

— Марки доберман, — с достоинством ответила Нина Михайловна, и они с Ричем пошли в противоположную сторону.

Последний день в Борисове мы с Ниной Михайловной провели вместе и он, вопреки ностальгическому настроению, связанному с близким расставанием, запомнился бодрой осенней погодой, высоким ярко-голубым небом и «в багрец и золото» одетым старым парком, который простирается вдоль полноводной реки Суды. На обратном пути мы задержались на мосту, который соединяет две стороны Борисова и с которого так приятно смотреть на быстро бегущие, тёмные воды реки и на весёлые домики на её высоких берегах.

ГЛАВА IV

Грязовец и Грязовецкий район

Ничто в жизни не происходит просто так, и все события так или иначе для чего-то повторяются, хотя и на другом уровне...

Много лет назад я жила в городе Грязовце, где служил мой отец. В те годы это была маленькая станция у железной дороги, больше похожая на деревню, чем на город. Там я пережила болезненный переход от детства к отрочеству, но там же текли счастливые дни, связанные с моей погруженностью в литературу, с полным слиянием с окружающей природой, с молодыми ещё родителями, с любимыми братом и маленькой сестрой, с друзьями и подружками из нашего военного городка. За далью лет стоит мой старый Грязовец. Я смотрю в него, как в забытое на чердаке потрескавшееся зеркало, и сердце наполняется любовью и благодарностью.

Вернувшись в Грязовец теперь, в начале нового века, я узнавала и не узнавала его. Так сильно он изменился, стал чище, уютнее. Но, к счастью, он так и не превратился в город в полном смысле слова. К счастью, потому что его культура и образ жизни коренятся в окружающих его деревнях. Оторви Грязовец от деревни и пропадёт его глубокий, мистический русский дух, уйдёт в прошлое навсегда.

Снова в Грязовец я попала через Межпоселенческую центральную библиотеку, где встретила прекрасных людей: Ольгу Германовну Голубову, Ольгу Андрееву, Нину Лаврентьевну Пётрушкину. Ольга Германовна, директор библиотеки, организовала для меня незабываемую встречу с грязов-

чанами, которые рассказали о себе. Нина Лаврентьевна щедро поделилась воспоминаниями о деревне, в которой выросла и о своих родственниках и односельчанах.

Осторожность

Сгорела в деревне пекарня. Ведётся следствие. Сторожа спрашивают:

- Куришь?
- Курю.
- Наверное, это ты пекарню спалил. Окурки-то, небось, на пол бросаешь?
- Не-е-е, я осторожный! Я их в тесто кидаю.

Деревенская мудрость

Вдетстве мы с папой ездили за грибами из Грязовца в глухие леса у реки Обноры. Как-то раз, утомившись от ходьбы по лесу, мы зашли в первую попавшуюся на пути деревню. Навстречу нам из избы вышла женщина и пригласила к себе передохнуть и выпить чаю. На стол подавала маленькая сгорбленная старушка. Она достала из печи чугунок с дымящейся, разваренной картошкой, а к ней поставила блюдо (эмалированную тарелку) с солёными рыжиками. Мы проголодались и очень обрадовались картошке с грибами. Я с удовольствием взяла пару горячих картофелин и, зачерпнув ароматных рыжиков, уже хотела, было, попробовать их на вкус, когда заметила в густом рассоле мёртвых белых червячков. Видно, на лице моём

появилось брезгливое выражение, потому что старушка сурохо глянула на меня и важно изрекла:

— Не тот червь, дитятко, которого мы едим, а тот, который нас ест!

Мне стало стыдно за оплошность, но грибки после этого я доставала с большой осторожностью, стараясь не зачерпнуть ничего лишнего.

Мужской разговор

Э тому диалогу семь десятков лет, а то и больше. Разговаривают два грязовецких мужика:

— Ну, сколь детей у тебя, Ерофеич?

— Дак много ли одна баба натаскает? Одиннадцать человек.

Для сравнения передам рассказ Антонины Петровны Бутусовой из деревни Рогачиха Верховажского района. Тема такая же, разговор относится примерно к тому же времени, а отношение к делу разное.

Один верховажский мужик спрашивает другого:

— Много ли у тебя робят, Митрий?

— Сем или восем. Да много ли один наделаешь? Со стороны помошши нет!

Надежда

Лы с Ниной, учительницей русского языка, одногодки, обе родились в 1946 году. В беседах

обнаруживаем много общего во взглядах, в отношении к жизни и к людям. Она говорит мне:

— Вечно я ко всем на улице пристаю, если вижу непорядок какой или слышу матерные слова.

— Вот-вот и я так же. Уже после того, как выскажу людям свое мнение, думаю: ох, и прилетит мне когда-нибудь по рогам!

— А я иду недавно по улице, впереди — ученики примерно класса восьмого. Матерятся отчаянно, друг перед другом хорохорятся, кто ядрёней выскажется. Я не стерпела, подошла и говорю: мол, ребятки, я — православная верующая. Знаете ли вы, что Боженька за каждое плохое слово день жизни отбирает?

Ребята притихли, а один смеётся и говорит:

— В таком случае я уже давно бы сдох!

Расстроилась я, пошла дальше, да поскользнулась и грохнулась как раз перед ребятами. Тетрадки рассыпались, шапка улетела в одну сторону, сумка — в другую, а я посередине лежу и думаю, вот сейчас мне деточки-то и отомстят за непрошеные нравоучения. А они вдруг бросились меня поднимать, отряхнули, тетрадки собрали, сумку подали и спросили, не ушиблась ли я. Так что ничего, душа-то у них хорошая, добрая, авось, подрастут и разговаривать научатся.

Сходка у сельмага в прошлом веке

Vсельмага митинг, обсуждают последние известия. А в деревне всего три злободневные темы:

- Кто что про кого сказал.
- Кто что у кого украл.
- Кто с кем спит.

Причём, говорят, последняя тема занимает всех без исключения и больше всего.

У зятя в гостях

Сходка у того же сельмага в наши дни. Старая Васильевна только что вернулась из Санкт-Петербурга от дочки и зятя.

— Ну, скажи, Васильевна, куда тебя зять водил в Питере?

— Ой, бабы, в музей Истории. Вот страху натерпелась, видела гильотину, пыточные штуковины всякие и картины баские: портреты и разное.

— А ещё куда ходила?

— С внуком ходила в концерт, пел Видас. Внук спрашивает, понравился ли мне Видас. Да, понравился, отвечаю. Помню, у нас раньше пастух в деревне ещё громче орал, дело привычное!

Нудисты

Июнь 1963 года. Санька приехал из Грязовца к родичам в Ленинград. Однажды оказался он рядом с пляжем у Петропавловской крепости. В отдалённом уголке пляжа увидел Санька голого мужика и бросился к милиционеру:

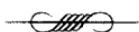
- Товарищ милиционер! Там у крепости мужика раздели, даже трусы сняли!
 - Не волнуйся, парень, это нудисты.
 - И девки, и бабы?
- Милиционер ему объяснил, в чем дело.
- Во позорище! — возмущался Санька, вернувшись домой, — в городе мудисты собирались! И не стыдно им?!

Героическая история

Дело было в 50-х годах прошлого столетия в воинской части, которая базировалась тогда в Грязовце. В Грязовецкой районной больнице работала всем известная врач-гинеколог Мария Ивановна Мысалова. В Великую Отечественную войну 1941-1945 гг. она служила на фронте военврачом, оперировала раненых. В Грязовецком полку её знали не понаслышке, она часто выступала перед молодыми воинами с воспоминаниями о войне, со времён которой у неё хранилось табельное оружие — именной пистолет.

Однажды осенью, в самый разгар дождей, когда по дорогам ни проехать, ни пройти, мокрая и грязная Мария Ивановна влетела к заместителю командира части и с порога заявила:

- Давайте танк!
- Какой танк, вы что, с ума сошли?
- У меня в отдалённой деревне женщина рожает шестого ребенка, роды трудные, может умереть! Скорая застряла на полпути, застрял и трактор, высланный на подмогу. Давайте танк!

— Нельзя, вы меня под трибунал подведёте!

Тут Мария Ивановна вытащила свой именной пистолет и тихо сказала:

— Давай танк, я тебе говорю, там двое умирают — мать и младенец! Скажешь, что дал машину под угрозой, отвечу за всё!

Замком полка взял танк и, как на фронте, помчался по бездорожью вместе с Марией Ивановной спасать младенца и роженицу. В тёмной избе, освещённой лишь керосиновой лампой, она успешно прооперировала пациентку и спасла ещё две человеческие души.

Эту историю замком полка сам рассказывал моей знакомой учительнице. Он был потрясён тогда отвагой этой женщины и её желанием во что бы то ни стало выполнить свой профессиональный долг. Тем более что он хорошо помнил другой случай, когда в Москве в известной клинике несколько хирургов, имеющих всю необходимую медицинскую технику и лекарства, не спасли рожавшую дочь его друга.

Дон Жуан из военной части

Примерно в то же самое время в этой части служил один майор, известный в полку и в Грязовце бабник. Как-то раз, накануне дня рождения своей очередной пассии, он купил ей отрез шифона на блузку. Тогда

найти такую роскошную ткань не было почти никакой возможности, тем более ценным должен был быть подарок и уложить его возлюбленную. Принеся домой свёрток с подарком, он спрятал его в поленнице дров подальше от глаз жены. Однако его заметили соседские дети и донесли ей, что дядя Лёша спрятал в поленнице пол-литру. Жена вечером пошла как будто за дровами и вынула свёрток из поленницы. Она, конечно, догадалась, что шифон куплен не для неё, и решила отомстить мужу. Ткань из свертка вынула и, заменив её старыми мужинными кальсонами, положила подарок обратно.

На следующий день муж сочинил небылицу про знакомого, с которым нужно о чём-то договориться, и отправился в гости к своей подруге. Гостей было довольно много. Выпили, закусили, потанцевали, а потом стали рассматривать подарки. Последним развернули подарок майора. Перед онемевшими гостями блеснули, как кнопки трофеиного аккордеона, перламутровые пуговицы кальсон. Хозяйка хлопнулась в обморок, а репутация местного Дон Жуана и безупречного кавалера сильно пошатнулась.

На следующее утро военный городок только и говорил, что об этом происшествии. А жена майора дня через три вышла в полковой магазин за хлебом в новой шифоновой блузке.

При полном параде

Всередине прошлого века в одной из деревень Грязовецкого района у бабушки Али жил-был

козёл-производитель Борька. Много лет и с большим энтузиазмом он исполнял свои обязанности: «огуливал» местных коз. Несмотря на устрашающую внешность — клокастую шерсть на лбу, косматую бороду, вытаращенные глаза и грозные серповидные рога, — Борька производил отменно красивое и здоровое потомство, поэтому репутацию имел отличную и пользовался большим спросом.

В противовес внешности Борька обладал покладистым и общительным характером, особенно любил механизаторов, с которыми подружился, когда они приезжали из Грязовца на посевную. Те Борьку привечали, но из озорства и по пьяни научили его курить, совали ему в зубы зажжённую папиросу, и он с наслаждением втягивал ноздрями дым, а потом съедал остаток папирсы.

Шли годы, козёл постарел. Некогда длинная его борода вылезла, а脊ина облысела. В холодное время года бабушка Аля надевала на него ватник, вставляя Борькины передние ноги в рукава и застёгивая его на животе на все пуговицы, чтобы животное не простудилось. Несмотря на возраст, Борька оставался хорошим производителем и продолжал пользоваться успехом. Сосед Федька время от времени угощал его папирской, и неизвестно кто при этом больше радовался, Федька или козёл.

Как-то осенью из дальней деревни позвонили вправление колхоза и попросили предупредить Алю, что вечером приедут к Борьке с козочкой. Каковы же были восторг и удивление гостей, когда козёл встретил их при полном параде — в ватнике и с папирской в зубах!

Сирота

Генка — тощий, оборванный и вечно голодный четырнадцатилетний сирота, жил у своей одинокой тётки Лиды, санитарки из местной больнички, которая, несмотря на беспросветную бедность, забрала его из детского дома сразу же после войны, прибравшей его родителей. Тётка отправила племянника в школу, но во время каникул он должен был помогать ей по хозяйству. Хозяйство, правда, было невелико: козёл Яшка да куры. Всё свободное время Генка посвящал обычным мальчишеским делам, гонял в футбол со сверстниками, бегал в ближайший лес, где с весны до зимы можно было поживиться чем-нибудь съедобным. Послевоенные годы были голодными, а весной в лесу под старыми ёлками, на коричневом перегное, из иголок и шишек росла заячья капуста — нежно-зелёный кисленький трилистник на тонком стебельке. Голод эта травка, конечно, не утоляла, но создавала впечатление, что в животе что-то есть. В июне в лесу появлялись прозрачные и мелкие летние опята, которые он собирал для себя и тётки и нёс домой. Опят было немного, но они так замечательно пахли и, упревшие в русской печи, да с картошечкой, мгновенно исчезали в бездонном Генкином желудке. Позже появлялись ягоды и другие, более ощутимые грибы, и жизнь становилась сытнее, но не настолько, чтобы утолить постоянное чувство голода в его растущем организме.

Большую часть времени Генкиного хозяйствования занимал козёл Яшка, которого он должен был пасти,

и смотреть, чтобы тот не покалечил кого-нибудь. Яшка был упрямой, зловредной и непослушной скотиной. Имея несносный характер и страшную морду, он норовил поддеть прохожего, будь то взрослый или ребёнок, большущими острыми рогами, стоило Генке отвернуться или засмотреться на что-нибудь интересное. Поэтому, если Генке нужно было куда-то сбегать, он привязывал Яшку к забору, опоясывающему военный городок, и, грозя ему вицей, говорил:

— У-у-у, образина, попробуй, сорвись с места, убью! — и нёсся по своим делам.

Между тем Яшка его ничуть не боялся и часто, неведомо как, отвязывался от забора и гонялся за детворой и взрослыми, пока не возвращался Генка или не вызывали пару солдат, чтобы его утихомирить.

В этот раз Генка хотел забежать к своему дружку Витьке, который жил по другую сторону военного городка. Короткий и прямой путь лежал через офицерский посёлок, вдоль финских домиков, отделённых от деревянных мостков, по которым бежал Генка, низким забором из штакетника. Подле одного из домов, в аккуратном палисаднике, хлопотала пожилая женщина, уговаривая внука поесть. Генка удивлённо затормозил. Уж его-то не надо уговаривать съесть что-нибудь, он, как теперь говорится, ел всё, что не приколочено. Бабушка ходила за внуком с тарелкой и вилкой в руках и причитала:

— Додик, съешь курочки, ну хоть кусочек. Или пирожка с малиной, а? Я тут чуть-чуть отрезала!

— Не буду, — упрямился мальчик, — ели недавно.

Генка выждал момент, когда она ушла в дом, подошёл к забору и деловито спросил:

— Чё не жрёшь, больной, что ли?

— Да нет, просто ели недавно, а она пристаёт: ешь, да ешь.

— Давай так: ты губы намажь малиной, а то догадаются, а пирог мне отдай. Я за милую душу съем.

Мальчик просунул кусок пирога между штакетинами, и Генка его тут же проглотил.

— Тебя как звать? — спросил он.

— Генка.

— А меня Додик. Ты приходи завтра ещё, а то бабка меня совсем едой замучила.

Так Генка и устроился: козёл пасся у забора, а он — у Додика. Жаль только, что продолжалась эта лафа не долго. Генкину хитрость раскрыла всё та же бабка. Она долго орала на него и грозилась рассказать про Генкины приключения его родителям. Поскольку родителей у Генки не было, то он просто перестал ходить к Додику, но вспоминал о нём и о бабкиных пирогах с сожалением и благодарностью.

Полковые приключения козла Яшки

Лида отдала козла Яшку на воспитание Генке, потому что от него отказался даже пастух, дядя Митя, однорукий инвалид, который пас скотину у всех грязовчан. Яшка понимал только нелитературный язык, а ещё обожал сахар. И если первым дядя Митя владел виртуозно, то сахара у него, конечно, не было и быть

не могло по причине дяди Митиной бедности и любви к спиртному. Месяц назад он сказал Лиде:

— Если Генка ещё раз приведёт твоего козла в стадо, я отказываюсь пасти. Мне эти приключения с вашим Яшкой ни к чему! То он маленьку Таньку с ног сбил, то Егоровне под одно место так поддал, что она неделю сидеть не могла! А я отвечай?! Офицеры опять же грозятся его застрелить, потому что он их детей в школу не пускает. Встанет у калитки, через которую военные в город ходят, глаза дурные выпучит, рога опустит, того и гляди нападёт, скотина, а мне с ним не справиться!

На место пастуха претендентов в Грязовце не нашлось, и Лиде забрала козла.

Бедный Генка привязывал его то там, то здесь, но Яшка продолжал гнуть свою линию и никому не давал покоя. В тот день угораздило Генку привязать козла к забору у вышеупомянутой калитки, уж очень сочная и зелёная травка росла рядом, а сам убежал по каким-то своим делам. Яшку на этот раз он привязал крепко, и тот мирно похаживал вдоль забора, пощипывал травку и не обращал ни на кого внимания. И надо же было пройти мимо извечному Яшкому врагу — сержанту Потапенко, известному в полку шутнику и балагуру. Мстительный Яшка ненавидел сержанта за то, что тот дразнил его и иначе, как «образиной» и «рогатой сволочью» не называл. Увидев сержанта, Яшка рванул к нему наперерез и перегородил дорогу к калитке, верёвки для этого как раз хватало. Сержант сделает шаг в сторону, и Яшка бросается туда же. Мостки узкие, с одной стороны от них трава, на которой пасётся Яшка, а с другой — глубокая канава, полная воды. Пройти

невозможно: нужно либо прыгать через канаву, либо вступать в бой с Яшкой. Как ни хитрил Потапенко, как ни уговаривал козла ласковыми словами пропустить его в город, козёл стоял намертво, злобно уставившись на сержанта. Пришлось звать подмогу — солдат, которые неподалеку играли в волейбол на спортивной площадке.

Ребята прибежали сразу, зная Яшкин норов. Потапенко скомандовал:

— Рядовые Николаев и Петров, отвязать козла и увести по месту жительства!

— Есть отвязать и увести!

Но не тут-то было. Как ни старались бойцы подступить к козлу и ухватить его за рога, ничего не получалось, Яшка сопротивлялся отчаянно и упрямо, защищая свои позиции. Вокруг собирались другие солдаты, они смеялись и улюлюкали:

— Хватай, на губу его! Посадить суток на пять за хулиганство!

Козёл не сдавался, только глаза его налились кровью, а борода тряслась от ярости.

Кто-то посоветовал позвать казаха Алимжана, который на гражданке работал в цирке. Алимжан тихо свистнул, сказал что-то на своём гортанном наречии, что-то сунул в рот Яшке и погладил его по спине. На глазах у изумлённых зрителей он повёл козла домой к Лиде, и тот смиренно шёл за солдатом. Кто бы узнал в нём недавно бушевавшее разъярённое животное!? Вот что значит профессиональный подход к делу. Слухи об этом происшествии дошли до командира, и он запретил пасти Яшку рядом с калиткой. Все вздохнули с облегчением.

Наследство

Многолет назад Александр Х. собирался ехать поездом из Ленинграда в Вологду, возвращаясь домой от своих многочисленных престарелых родственников. Они очень любили Александра и каждый раз одаривали его старинными книгами и другими дорогими сердцу вещами, связанными с общими семейными традициями. Всё это было бы замечательно, если бы ему не приходилось постоянно таскать на себе неподъёмные тюки с добром, создавая неудобства себе и окружающим.

На этот раз тётка по материнской линии подарила ему две связки антикварных книг и огромные оленьи рога, добытые её дедушкой на охоте ещё в позапрошлом веке. «Где он только такого большущего оленя отыскал, чёрт бы его побрал?!» — угрюмо думал наследник.

Отказаться Александру не хватило духу, так торжественно и любовно ему вручили эти рога — сувенир, который передавался в наследство по мужской линии от поколения к поколению, якобы придававший человеку особенную мужскую силу и доблесть.

Александр плёлся по перрону, сгибаясь под тяжестью развесистых рогов и баула с книгами. Он с ужасом думал о том, как сядет с таким наследством в поезд. Да его и в купе-то, наверное, не пустят! Одолеваемый мрачными предчувствиями, он вошёл в вагон и боком протиснулся к своему купе. Оно было открыто. Будущие соседи оторопело смотрели на его поклажу, а одна женщина замахала руками и запричитала:

— Боже! Только этого нам не хватало для полного

счастья! В жизни не видела ничего страшнее, да эти рога просто опасны для жизни!

В ответ Александр отчаянно воскликнул:

— Что же мне делать, не могу я их выбросить, это рога моего прадедушки!

В ответ он услышал дружный смех, обстановка разрядилась, и тут же нашлось место и ему, и дедушкиным рогам.

С Натальей Мелёхиной я познакомилась недавно. Она — удивительно интересный, душевный человек, талантливая журналистка и писательница, и просто хорошая девушка, которая поделилась со мной воспоминаниями о деревенском детстве в Грязовецком районе.

Крестьянская закваска

Это было в семидесятых годах двадцатого века. В маленькой, ничем и никем пока не прославленной деревне Полтинино Грязовецкого района Вологодской области убирали урожай ячменя. Зерна было много, и его возили сдавать днём и ночью, торопясь убрать до дождей. Ячмень в нашей области был тогда фуражным зерном, но и его необходимо было беречь и возить со всем возможным вниманием, тогда с этим было строго.

В этой деревне жил маленький мужичок средних лет по прозвищу дядя Саша Тарапунька. По всей вероятности, его так прозвали в насмешку, за малый рост. Несмотря на небольшие габариты, дядя Саша отличался дотошностью во всём, чем бы ему ни приходилось заниматься. И в тот

раз он заметил, что машины, на которых возили ячмень, укрыты парусиной плохо, и из-под неё то и дело сыплется на дорогу зерно. Душа потомственного крестьянина не выдержала такого непорядка. Он один раз сделал замечание водителям, другой, но ответной реакции не последовало. Тогда дядя Саша пошёл к председателю колхоза и рассказал ему о потерях зерна на дороге. Тот в запарке отмахнулся, сказав, что не так много зерна пропадает, чтобы об этом беспокоиться. Упрямый Тарапунька взял мешок, прошёлся вдоль дороги от поля до сдаточного пункта, собрал всё потерянное за одну езdkу зерно и, вернувшись к председателю, высыпал перед ним на стол без малого ведро ячменя. Не устояв перед таким веским аргументом, председатель колхоза принял необходимые меры и призадумался. Всего тридцатью годами раньше его за такой недосмотр не только с работы бы выгнали, но, скорее всего, отправили бы в лагерь, как врага народа. А Тарапунька, что ж, он прав — настоящий мужик, крестьянин. Не смог он смотреть, как ячмень, который сам сажал и выращивал, пропадает. Старой, правильной закваски человек!

«Мордели»

ВНаташиной бабушки была крёстная мать, Мария Дмитриевна Смирнова, которая родилась ещё до революции, в 1912 году. Она жила в Вологде, своих детей не имела и поэтому нежно любила крестницу и всячески её баловала. Забирала её из деревни в гости, кормила, поила, покупала отрезы тканей и шила ей платья. А когда отправляла назад в деревню, давала с собой гостинцы.

В один из приездов крестница попросила разрешения в следующий раз взять с собой двоюродную сестру Густю. Разрешение было получено. Крёстная решила угостить девочек чем-нибудь вкусненьким. Утром она дала им денег и отправила на рынок купить вафель. Девочки весело побежали на рынок в предвкушении чего-то необыкновенного, хотя раньше они никогда не видели вафель и даже не знали, как они выглядят. На рынке девочки долго рассматривали разные товары, а когда пошли выполнять поручение, поняли, что напрочь забыли название того, что они должны были купить, и сколько ни старались, не могли вспомнить. А без покупки они боялись возвращаться домой. Стали девочки разные необычные слова подбирать и почему-то решили, что им нужно купить мордели. Откуда взялось это слово и что оно обозначает, они не знали, но ходили по торговым рядам и спрашивали, где торгуют морделями. Над ними только посмеивались и удивлялись.

Так они проходили до вечера, а бедная крёстная волновалась и уже собралась идти искать детей, когда, наконец, они вернулись и горестно признались:

— Крёстная, не нашли мы морделей!

Крёстная не знала, то ли плакать, то ли смеяться. Она не стала ругать детей, а на следующее утро пошла с ними на рынок и купила вафель.

Политическая частушка

После войны в Грязовецком районе Вологодской области был страшный голод. Особенно пострадали деревни Полтинино и Лупочино. Несмотря на голод, кол-

хозники были обязаны сдавать государству хлеб, молоко, мясо, фураж и так далее. В Полтинино был старый мерин, вот-вот сдохнет. На правлении колхоза решили его зарезать и сдать мясо государству. Так и поступили. Мясо мерина сдали, остались только какие-то ошмётки шкуры да кишок. Собрали эти останки и разделили между людьми.

Вечером были посиделки. Толя Воронов спел частушку на злобу дня:

При царе, при Николашке,
Ели белые олашки.
А при власти Ленина
Съели х.. от мерина.

Толю отправили в лагерь, там ему шкура и кишки старого мерина сладче олашек показались.

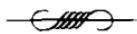
Ещё одна частушка

Лещё в Полтинине пели частушку про Берию. Она начиналась, как и многие другие частушки, присловием «бабушки Лукерии». Это придавало текстам адресность(читай, «от бабушки Лукерии») и достоверность:

Бабушки Лукерии.
Сорок жён у Берии.
У крестьянина одна,
И та, как сука, голодна.

«Соловей российский, славный птах»...

Вотрочестве Наташа жила в деревне Полтинино. У неё был закадычный друг Женька. Женька обладал

многими замечательными качествами, среди которых было умение подражать пению птиц, в частности соловьёв. Как-то раз в мае на вечерней зорьке Наташа и Женька решили послушать соловыиное пение. Они отправились на другой конец деревни, где вдоль дороги росли какие-то низенькие кусты. В этих-то кустах был замечен призывно распевавший соловей.

Ребята засели в высокой траве на противоположной стороне дороги и стали слушать. Соловей то разливался трелью, то рассыпался дробью, изо всех сил стараясь привлечь внимание соловьихи.

— Зря стараешься, — сказал ему Женька. — Никто к тебе не прилетит. Вот я сейчас пошёлкаю — и ко мне прилетят!

И он зашёлкал так, что соловей сначала умолк, а потом пулей вылетел из куста и всей тушкой, клювом и лапами ударил Женьку прямо в лоб. От неожиданности тот свалился в канаву.

— Пойдём отсюда, а то нас сейчас отупят, — смеясь, сказала Наташа, и они побежали домой.

История от Ольги Андреевой

Любовь к приключениям

ВОле Андреевой много любезных моему сердцу человеческих качеств, но верх над всеми берёт всепоглощающая страсть к братьям нашим меньшим. Она не может пройти мимо ни одной бездомной кошки или собаки: ей надо пригреть животное, накормить и по возможности

оставить у себя или у своих родственников, выражаясь современным языком, на ПМЖ — постоянное место жительства. В Верховажье, где живут Олины родственники, на моих глазах она подобрала старую, больную, заросшую грязью, блохастую псину и скормила ей свой обед, а затем, ни секунды не сомневаясь, вылила ей в плошку добытое её матерью в деревне парное молоко, предназначеннное для сына и маленькой племянницы. Несмотря на сильное сопротивление родных, не раз страдавших от её жалостливости, она почти уговорила их взять эту собаку себе. На случай отказа у неё был заготовлен второй сценарий событий — отвезти бедолагу в своей новенькой иномарке в Грязовец и поселить у себя дома. К счастью, у пса нашлись хозяева. Олины родные вздохнули с облегчением.

Замечено, что в друзья люди часто берут себе подобных. У Оли есть подруга Вика Быкова, они когда-то вместе учились. Вика тоже полна добрых качеств, среди которых большое уважение к старшим и какая-то особенная безотказность. Однажды Вика попросила Ольгу съездить с ней по делу в деревню Большие Дворищи. Та немедленно согласилась, и они стартовали в семь утра.

— А зачем мы едем? — спрашивает Ольга, проехав половину пути.

— Надо ярочку забрать. (Для несведущих уточняю, что ярочка — это маленькая овечка). Моя бывшая преподавательница, которая живёт в Никольске, просила найти ей хорошую овечку. (Надо сказать, что от Грязовца до Никольска примерно столько же километров, сколько от Вологды до Москвы). Мне посоветовали мужика в Больших Дворицах, который овец на продажу разводит. Я с

ним по телефону договорилась на сегодня, он и ярочку для нас подготовил.

По приезде Вика разыскала этого мужика и прошла в хлев за овечкой. Через несколько минут она вышла из хлева с круглыми глазами и большой грязной овцой на верёвке. Маленьких ягнят у хозяина не осталось, пришлось взять эту.

Подумав, Оля с Викой решили везти грязную и вонючую овцу в багажнике.

Хозяин возмутился:

— Почему в багажник овцу садите? Она, между прочим, романовской породы, надо её в салон запустить, да и не худо бы самца ей породистого в пару взять.

Он говорил так убедительно, что девушки взяли и барана, но поместили его вместе с овцой в багажнике. И сделать это, скажу я вам, было не просто.

— Ну, куда везти? — спросила запыхавшаяся от усилий Оля.

— Надо бы в Никольск отправить, — ответила Вика.

— Когда?

— Завтра на попутке.

Если вы думаете, что этим дело и кончилось, то сильно заблуждаетесь. По дороге в Грязовец Вика призналась:

— Оля, я не знаю, куда до завтрашнего утра овец девать.

Ольга посоветовала:

— Позвони отцу.

Зная характер отца, Вика не очень верила, что он согласится оставить овец у себя, однако позвонила:

— Папа, миленький, возьми овечек в гараж, только на одну ночку. Если домой привезу, меня муж прибьёт.

Долго бы пришлось Вике убеждать отца, но Оля не выдержала:

— Едем комне,—твёрдо сказала она, и они направились к Олиному дому.

Приехали. Оля сделала деловой вид и без объяснений говорит мужу:

— Вова, идём в баню, неси сено, мы сейчас туда овец поставим.

Вова очень удивился, но, не говоря ни слова, пошёл делать, что его попросили. Овцы поселились в предбаннике. Утром женщины посадили их обратно в багажник и повезли к магазину «Бригантина» в Вологде, куда по договорённости должна была подъехать «Нива «Шевроле», следующая в Никольск. Подъехала «Нива», водитель спрашивает Вику:

— Где мясо?

— Какое мясо? Мы договаривались, что вы овечек до Никольска подвезёте.

— Вы, что, сумасошли? Посмотрите, какие они грязные, а у меня в салоне едут инспекторы «Россельхознадзора»!

— зло сказал водитель, развернулся и уехал. А Оля с Викой и овцами остались и не знают, что дальше делать.

— Давай отвезём их обратно в Дворища, — предложила Оля.

— Нет уж. Поехали на вокзал, может, с таксистами договоримся, — ответила Вика.

На вокзале они вытащили овец из багажника и стали связывать им ноги, чтобы в такси легче было грузить. Овцы орали на всю Вологду, а Вика с Олей от усталости и отчаяния своих ног не чуяли.

Ни один таксист не согласился везти животных до

Никольска, хотя им предлагали любые деньги за работу. Пошли Оля с Викой на автостанцию, просить Бога ради взять овец до Никольска. Водитель никольского автобуса, видя их отчаянное положение, сжался и сказал:

— Ладно, девки, несите овец сюда, я их в багажное отделение положу и до места доставлю.

В Никольске несчастных овец встретили на грузовике и с почётом отвезли к новой владелице. Они до сих пор живы и здоровы, несмотря на постигшие их передряги. А Оля с Викой долго приходили в себя после этих событий. Но, учитывая их молодость и здоровый авантюризм, думаю, что по жизни их ждёт ещё немало разных приключений.

Семейные хроники Светланы Павловны Собениной, майора милиции в отставке

Отношение к хлебу

Мамина тётя, Евгения Ивановна Белозёрова, родилась и выросла в большой крестьянской семье в Грязовецком уезде Вологодской губернии. В молодости она переехала жить в Санкт-Петербург, а после революции 1917 года навсегда осталась в Ленинграде. Перед самой Великой Отечественной

войной она работала буфетчицей в столовой какого-то института. И больше всего удивляло и расстраивало её то, что многие посетители столовой оставляли на столах и тарелках недоеденные кусочки и корки хлеба. Несмотря на то, что она росла в зажиточной семье, тётя Женя знала настоящий крестьянский труд: девчонкой в поле работала наравне с взрослыми, и отношение к хлебу у неё было святое.

Поэтому не смогла она выбрасывать хлебные обедки, и стала собирать их без определённой цели, относить домой, сушить и складывать в полотняные мешочки, которые специально для этого шила. И у неё накопилось довольно много таких мешочков.

Вскоре началась война. В страшные блокадные дни тётя Женя осталась жива только благодаря этим засушенным хлебным корочкам и огрызкам, и сестре Дусе не дала умереть от голода. Её святое отношение к хлебу и к крестьянскому труду совершили чудо.

Переоценка ценностей

Мой прадед Иван Николаевич Масалов жил со своей большой семьёй в деревне Починок Грязовецкого уезда и владел собственным маслозаводом. Иван Николаевич имел шесть дочерей и сына. Дочери у него рождались одна за другой и отличались красотой, умом и завидным здоровьем. К моменту, о котором пойдёт речь в этом рассказе, они были уже на выданье и имели женихов, поскольку за каждой давалось хорошее приданое.

В тот день в деревне справляли весенний православный праздник, и вся молодёжь собралась на лугу рядом с деревней. Взрослые расселись на травке и с удовольствием наблюдали, как пляшут их дочери и сыновья весёлую кадриль. Среди них сидела и жена Ивана Николаевича Настасья. Её нарядные дочки, каждая со своим женихом, радовали материнский глаз и вызывали зависть соседей.

Вдруг посреди всеобщего веселья из деревни прибежали дети и сообщили, что маслозавод горит. Все бросились спасать завод. Остались только Настасья и её соседка. Жена Ивана Николаевича сидела под берёзой и горько плакала.

— Небось, завода жаль? — спросила её соседка.

— Да, что завод — чёрт с ним, дело наживное! Женихов жалко! Разбежались женихи кто куда! — всхлипывала Настасья.

Линия судьбы

Мой дед Александр Васильевич Шохичев в тринацать лет перебрался в Петербург и жил в услужении у богатого купца, помогал ему торговать в лавке. Он мечтал стать таким же купцом, как его хозяин и разбогатеть. И так эта мечтаочно засела в нём, что он ни о чём другом думать не мог и употреблял все силы на её осуществление. Четыре года Александр копил деньги, отказывая себе во всём: не покупал ничего лишнего, не пил, не курил, не ходил на гулянья, не знакомился с девушками, а только и знал, что работал до седьмого пота. К семнадцати годам

он уже был готов обзавестись собственным делом, но тут грянула революция и разрушила все его планы.

Поначалу он сильно обижался на советскую власть, считал, что она сломала его судьбу, и даже вернулся в родную деревню. Но постепенно жизнь его выровнялась. Он женился, и у них с женой родились четыре дочки и сын. Дед Александр Васильевич не свернул с намеченного пути, он всё равно пошёл по торговой линии и много лет работал в системе потребкооперации. И хотя не раз богател, но, благодаря настойчивости и трудолюбию, достиг довольно высокой должности и хорошо зарабатывал. Поэтому можно считать, что мечта его осуществилась, и линия судьбы не прервалась.

Сабля от Будённого

Ламин дядя Илья Иванович Масалов во время гражданской войны воевал с басмачами в конной армии Будённого. И так он здорово отличился в боях, что после войны командарм собственноручно подарил ему коня и именную саблю с гравировкой, которая указывала, за какие заслуги и от кого получена эта сабля. Илья Иванович геройски прибыл домой, в деревню Починок, на этом коне, в полном боевом облачении и с саблей у бедра. Вся деревня встречала его и навсегда запомнила и этот день, и бравую фигуру героя на коне, и его легендарную саблю.

Текли годы. Илья обзавёлся женой и хозяйством, работал, как все, в колхозе и никому не лез в глаза со своими былыми подвигами. Его конь отработал своё в том же колхозе, и был, когда пришло его время,

отправлен на бойню. А сабля долго украшала одну из стен деревенской избы Ильи Ивановича, а затем по какой-то причине сломалась. То ли кто-то пробовал перерубить ею что-то слишком твёрдое, то ли ломал на спор, проверяя на прочность сталь, из которой она была сделана.

Уже и Илья Иванович достиг своего жизненного предела и покинул этот бренный мир, а обломок его сабли всё жил, принося семейству посильную пользу. Чёрный от копоти и грязи он стоял в углу у печки — им щепали лучину на растопку.

С тех бурных революционных времён прошло больше девяноста лет, но обломок дядиной сабли находится всё там же — у печи нашего семейного деревенского дома, и каждый, кто берёт его в руки, вспоминает дядю Илью и его героическое прошлое.

Рассказы от Анны Александровны Коробихиной

Анна Александровна поведала мне о жизни своей матери, Аполлонии Васильевны Коробихиной, 1924 года рождения из деревни Неклюдово Грязовецкого уезда.

Мама помнит, как в Великую Отечественную войну их вывозили из деревни рыть окопы. Брали тех, за кого некому было слова замолвить, сирот и девушек из самых бедных семей. А она была сирота, так что пришлось работать всю жизнь не покладая рук. В восемнадцать лет с другими девчонками на быках пахала и коров обряжала.

Будущий отец Анны вернулся с фронта в 1947 году,

потому что ещё два года после войны служил в армии. Мужиков с войны в деревню вернулось, как говорится, целое ничего. Кто безрукий, кто безногий, а кого и вовсе половинка. Папа вернулся с фронта с одной рукой.

Аня спрашивала маму, как она замуж вышла, любила ли папу. Мама отвечала:

— Мужиков было так мало, что о любви не думали. Позвал и пошла.

А был он такой же бедняк, как мама, так и объединились бедный с бедной. Ничего, стерпелось-слюбилось. Папа, родом из староверческой семьи, отличался большой строгостью, его посуду, бывало, не тронь! Если еду подавали на стол в одном блюде, он ставил лучинку посередине, и говорил:

— Черпайте каждый в своём kraю.

Так и ели, глаза поднять на отца боялись.

Свадьбу родители справили скромно, и по бедности жили у папиной тётки. Время было голодное. Мама уже беременная ходила. Когда до Великого поста оставалось две недели, тётка говорит маме:

— Полюшка, скоро пост, дак ты уж молока не пей.

Мама еле ходила, в глазах мелькали мушки от голода. Рассказывала:

— Приду корову доить, себе молока прямо в рот из титьки начиркаю, есть охота страшно, ведь я беременная.

Пылаиха

В послевоенные годы рожали, как в прошлом, в деревне, отчасти по причине того, что роддом

находился в двенадцати километрах, попробуй доберись. Приглашали повитуху, а то и муж ребёночка принимал, потому что женщины работали до самых родов. Местную повитуху звали Пылаиха, и знал её каждый, потому что почти все деревенские прошли через её руки. Её любили и уважали, ведь она не только деток принимала, но часто нянчилась с ними: матери вынуждены были сразу после родов выходить на работу. Пылаиха семьи не имела и своих детей тоже. Когда она от старости умирала, все по очереди ходили её кормить, как свою мать.

Чего-то неладно...

Мама была на последнем месяце беременности с очередным ребёнком, когда они с отцом ставили в поле стог сена. Сметали уже половину стога, когда мама почувствовала неладное:

— Саша, чего-то хватает живот!

— Терпи, Поля, тучи идут, надо стог доделать.

Через некоторое время мама снова обращается к отцу:

— Совсем чего-то неладно!

— Хорошо, одну копёшку доделаем, прикидаем сено к стогу, ты тут и полежишь.

Мама каким-то чудом завершила стог, стала съезжать по сену вниз, ребёнок родился и упал отцу в руки! Отец спокойно перерезал ножом пуповину, снял с себя рубашку, завернул ребёночка, и они своим ходом пошли домой!

Мамин наказ

Данна рассказывает, что, когда она сама уже была замужем и забеременела, мать ей сказала:

— Не охай и за спину не хватайся! Беременность — это не болезнь!

Анна запомнила эти слова на всю жизнь и своей дочке передала.

Работа и малые дети

Мама рассказывала, как она оставляла маленьких детей и шла работать. Яслей и детских садов тогда не было, а у мамы с папой и бабушек с дедушками не было, приходилось малых детей одних оставлять. Поставит мама на стол тарелку с кашей, кринку с молоком и кружку, дверь снаружи подопрёт жердиной и бежит на весь день на ферму. А дома маленькие Вовка с Сашкой.

Вечером она идёт с фермы. Сашка, он постарше, сидит у открытого окна и смотрит на дорогу, а двухлетний Вовка сидит на подоконнике, и ноги наружу свесил. Тёtkин дом старый, нижние венцы подгнили, и тепло не держат. Завалинка и нижние брёвна укрыты сеном, которое прижато к стене острыми кольями. Под самым окном три кола торчат. Мама кричит Сашке:

— Смотри за Вовкой! Он ведь на колья вывалиться может.

А тот отвечает:

— Он уже два раза вываливался, да ничего!

Забастовка

Мамы первой дочка родилась, а потом один за другим сыновья пошли. Моей старшей сестре тяжко приходилось, мать с отцом целые дни на работе, а ей нужно за детьми смотреть, еду на всех приготовить, в доме убрать и скотину обрядить. А тут мама снова забеременела. Сестра залезла на старую черёмуху и просидела на ней целый день, а когда мама её нашла, сказала:

— Мама, если ещё парня родишь, не слезу с черёмухи!

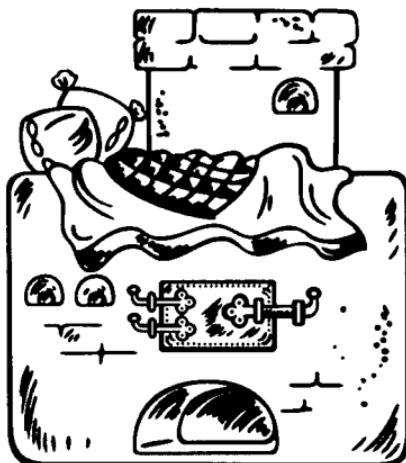
— Рожу тебе помощницу, обещаю, — ответила мама и пошла к родам готовиться — зыбку на речке мыть.

Как я появилась на свет

Мама родила меня на печке. Дело было зимой. Она, беременная, поехала на лошади в лес за дровами. На обратном пути застыла и надумала в печи погреться. Залезла в печку, чувствует, что вот-вот родит и говорит папе:

— Саша, иди, зови Пылаиху.

А сама уже еле терпит, воды отошли. Вылезла кое-как

из печки, а ещё не согрелась и полезла на печь, чтобы не простудиться. Там Пылаиха и приняла меня.

С руки разделка

Лещё мама всё умела делать. Её называли «с руки разделка», то есть боевая, умелая: рукой махнёт — и всё сделано. И меня так воспитывала.

— У меня, — рассказывает Анна, — когда родился первый ребёнок, было мало молока и врачи не смогли помочь. Чего я только не пила и не ела, а молока в груди не прибывало. Первые месяцы мой малыш страдал от голода. Поехала я к маме, а она сразу:

— Как это молока нет!

Поставила бачок с кипятком, чуть остудила, чтобы рука терпела, и заставила меня ноги парить. Я ноги в бачок ставила — в голос от боли кричала, думала, сварюсь. У меня потом кожа с ног сошла. А ещё одновременно мама поила меня крепким чаем с молоком. Я приехала к маме, у меня ни капли молока не было, а после этой процедуры аж брызнуло! И столько молока появилось, что я излишками соседского младенца подкармливала.

Папино слово

Мои родители жили друг с другом хорошо. Мама была для отца настоящей опорой, даже пенсию помогала ему выработать, ведь он без руки был. Но перепалки между ними, конечно, случались, как без этого.

Однажды отец напрасно накричал на маму и наговорил ей несправедливых, горьких слов. Мама впервые за всю их совместную жизнь сильно обиделась и решила проучить его: уехала ко мне в Вологду и не появлялась дома три недели. Пусть, мол, попробует один жить, может быть, поймёт, как это трудно.

Через три недели отец написал ей письмо: «Приезжай, Поля, словом больше не обижу!»

И ведь сдержал обещание, до самой смерти ни разу не обидел.

Старый мой Грязовец, сколько интересного я о тебе узнала за последние два года! А и всего-то — проявила интерес! И с любовью выслушала истории твоих рассказчиков. Спасибо им.

ГЛАВА V

Нюксеница и Нюксенский район

Лето 2012 года. Нюксеница встретила меня июльской жарой. Просторные деревянные дома местных жителей утопали в зелени и в цветах. Днём на пустое село опускался первозданный покой, взрослые люди и молодёжь работали где кто. Пенсионеры моего возраста занимались приусадебным хозяйством: обихаживали огороды, мирно пасли у реки Сухоны коз и немногочисленных коров. Хозяйки неустанно собирали на картофельных грядках колорадского жука. Хорошая погода благоприятствовала его размножению, поэтому работы у женщин не убывало.

Я общалась со старыми ветеранами труда и с работниками культуры.

Матери моей хозяйки, Александре Кирилловне, 89 лет. Она уже почти не видит, плохо слышит, но разум у неё в порядке, и она страдает оттого, что из-за своей слепоты не может ничего делать даже по дому. О болезнях она говорит так:

— Всё к одному да к одному, вот и собралось. Сил-от не стало. Лони поносила травки да листочек козе, вот и задымились у меня глаза-те.

Рассказывает о том, что было после Великой Отечественной войны.

— Вот, какая нам жись приключилась с войной. Народ с войны пришоу, да и не опнулся (не задержался) в деревне, все разбежались. После войны всех девок учили на трактористок. Я два раз училась — в Тарноге и в

Грязовце. Все учились кое-как, а я училась хорошо. Всем девкам трактора дали, а мне — комбайн старый. Его ремонтировать надо, а нечем. Так и работала. Работы много было: дом, хозяйство, дети, колхоз. В хозяйстве — овцы, корова, козы, пороссята, куры, огород. Однако всех детей и внуков сама вырастила — не было детских садов да нянек. Росли, как трава. По праздникам семья собиралась 12 человек. А сейчас я да дочка с сыном в Нюксенице остались.

Искать респондентов в Нюксенице мне помогала Нина Владимировна Малафеевская, директор районной библиотеки. Несмотря на занятость, она организовала все основные встречи и собрала желающих пообщаться со мной в читальный зал. Она же познакомила меня с Марией Петровной Чежиной, пенсионеркой, бывшей учительницей литературы и русского языка в Нюксенской средней школе восьмидесяти семи лет, которая рассказала мне серьёзные, но незабываемо яркие истории. Я считаю своим долгом поделиться ими с читателями.

История с карточками

В 1946-1947 годах я работала в Лондужской семилетке, директором школы был тогда Николай Александрович Кичигин,уважаемый человек.

Он очень хорошо управлял школьным хозяйством, заботился о детях и об учителях, как о родных. Например, меня с подругой Ольгой, молодых учительниц, поселил в мезонине школы, квартир-то не было. Помню, как вместе

с другими учителями мы заливали пол в этом мезонине глиной с кострой (жёсткими отходами после трепания и чесания стеблей льна) и укрепляли землёй, как утепляли стены и окна, чтобы там можно было жить зимой.

Нам тогда выдавали хлебные карточки на месяц вперёд, по пятьсот граммов хлеба в день на одну карточку. Потерять эти карточки было равносильно смерти, потому что их не восстанавливали. К хлебу больше ничего не полагалось.

Мы с Ольгой получили в сельпо карточки на январь и шестого января на два дня поехали на учительскую конференцию в Тарногу. На конференции присутствовало много учителей-фронтовиков. Таких молодых и неопытных, как мы, было мало. Директора — всё больше мужчины в военной форме.

Мы с Ольгой не только жили вместе, но и на еду складывались. Хлебные карточки у нас в один кошелёк были сложены, Ольгин.

Идёт первый день конференции. Объявили обед. Столовая в Тарноге располагалась тогда на улице Красной. Мы все туда ринулись, проголодались очень. Ольга стоит в очереди у раздачи, принимает тарелки, а я ношу их к столику.

Сели есть, я только супу хлебнула и вдруг вспомнила о карточках, как будто кто-то толкнул. Спрашиваю:

— Оля, а где карточки?

Ольга сразу достаёт кошелёк, смотрит, а там пусто.

— Я их тебе подала, — говорит...

Короче, пропали карточки. А в столовой были одни учителя. Никто не признался, что видел или взял наши карточки.

Мы чуть не померли тогда. Голодали весь месяц, хлеба негде было взять и купить не на что. Спасли нас два человека: продавец магазина, в котором выдавали хлеб, Иван Иосифович Раскумандрин, и директор школы, Николай Александрович Кичигин. Иван Иосифович каким-то образом выкраивал три раза за январь по полбуханки хлеба и давал нам на двоих эту подачку. А Николай Александрович ещё во время войны разбил у школы приусадебный участок, на котором учителя вместе со школьниками сеяли ячмень и овёс. Из ячменных и овсяных зёрен в школе каждый день варили кашу. В большую перемену выносили в коридор столы, и, сидя за ними, все вместе ели эту кашу. Кормили всех учеников с первого по седьмой класс и учителей. Среди детей после войны было много сирот. Мы с Ольгой выжили тогда только благодаря этой каше. Я помню об этом всю жизнь.

Жизнь в тылу

Сначала я расскажу, как жила во время войны. Когда началась война, мы думали, что она скоро закончится, как финская, но быстро поняли, что это надолго. Мы работали в колхозе наравне с взрослыми со второго класса. И вообще были очень самостоятельными. Я ходила в школу одна по лесу. День распределялся так: утром 15 км пешком в школу, пять уроков в школе, после пяти уроков нас водили в колхоз снимать льнотресту, разостланную на пожне, вечером затемно ещё 15 км пешком домой. Я не выдержала и сказала отцу, что в школу, пока война, ходить не буду, а пойду работать в

колхозе. Мама и отец уговаривали учиться. Но я всё же на год ушла в колхоз. Я все работы испытала в колхозе, сеяла и жала, пасла скот, доила коров, ухаживала за лошадьми и так далее.

Шёл 1942 год. В то время ввели плату за обучение, в школе с 8-го класса, а также в техникумах и в институтах.

Я училась в Городище в восьмом классе, а сестра в техникуме в Никольске. Нас, учеников восьмых, девятых и десятых классов (всего шесть классов), собрали вместе и объявили о введении платы за обучение в размере 150 рублей в месяц за человека. Часть учеников сразу отселялась, родители не могли платить за учёбу такие большие деньги, в колхозе денег за работу не платили. Наш отец работал на лесозаготовках (его тогда ещё в армию не забрали), хорошо зарабатывал и сказал, чтобы мы с сестрой учились дальше, и платил за нас 300 рублей в месяц. Для нашей семьи это были огромные деньги.

Незабываемый случай

Когда я собралась пойти в девятый класс, со мной произошёл незабываемый случай. Утром я объявила бригадиру, что возвращаюсь на учёбу и завтра на работу не выйду. Бригада работала в деревне Юшково, в 12 километрах от моей деревни. После работы я отправилась в школу, сообщить директору, что буду учиться. Иду вдоль огромного поля ржи. Рожь выросла выше меня. Смотрю, у самой кромки поля стоит самолёт У-2. Что это самолёт я потом поняла, потому что таких машин я раньше никогда не видела. И что удивительно, вот стоит

самолёт, а рядом никого! Что это?! Откуда это чудесное явление?! Я постояла немного и пошла дальше, в школу. Там встретила свою подружку Розу, рассказала ей всё, а она не поверила. И долго никто не верил, пока весть об этом самолёте не разнеслась по всей округе, радио тогда в деревнях не было.

Иду назад домой, а самолёт всё стоит. Потом дозналась, что в Юшкове жила мать лётчика Василия Георгиевича Шушкова. Ему в июле 1942 года разрешили слетать с фронта, навестить мать, что само по себе удивительно.

У меня до сих пор перед глазами картина: поле, созревающая рожь стоит стеной, и из-за ржи чуть виден самолёт.

Школа

Год отучилась в девятом классе. Как мы учились! Тетрадей не было, а чернила, на удивление, были. Видно, завхоз запасся чернильным порошком на несколько лет.

Мы сами обеспечивали школу дровами, за три километра ходили в лес, заготавливали берёзу и носили дрова на руках в школу.

В старших классах нам преподавали военное дело и медицину. Четверг назывался военным днём. Мы изучали винтовку, ползали по-пластунски, ходили стрелять на стрельбище и спускались на лыжах с гор (с высоких берегов реки Сухоны). Военное дело вёл физрук, он был очень строг и требователен. Винтовку мы разбирали и собирали с завязанными глазами.

Кому поставить памятник...

После девятого класса мы работали в колхозе. Осенью вырыли картошку, погрузили по полтора центнера на две телеги и повезли сдавать государству в Брусенец, до которого от нашей деревни 45 километров. Одну лошадь вела я, другую — учительница Александра Антоновна. Когда выехали, был погожий день. В дороге начался осенний, затяжной дождь. На ногах лапти, укрыться нечем. Промокли до нитки. Ночевать остановились в деревне Дор. Дождь шёл всю ночь. Утром смотрим: лошади сырье, вся картошка сырая! А дождь всё идёт.

В Брусенец приехали рано, до открытия склада. Зашли в один дом, стоим у порога, просимся подождать, укрыться от дождя. Мне было стыдно, с нас вода течёт, а у хозяйки некрашеный пол с песочком вымыт — белый-белый. А от нас лужа растекается. Но мы даже не присели, подождали до девяти часов утра и пошли сдавать картошку. Сдали и тем же днём отправились обратно. Едем, перед нами речка Городищна из-за дождя взбухла, как во время половодья весной. Когда в Брусенец ехали, пешком её переходили по броду, а тут глубоко стало и вода бежит быстро, сносит всё на своём пути. Я чуть от страха не умерла, так грозно вода шумела. На другом берегу на горке стоит деревня Каменная. Мы должны были в эту деревню прийти. Александра Антоновна стала переезжать реку — я стою, и душа замерла. А она остановилась и кричит:

— Манька, становись на середину телеги на коленки и держись за колёса, а то их течением вынесет.

Я так и сделала. Понукаю лошадку, она пошла, а вода её до брюха скрывает, и хвост по воде плывёт. Главное, чтобы под седёлко вода не попала, а то сотрёт лошади спину. Лошадей тогда очень берегли, это был единственный транспорт. Я думаю, что лошадям памятник надо поставить. Сколько грузов они за войну перевезли! Только в деревнях возили сено, льнотресту, картошку целыми возами. Всё для фронта, всё для Победы!

Переплыли наши лошадки реку. А мы страху-то натерпелись!

Я, как автор этой книги, думаю, что надо поставить памятник не только лошади, но и бабе русской и детям той далёкой военной поры!

На другой день Нина Владимировна привела меня в дом Михаила Николаевича Каёва, пенсионера, 82 лет от роду. Вот его рассказы

Нас у матери с отцом было четыре брата: старший Николай, я, Юрий и Валентин. По возрасту мы недалеко друг от друга ушли. Расскажу, как мы жили в 1945-1946 годах.

Утром родители на работу уйдут, а мы давай бегать да играть. В избе что делается! Ходуном всё ходит, как на мельнице! А к вечеру надо всё прибрать и задания матери выполнить. Два брата должны пойти (переплыть на лодке) за Сухону, набрать черники, грибов, а в поле

— шишек (головок красного клевера). Если повезёт, младший выудит в реке штук сорок пескарей. Мелкая рыбёшка, а всё приварок к тому, что мы в лесу да в поле добудем.

Клевер надо было к мамкиному приходу в печи высушить и в муку истолочь. Мать потом из неё лепёшки пекла.

Вечером младший должен был корову пригонять. Он у деревни на огород (изгородь) влезет и на нашу корову, Мальку, сядет. Так верхом на ней домой и едет. Смех, да и только.

А мой урок — корову подоить и сдать молоко на ферму. Вот как-то раз беру подойник и сажусь доить. Доил, доил, надоил полный подойник. Корове надоело стоять, она двинулась назад и вступила задней ногой в ведро с молоком. Я держу подойник двумя руками, чтобы не пролилось, и приговариваю:

— Малька, Малька, вытащи ногу из ведра.

Она поняла, отошла в сторону. Я ведро удержал, принёс в дом. Молоко постояло и стало чёрное вверху. Что делать? Думаю: мать увидит — убьёт! Я нашёл какие-то тряпки и пропустил молоко через эти тряпки три раза. Всё равно черное! Я оставил две кринки молока дома, а остальное унёс на ферму. Там молоко разболтал и сдал.

Вечером мать вернулась домой. На ужин должны были быть ягоды, мука из шишек и молоко. Мать спрашивает:

— Где молоко?

Я ей всё как есть рассказал.

Мать от горя и бессилья колотила меня по чём попало и приговаривала:

— Нетулика такой! (бестолковый, нерасторопный). Не мог корову подоить по-настоявшему!

Я молчал и только руками голову прикрывал, чувствовал свою вину. В конце концов, мы растолкли ягоды с травяной мукой, залили этим молоком и съели, не голодать же!

Отчёт «Мясотреста»

В 1946 году (мне было тогда 15 лет), во время зимних каникул, Михаил Николаевич Попов, начальник нюксенского «Мясотреста», знакомый моих родителей, попросил меня отнести в Великий Устюг годовой отчёт своей организации. В Великий Устюг надо было идти пешком 150 километров. Я до этого нигде, кроме родной Нюксеницы, не бывал. Михаил Николаевич сказал:

— Вперёд ушёл гурт скота (стадо коров) на мясокомбинат. Догонишь и пастухам пособишь, а они тебя в дороге кормить станут.

Мать положила мне картошки мешочек и отправила. Гурт я нагнал, пройдя по зимнику 60 километров, в деревне Карпово. Дальше поехал на розвальнях с припасами. Кормились в дороге картошкой и молоком. В стаде было много дойных коров. Молока бочками в дороге надаивали. Пили сами, а излишки людям отдавали. На обратном пути эти люди нас картошкой кормили.

Сначала я пил молоко с удовольствием. Но, когда дошли до Великого Устюга, я на него глядеть не мог. Отурило (одурманило) молоком, и отвернуло от него надолго.

Охота на медведя

В конце пятидесятых годов я работал на кирпичном заводе. Мастер Сергей Ефимович Королёв предложил вечером после работы пойти поохотиться на медведя. Дело было в сентябре, овёс стоял ещё неубранный. Я долго отказывался, потому что давно не стрелял, но, в конце концов, согласился. Он дал мне двустволку, и мы на самосвале поехали в лес. Через три километра машину оставили и дальше пошли пешком. Смотрим: дерюга (поле в полтора гектара) с неубранным овсом стоит, и там с краю — лабаз (помост на деревьях, откуда бьют медведя). Я сел на лабаз, а Королёв лёг на дерюге. Вечер, тишина такая, что каждый звук слышен, как в пустом доме. В этой тишине я и задремал.

Опомнился от странного шума — трещит овёс! Открыл глаза: в конце поля стоит большущий медведь. Загребает овёс лапами, вершки ртом захватывает и пропускает стебли через зубы, как через гребёнку. Только треск стоит!

Медведь меня увидел. У меня ружьё на коленях лежит, а он ест зерно и на меня смотрит. Я потихоньку начал взводить курок одного ствола, стараясь не щёлкнуть. Я раньше от охотников слышал, что, если взвести курок

с шумом, уйдёт медведь. Решил я это проверить, довёл курок до конца — он и щёлкнул. В тишине треск раздался неожиданно громко, медведь сразу шум услышал. Я взвёл курок второго ствола. Медведь встал на задние лапы, а передние поднял, как человек, и стоит. Я стрелять не стал, показалось, что он далеко от меня находится. Решил подождать, пока мишка поближе подойдёт. А он поел ещё овса, ещё раз сделал стойку и ушёл.

Медведь так незаметно прошёл мимо лабаза, что я ни единого звука не слышал. Окинул меня звериным запахом и исчез.

Это была моя первая и последняя охота на медведя. Королёв на меня очень сердился, говорил, что надо было стрелять. А я вспоминаю, как медведь стоял с поднятыми лапами и смотрел на меня почти по-человечески, и радуюсь, что не выстрелил тогда, не взял греха на душу.

Голод не тётка!

Гость у нас речка Гремячая. С малых лет мы там косили траву. В 1947 году время было очень голодное. Только что закончилась война, мужиков с фронта вернулось мало, поэтому работали такие робята, как я, и бабы. Мне тогда 16 годов было, взрослым считался. Днями косили, чтобы как можно больше сена заготовить. Я голодный был. Косил, косил, да и упал (в обморок). На обед дали нам соевой муки. Откуда привезли такую, мы не знали, и готовить из неё не умели. Стали эту муку варить. Когда сварили, видим, вверху вода, а внизу соя. Мать черпает снизу, погуще, и подливает в тарелку:

— Ешь, ешь, милок.

Сытости от соли никакой. На завтра я пошёл в больницу, мать отправила, чтобы посмотрели, из-за чего это я в обморок упал. В больнице голодным давали триста граммов хлеба.

Мы голодали ещё и потому, что сразу после войны всех уговаривали купить облигации государственного займа. Мать долго не соглашалась подписаться на эти облигации, денег-то не было. Но, в конце концов, подписалась. Так у нас образовался долг перед государством. Пришлось по три литра молока в день продавать, и этими деньгами гасить долг. Я каждый день носил три литра молока в школу, и учителя его покупали. Выручал тридцать рублей в день.

В тот раз я перед больницей зашёл в школу, продал молоко и вышел с деньгами на улицу. В Нюксенской столовой работала моя знакомая, Роза. Дай, думаю, зайду, очень хотелось есть. В столовой спрашиваю Розу:

— Сколько стоит первое, второе и третье?

— Суп восемь рублей, второе пятнадцать рублей, чай три копейки.

Я заказал первое, второе и третье, быстро съел всё и смотрю на Розу голодными глазами. Она принесла ещё один суп и хлеба. В общем вышел я из столовой с полным животом и с рублём в кармане. Пошёл домой, по дороге встретил Феликса, начальника навигации. Он у нас жил некоторое время, так что мы с ним были хорошо знакомы. Он предложил мне сухой рыбы (сушёной). Я за эту рыбку отдал последний рубль и тут же её съел. Дома мать спрашивает:

— Где деньги?

— Нет денег, — говорю. — По дороге упал и молоко пролил.

Получил я от матери тумаков, зато наконец-то наелся и сил прибавилось!

Эту забавную коротеньющую историю мне рассказали в Нюксенской районной библиотеке

Загадка

Мой шестилетний сынишка, глядя на куриные яйца, принесённые женой из магазина, говорит:

— Всё понимаю, понимаю, как куры яйца несут. Не пойму только, как они на яйцах числа пишут!

Нина Владимировна, директор библиотеки, отвела меня в Нюксенский районный Центр традиционной народной культуры (ЦТНК). Там я познакомилась с неустанными труженицами, хранительницами истории и культуры своего края, Людмилой Александровной Ланетиной и Евгенией Николаевной Березиной. Людмила Александровна сама рассказала мне несколько интересных случаев и предоставила записи центра о знатной труженице Нюксеницы Павле Платоновне Шушковой.

Портрет Сталина

В послевоенные времена в только что отремонтированном клубе не могли определить, куда

бы повесить портрет Сталина. Этот портрет долго стоял на полу у стенки. Как-то раз одна женщина сказала:

— Надо когда-нибудь повесить Сталина-то.

Кто-то тут же донёс куда следует и её посадили в тюрьму.

Мужчина и женщина — разные виды!

Сщё до войны дело было. Выдали родители двадцатипятилетнюю дочку-перестарка за пожилого мужика. А ей неохота жить со старым. Пожила, пожила у него и решила вернуться к родителям. Собрала все свои вещи и пошла к маме. Пожила дома какое-то время и решила, что нехорошо это, и вернулась к мужу. Потом передумала и снова со всеми вещами ушла к маме, и опять вернулась к мужу, на этот раз насовсем.

И всё это время она разрывалась между родительским домом и мужем, и сильно переживала...

А муж даже не заметил, что она от него уходила.

Запись Павлы Платоновны Шушковой.

В настоящее время её уже нет с нами

От судьбы не уйдёшь

У нас в деревне открылась профшкола. Председатель колхоза и говорит моему брату:

— Платоныч, надо Павлу в профшколу отдавать.

А мне не хотелось там учиться. Да и брали-то туда тех,

кто четыре класса кончил. А я только два кончила, да «коридор». То есть, начала в третьем классе учиться и заболела, вот и вся учёба. А председатель договорился с директором школы, что он выпишет мне справку об окончании четырёх классов при условии, что я самостоятельно доучусь.

Сначала взялась сестра меня учить, но я худо её понимала. Она начнёт мне какие-нибудь примеры давать и говорит:

— Столько-то пишем, а столько-то в уме.

А я никак не могу понять, как это «в уме», а из ума-то куда девать?

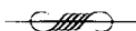
Потом взялся учить меня старший брат. Он-то как учил меня, мне нравилось, я понимала его. Таблицу умножения со мной учил. Расскажет мне, даст задание, чтобы к завтрему выучила. А мы коров колхозных пасли с ребятишками. Придём на пастбище, коровы гуляют, ребятишки играют, а я всё таблицу умножения учу.

Выучилась я до четвёртого класса, а всё равно неохота в профшколу! Дома забуюсь в уголок и реву:

— Господи, не дай поступить в профшколу!

Директор написал справку, что я кончила четыре класса, и меня всё-таки взяли в профшколу. Пошли мы туда учиться вместе с двоюродной сестрой. Ну, раз уже стала учиться, так каждое слово учителя слушала внимательно. Предметы разные были. Я столярным делом занималась. Учили, как табуретки и стулья делать. Два стула сделала, в домике старом остались.

Вскоре профшколу переделали в школу трактористов. Мы с подружками решили бросить, зачем это нам трактора? Пусть парни на трактористов учатся. Но директор школы сказал нам:

— Если выплатите все деньги, которые на вас затрачены были, а это — тетради, чернила, зарплата учителей и так далее, тогда идите!

А где нам столько денег взять? Брат сказал:

— Учись, а там видно будет.

Ну, и пришлось учиться дальше. Выучилась на тракториста и получила корочки тракториста II категории. Пошла на работу, а наставника мне поставили Ивана Васильевича Дьякова. Ребята смеялись надо мной.

— Ну, — говорят, — тебе и матюкальщик достался.

А он так хорошо меня выучил. Я немного с ним поездила, всему научилась и стала самостоятельно работать, да так хорошо, что вскоре в Нюксеницу вызвали на слёт ударников. Да ешё и премию шестьдесят рублей дали. Это большие деньги тогда были. С этого и пошла моя трудовая деятельность. Вот, так-то, от судьбы не уйдёшь!

Любовь Павлы Платоновны

Встретила она свою короткую любовь на курсах трактористов в Грязовце. Полгода длилась она, полгода встречались Василий и Павла, пока не призвали любимого на Финскую войну. Он сказал ей на прощание:

— Буду писать тебе письма, Павлушка моя, а вместо подписи ставить инициалы Р.В.И.: хочешь — читай, хочешь — рви!

Треугольники писем приходили от него почти каждый день. Она уж точно и не помнит, о чём писал Вася. Не осталось ни одного письма на память, только фотография где-то была, да и ту не может она найти — зрение стало плохое.

Не вернулся с войны её Р.В.И., пропал без вести. Но вспоминает Павла Платоновна о нём всю жизнь.

Павла Платоновна Шушкова — рассказчица

Павла Платоновна славится у себя на родине не только, как знатная работница. Много лет щедро дарила она землякам оптимизм, чувство юмора, сказки и частушки.

Когда её спрашивали:

— Павла Платоновна, сколько тебе лет?

Отвечала:

— Стака нет!

Любила она рассказывать старинные, коротенькие сказочки-нескладушки. Повторяла их и повторяла, словно ниточку наматывала на клубок. Особенно хорошо было рассказывать их малышам перед сном, монотонность и повторы усыпляли деток.

Вот две такие сказки.

Шёл мужик по мосту через речку, видит: сидит ворона. Думает мужик: «Брошу ворону в речку, пусть мокнет». Идёт обратно. Видит: ворона в речке мокнет. Достал он её: «Пусть ворона сохнет!»

Сказка повторяется, пока не надоест, или пока чадо не уснёт.

Также и со второй сказкой.

Жил-был старух и стариха (говорила именно так, чтобы смешнее было). Жили они в большом доме

с окошком, а под окошком стояла берёза. На берёзу повадилась ворона: прилетит и опять улетит. Летит высоко, кричит громко!

— Продолжать? — спрашивает Павла Платоновна.
— Не заботитесь? И я-то боюсь. Ну ладно, расскажу, — и повторяет всё с начала.

А после каждой сказки — присказка: «Коточиг да палочка, вот вся и сказочка!» (Коточиг — специальный ножик для резки бересты при плетении лаптей).

А вот частушки, которые она сама сочиняла:

*Я хорошая работница,
работы не боюсь,
Если правый бок устанет,
Я на левый повернусь!*

*Я ещё бы вам попела.
Что-то голос стал хрипеть,
Чем плохое пенье слушать,
Лучше дверью поскрипеть!*

Её песни и частушки записывали любители и собиратели фольклора из разных городов. По ним составлены целые сборники.

А когда ей пытались подарить что-нибудь вкусное на день рождения, она скромно отказывалась и, шутя, говорила:

— Всё у меня есть, только вот аппетита нет. Может быть, он и приходит, да только дверь у меня всегда закрыта, а самой не открыть. Постучит аппетит в дверь и уйдёт.

Нина Владимировна отправила меня и в знаменитое село Пожарище, ей я обязана знакомством с замечательным человеком — Олегом Николаевичем Коншиным, который относится к деревенской культуре свято.

ТНК деревни Пожарище, в котором работает Олег Николаевич, собирает и бережно хранит старинные русские обычаи, костюмы, бытовые предметы, сказки, песни, пляски, игры и обряды. Работники центра ткут на старинных станках льняные, хлопковые и шерстяные ткани, шьют из них по старинным лекалам национальные русские костюмы, восстанавливают рецепты забытых блюд. Сам Олег Николаевич, лауреат премии Правительства РФ «Душа России», руководит народным самодеятельным фольклорно-этнографическим коллективом «Уфтужаночка», проводит традиционные свадьбы, именины и другие обряды.

Благодаря энтузиастам, которые работают в этом центре, кажется, что вся деревня вращается вокруг него, как Земля вокруг Солнца. И приезжают туда поучиться и напитаться русским духом не только из Вологодской области, но и из других регионов России и даже из-за границы.

Деревня Пожарище стоит на высоком холме, на солнечном припёке, овеваемая ветрами со всех сторон. Здесь так светло, просторно и воздушно, что душа поёт и не хочет расставаться с этим издавна обжитым людьми, местом. Летом с утра и до позднего вечера деревенские жители трудятся в полях и на огородах. Сеют рожь и овёс, сажают и убирают овощи, заготавливают на зиму сено для коров и коз. Ухоженные дома утопают в зелени и

цветах, а зимой мирно дремлют среди глубоких снегов. Если отъехать немного от деревни, то внизу под холмом вьётся река-красавица Уфтуга, а за рекой темнеет лес.

Рождение мифа

 Гут как-то зимой в Пожарище мама с маленькой дочкой. До этого они бывали там только летом. Дочка смотрит в окно автобуса на занесённые снегом поля и мечтательно говорит:

— Мама, едем скорее, там же лето и качели!

Похоже, что и у меня создался миф о вечно цветущем, солнечном Пожарище, в котором живут чудесные люди и где всегда праздник.

Рассказывает О.Н. Коншин

Сын в большом городе

Дonna Ивановна, женщина преклонных лет, в жизни никуда из Пожарища не выезжала, кроме Нюксеницы, а тут решила навестить сына в Ленинграде. Набрала с собой полные сумки гостинцев: варений, солений и деревенских пирогов, которые особенно любил её Ванюшка, и отправилась в гости к сыну.

Вышла в Ленинграде на перрон и говорит встречной женщине:

— Здорово, голубушка, где-ка здесь Ванька Уланов живёт?

Та пожала плечами и ушла. Многим задавала этот вопрос Анна Ивановна, пока не догадалась подойти к милиционеру. Он-то ей всё и объяснил как надо. Нашла она своего Ванюшку.

Гли-ко, Наталья!

Бабушка Егоровна приехала к старой подруге в Ярославль. Зашли они в промтоварный магазин, а там всюду витрины зеркальные. Егоровна увидела себя в полный рост в зеркале и говорит:

— Гли-ко, Наталья, вон баба-то вся, как я! И одета, как я, и вертится-то, как я!

Оценка модного имиджа

Бабушка Егоровна лежит в избе на полатях и наблюдает, как внук на танцы собирается. У внука длинные волосы по тогдашней моде, он смотрится в зеркало и зачёсывает волосы назад, а она говорит:

— Ой, Колька, ты и вовсе ётонка, только жопёнка тонка!

Сваты

Приехали в гости к Антонине Власьевне сваты всей семьёй. Хозяйка суетится, не знает, как гостям угодить. На первое вынесла холодное (холодец). Всем ложки подала, а свату ложки не

хватило. Она в суете и забыла об этом. Ходит вокруг стола и приговаривает:

— Кушайте, гости дорогие. Кушай, сватонько, кушай, што же это ты ничего не ешь?

Как подойдёт к нему, он всё сидит прямо и не ест. Хозяйка волнуется и повторяет:

— Што же ты, сватонько, моего холодца-то не попробовал?

Он терпел, терпел, да и запустил всю паклю (ладонь) в судно (глубокую тарелку).

— Ой, што ты делаешь, сватонько?!

— А што, сватья, ты угощаешь хорошо, как не поисть?

— А што рукой-то?

— А ты весло (ложку) мне не подала!

Находчивая сноха

Фания Вениаминовна нам своя (родственница) была. В молодости жила она у свекрови. А та до того жадная была, что даже на работу Фаю без еды отправляла. На сено-косе бабы в обед сядут в тенёчке, развернут узелки, а там у кого что. Кто хлеба с луком и солью взял, кто яиц, у кого и кринка молока с собой. Сложат припасы в одну кучку и едят все

вместе. Одна Фая в сторонке голодом сидит, ничего с собой нет.

Однажды пошли бабы на сенокос, а Фаина впереди всех бежит и что-то у неё в кузовке (плетёной корзинке) мелется (перекатывается). Все удивляются и спрашивают:

— Что это там у тебя мелется?

— Вот придем на место — увидите!

В обеденное время открыла Фая кузовок, а там девять варёных яиц.

— Где взяла? — спрашивают бабы.

— У матушки (свекрови) взяла. Она яич накопила и в подполье спрятала. Я избу убирала и в подполье зачем-то спустилась. Смотрю, а там яич полная наберуха (посудина для яиц). Я и говорю:

— Ой, матушка, ты, наверное, забыла, у тебя тут яич полным-полно. Испортятся ведь!

Матушке и пришлось их мне с собой на сенокос дать.

Вдовья шутка

Настасья Григорьевна и Анна Васильевна, две задушевные подруги, после войны остались вдовами. Жили рядом, работали вместе, вместе и вдовью долю делили. С годами горе притупилось, а молодость брала своё. Мужей вспоминали — плакали, а коль весело было — шутили и смеялись от души.

Летом на сенокосе, как всегда, они вместе загребали сено. Рядом с ними работала молодая семейная пара, Федька с Анютой. Анюта стояла на зароде (на стоге или скирде), а муж метал ей сено.

Захотелось вдовам пить. Чая тогда не было и пили заваренную траву. Бабы решили над молодыми подшутить и заварили «травку-хреноставку». (В этом месте все начинают о составе этой травки спрашивать, а я не знаю!) В общем напоили они отваром этой травки Федьку и зашли за скирду, слушать и подсматривать, что дальше будет, потому что и сами сомневались в силе своего зелья. Через некоторое время слышат:

— Анна, соходи с зарода!

Анна сошла, и Федька её тут же у скирды облюбил. Анна удивилась, но ничего не сказала и полезла обратно на зароду. Через некоторое время Федька снова потребовал, чтобы она сошла вниз. Анна слезает со скирды и ворчит на мужа:

— Чего тебя лешой-от дерёт?

— Молчи, сам не знаю!

А бабы за скирдой со смеху помирают.

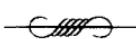
Таблетки от...

Всемидесятых годах я учился в четвёртом классе в Лесютине. Как-то раз утром собрался я ехать в Лесютино, стою на остановке, жду автобус. Вдруг подходит ко мне соседская бабушка протягивает трёшник и говорит:

— Купи мне в Лесютине таблетки от усёру.

Я приехал в Лесютино, зашёл в медпункт и честно попросил таблеток от усёру.

— А тебе от какого усёру, от поноса или от запора? — серьёзно спрашивает фельдшерица.

— Не знаю.

— Ладно, дам тебе на рубль пятьдесят от поноса, а на остальные от запора.

От Нины Константиновны Коптяевой,
село Копылово Нюксенского района

Качели

После войны в деревне одежды не хватало, особенно нижнего белья, поэтому женщины часто ходили, как в старицу, без трусов.

Мне в то время было шесть лет, и мы поехали с мамой на майские праздники в Брусенец, посёлок лесозаготовителей. На горушке у реки поставили высокие качели. На них стоя качалась Клавдия, ухаристая (бойкая) женщина, известная всему Брусенцу как неутомимая плясунья и любительница частушек с матюгами. На ней было цветастое ситцевое платье и новые резиновые сапоги, надетые на босу ногу. Вокруг качелей собирались ребятишки моего возраста и взрослые мужики. Дети с открытыми ртами смотрели, как Клавдия взлетает всё выше и выше, на лету приседая и ухая. Один мужик сильно качнул её сзади и она, ухнув в очередной раз, низко присела и раздвинула колени. Несколько детей одновременно заметили, как между ног у неё что-то счернело. Мы переглянулись и с интересом стали наблюдать за Клавдией и смеяться, пока она не поняла в чём дело. Тогда взрослые нас от качелей отогнали. А сами остались!

Лечение ревматизма

К нам в Копылово часто приезжал гармонист Николай Сидорович, пятидесятилетний мужик. Николая Сидоровича все любили за безотказность и за то, что он очень хорошо играл на гармони. Один у него был недостаток, он не мог отказаться, когда ему предлагали выпить, а предлагали ему всегда, потому что играл он в основном на праздниках. К концу таких праздников он обычно бывал сильно пьян.

Однажды Николай Сидорович играл у моей соседки на именинах и так наугощался, что описался. А был он в военных ватных стёганых штанах. Никто не заметил, что произошло, а он был в таком состоянии, что заснул одетым. Утром соседка обнаружила, что он весь мокрый и говорит:

— Давай, Сидорыч, я тебе мужнины сухие брюки дам.

— Не надо, я свои штаны внизу завяжу, сяду на коня и домой поеду. Я всегда так от ревматизма лечусь! — серьёзно ответил он.

Рыбак

Николай Сидорович был не только гармонист, но и заядлый рыбак и рыба, что называется, к нему шла. Он её тут же продавал и на эти деньги выпивал. Соседка просит его:

— Николай Сидорович, рыбы не продаешь?

— Почему не продать? Только дай денег вперёд, а я рыбы привезу. От Монастырихи до Копылова (расстояние

равное половине Нюксенского района) сколько ни есть
рыбы в Сухоне, вся твоя будет!

К сожалению, я была в Нюксенице недолго, но осенью встретилась с нюксенскими знакомыми на выставке в Вологде, где Олег Николаевич выступал со своим коллективом, а Евгения Николаевна Березина подарила мне самодельную куклу-оберег, которую называют «убогоньская», значит, живёт у Бога. Бережёт меня эта скромная кукла, а я смотрю на неё и вспоминаю нюксенские встречи, разговоры и новых друзей.

ГЛАВА VI

Кичменгский Городок

В Кичменгском Городке мне так и не удалось побывать, зато щедрое пророчество подарило мне взамен двух замечательных рассказчиц родом оттуда — Л. И. Шахову и Н.С. Усову.

Первенство общения принадлежит Лидии Ивановне Шаховой (в девичестве Суэтиной), бывшей жительнице Кичменгско-Городецкого района Вологодской области, ныне проживающей и работающей в городе Вологде. Лидия Ивановна — редкая женщина: бойкая, работящая, неунывающая. На таких людях, как она, мир держится. Я даже не буду упоминать, сколько ей лет. Во-первых, потому что она выглядит не больше, чем на сорок, а во-вторых, настолько полна жизни, весела и подвижна, так ярко одета и модно причёсана, что лучше я сразу перейду к её необычайным историям, в которых отражается вся она и её полная приключений жизнь.

Мама

Моей маме Анне Александровне Суэтиной восемьдесят пять лет, она живёт в деревне Еловино Кич.-Городецкого района. Мама аккуратная: всё у неё убрано, всё на своих местах, домотканые половики лежат, как по линейке, на телевизоре и на подголовнике дивана — белоснежные, накрахмаленные салфетки, в доме чистота идеальная. Во дворе тоже всё прибрано, дорожки вымечены, в поленницах дрова сложены, полешко к полешку.

Я приезжаю к ней весной помочь посадить огород и летом в отпуск. Помогаю ей во всём, и дрова рубить тоже. А она посмотрит и, если поленья получились большие, велит перерубить, силы уже не те тяжести таскать.

Сделаю всё, что мама просила, и иду к старинной подруге в гости. Маму с собой беру. Она долго не может с нами сидеть и потихоньку домой уходит, но потом очень сердится. Утром мне выговаривает:

— Поштё шибко довго в гостях сидишь?

Сама на меня не смотрит, губа титькой, обиделась, значит. Я пытаюсь оправдаться, говорю, что все дела сделала, можно и подольше у подруги побывать.

— Нельзя! — сердится мама. — Насерю на тебя и на рожу твою насерю, всю ночь прошлялась!

Шумит на меня, может и кулаком по столу стукнуть, а я понимаю, что хочется маме каждую минутку со мной рядом быть, ведь скоро опять надолго расстанемся, далеко Еловино от Вологды...

Деревенские порядки

Когда я училась в восьмом классе, был у меня парень Сашка. Он только что из армии пришёл. Мама взрослого Сашку не одобряла — далеко ли до греха.

Как-то гуляли мы с ним летней ночью, он у меня капроновый платочек с шеи снял, да и высоко на тополь повесил, мне не достать. Пришлось домой без платка идти. Мать утром увидала и как закричит:

— Лидька, это раньше бы одноразно, штё платок, штё

штаны с девки снять! Поштё позволила ешшэ и на дерево повесить, зараза! Сраму-то теперь на всю деревню!

Я Сашку заставила платок снять. Он вечером подогнал грузовик, платок снял и мне принёс. По дороге маму встретил. Она как шла навстречу с пустым подойником так, не говоря ни слова, этим подойником ему по роже и дала!

На следующий день Сашка пришёл на свидание с синяком под глазом и говорит:

— Ну у тебя и мать, что в руках, то и в боках!

После этого случая мы недолго встречались.

Мамины письма

Мама уже плохо видит, старые убитые крестьянской работой руки дрожат. Но всё же мама иногда пишет мне письма. Я знаю, что у неё всё для этого есть: я ей всегда специально для писем бумагу и ручку покупаю. Но она пишет карандашом на каких-то обрывках, кусочках конвертов и старых открытках. Может, например, летом написать письмечко на новогодней открытке. Мама экономит, как в давние, послевоенные времена, когда бумаги в деревне не было.

Содержание этих писем с каждым годом всё труднее разбирать, буковки наезжают одна на другую, предложения обрываются на полпути, и я безуспешно пытаюсь прощать их и складывать в отдельную кучку эти дорогие мне весточки. Даже если ничего не пойму, кроме слова «Лидька», в ответ пишу регулярно и благодарю за данные советы и наказы и обещаю поскорее освободиться и приехать...

Свадьба. Долгая дорога к счастью

Замуж я вышла в 1980 году за Николая Шахова из Норобова, мне тогда девятнадцать лет было, а ему двадцать два года. Мама говорила:

— Поштё не за своего парня пошла, сколько у тебя из нашей деревни дружков-то было!

Но свадьбу мама решила сделать. Как же, всю родню надо пригласить, всех соседей, и нынешних, и тех, с кем раньше в Великуше, деревне своих родителей, жила, а то люди не поймут.

— Лидька, ты у меня одна, неужели я тебе свадьбу не сделаю? — сказала мама и принялась готовиться к празднику за месяц до самого события.

Мы с Шаховым расписались в Норобове 27 сентября, а свадьбу решили отмечать в октябре в Еловине, у мамы. Однако сделать всё, как у людей, нам не удалось. С самого начала нас преследовал злой рок — события, которые превратили нашу дорогу к счастью в необъяснимую череду препятствий.

Всё началось с того, что мы с Николаем купили ему на свадьбу новый костюм. Шахов у меня в те поры был литой, фигуристый, новый костюм сидел на нём отлично. Незадолго до отъезда в Еловино, к нам прибежал свидетель со стороны жениха, Толик, и попросил дать на вечер этот костюм его другу, которому не в чем было пойти на свидание с девушкой. Толик дал бы ему свой костюм, да фигуркой и ростом не вышел, как у нас в Еловине говорят: «маленькой был и низкосраканькой». Мы сдуру и отдали свой костюм, благо друг Толика был

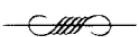

ростом с Николая. Больше мы ни костюма, ни этого друга не видели.

Я тогда ещё училась в Вологде. В октябре в техникуме наступили каникулы, и мы с Шаховым, с его родителями и со свидетелями собрались в деревню к маме. Оделись нарядно: я в новом пальто, Николай новые ботинки надел. Нагрузили рюкзаки дефицитными фруктами и помидорами, купили цветы и поехали в вологодский аэропорт. Билеты у нас были заранее куплены.

Приезжаем утром в аэропорт, а там снег выпал, туман, Кич. Городок и Никольск не принимают. В общем, рейс отменили, пришлось билеты сдать. Дело было в пятницу, а свадьба намечена на субботу. У мамы пиво уже наварено, гости приглашены, столы поставлены и накрыты, мама ждёт. Неприятно, конечно, что самолёты не летают, но не смертельно. Если сегодня выехать поездом до Великого Устюга, а оттуда на автобусе до Кич. Городка, можно вовремя на свадьбу успеть.

Прибыли мы на железнодорожный вокзал, а там билеты есть только в общий вагон и без мест, стоя придётся ехать! А путь не близкий — от Вологды до Великого Устюга поездом добираться двенадцать часов. Родители жениха сразу развернулись и уехали на автобусе домой в Норобово. Делать нечего, мы с верными свидетелями вчетвером поехали поездом. Всю дорогу стояли в тамбурах, держась за поручни. По дороге сначала увядшие цветы выбросили. Обессилев, время от времени садились на рюкзаки с продуктами. Ближе к пункту назначения помидоры и фрукты превратились в кашу, пришлось их тоже выкинуть. В Великом Устюге мы чудом на перрон спустились: онемевшие от стояния ноги гудели. Но доехали же!

Полдела сделано, немного осталось — махнуть до Кич. Городка, а там и Еловино рядом!

На вокзале купили билеты на Кич.-Городецкий автобус и покатили к дому, радуясь тому, что нашим мучениям пришёл конец. В пути немного отдохнули, по крайней мере, ноги отошли. И надо же было такому случиться: наш автобус в дороге запоздал, и, когда мы приехали в Кич. Городок, рейсовый автобус на Еловино уже ушёл... Прямо заколдованный круг какой-то! Вот уж рядом почти Еловино, а мы всё на полпути к счастью! Но не такой я человек, чтобы сдаваться. Хотела замуж — и вышла, хотела свадьбу — и она у меня будет, что бы ни случилось!

Смотрим, в стороне какой-то «Пазик» стоит, подошли, водитель спрашивает:

- Вам куда?
- До Еловина, мы на свою свадьбу опаздываем!
- Я только до Юрского еду, пять километров. Но могу подбросить.

Когда мы вышли из автобуса в Юрском, субботний день клонился к вечеру, а до Еловина оставалось шестнадцать километров пути.

О мобильных телефонах тогда ещё и не мечтали, а обычного телефона в деревне тоже не было. Мысль о том, что мама с ума сходит от страха и уже перебрала все возможные обстоятельства нашей гибели, заставила нас двинуться в путь пешком.

Легко сказать — пешком. После поезда и автобуса мы ног под собой не чуяли от усталости, ужасно хотелось есть, пить и спать. Свои припасы мы частично выбросили, частично съели, ничего не осталось, а перед нами лежала дорога на Еловино. И мы пошли...

Десять километров, которые нам удалось одолеть, я почти не помню, брела, как во сне. Помню только, что стало темно и пошёл снег, запорошив всё вокруг. Наконец Шахов, который к тому времени новыми ботинками стёр ноги до кровавых мозолей, взмолился:

— Давайте зайдём в Плосково, всё равно по пути. Отдохнём, поедим.

Мы согласились. На Плосково уже опустилась ночь. Первый день нашей свадьбы завершился. Окна светились только в одном доме на краю деревни, туда мы и двинулись. Оказалось, что это не жилой дом, а пекарня. Из её открытых дверей шёл густой дурманящий дух горячего хлеба. Я чуть в обморок не упала от этого запаха и от голода. Мы с трудом нашли женщину-пекаря и выпросили у неё буханку хлеба на продажу. Тут же жадно съели ещё горячий хлеб и отправились дальше в деревню. Во дворе первого попавшегося дома заметили машину. Это обнадёживало. Подумалось: может, хозяин нас до Еловина подвезёт. Постучались.

Приоткрыв дверь, хозяйка дома спросила, откуда мы. Услышав, что мы едем из Вологды, пустила нас переночевать. Постели постелила на полу в горнице, а нам уже было всё равно, где и как, лишь бы скорее лечь. Я попросила её разбудить нас рано утром, потому что нам ещё в Еловино на свадьбу добираться. Хозяйка сочувственно покачала головой:

— Жаль, что сразу не сказали, сын отвёз бы, а теперь он на гулянку в соседнюю деревню ушёл, только завтра вечером вернётся. А пешком вам ещё шесть километров придётся пройти.

Встали мы рано. Совсем не хлебосольная хозяйка

попоила водичкой и отправила нас восвояси. Наш путь лежал через лес по просёлочной дороге. Бедный Шахов в ботинках идти уже не мог, за ночь ноги отекли и распухли. Но надо отдать ему должное: настоящий мужик — ни стона, ни ропота. Снял ботинки и пошёл по холодной грязи в носках: они хоть и быстро проходились, но всё же создавали видимость, что на ногах что-то есть. Вдруг смотрим: мимо трактор с навозом едет. Водитель из окна высунулся и говорит:

— Гляжу на дорогу: следы какие-то странные. Ну, думаю, что за медведь здесь прошёл? — и, обращаясь к Шахову, добавил, — чего же это ты в снег-то босиком?

Пришлось объяснить. Узнав, что мы опаздываем в Еловино на свою собственную свадьбу, пожалел, что недалеко едет, только до ближайшего поля, в пятистах метрах от деревни. Но на тележке с навозом прокатиться пригласил. Устроились мы на навозную кучу и потащились дальше. До поля мужик, как обещал, довёз, а дальше мы опять пешком двинулись. Совсем было приуныли, не ведаем, когда эта проклятущая дорога кончится. Тут на счастье мимо мотоциclist проезжал, а мотоцикл-то у него с коляской. Притормозил и тоже говорит:

— Еду, смотрю, кто это прошёл, и следы необычные, местные тут всё больше в сапогах ходят!

Пришлось ещё раз объяснять, кто мы такие да куда идём. Оказалось, что сам он до Еловина едет, живёт там и маму мою знает, и, что свадьба должна быть, знает. Но взять с собой может только одного человека, в коляске места едва для сумок хватит. Решили, что он увезёт босого жениха с сумками. Шахов уселился позади мотоциклиста, сумки запихнул в багажник, и они укатили,

а мы со свидетелями идём дальше. Дороги осталось всего ничего — пять с половиной километров!

Грязный, босой, уставший до одури и голодный Шахов явился гостям, как Иона из брюха кита. Гости бросились к нему с вопросом, а где же невеста?

— Там! — махнул Шахов рукой куда-то в сторону и схватил протянутый сердобольной соседкой стакан с домашним пивом, выпил его одним духом, потом ещё и упал на диван, провалившись в глубокий целительный сон.

Когда мы со свидетелями, наконец, дошли до дома, когда заплаканная мама высушала мой рассказ о наших злоключениях, я умылась, переоделась в свадебное белое платье, украсила голову фатой и вышла к гостям.

То, что я увидела, навсегда останется в моей памяти. Вот я, отражаясь в зеркале напротив, стою вся в белом в дверном проёме, как в раме. На диване рядом с зеркалом, свернувшись калачиком, мирно спит босой Шахов. Вдоль стен стоят сдвинутые столы с пустыми бутылками и грязными тарелками, почти все гости разошлись, а те, что остались, ведут по углам пьяные разговоры, и на меня не обращают внимания. И уже никому ничего не надо. Истекли, ушли в прошлое трети сутки нашей с Шаховым свадьбы...

И всё-таки она состоялась, моя свадьба, хотя нас на ней не было, а гости отгуляли, но так и не увидели жениха и невесту.

С Ниной Сергеевной Усовой, учительницей на пенсии и бывшей жительницей Кичменгско-Городецкого района

меня познакомила моя бывшая студентка Надежда Коносова. Нина Сергеевна пришла ко мне по душе сразу, как только я увидела её умные, все понимающие, добрые глаза человека, который прожил большую и трудную жизнь, когда услышала чистую, льющуюся, как родниковая вода, речь. В свои восемьдесят восемь лет она сохранила живой ум и прекрасную память. Мы начали разговор с её воспоминаний о дедушке и об отце.

Дед

Мы жили в деревне Лаврово. Мне пришлось расти в семье не как у всех. Мой дед страдал тяжёлой наследственной болезнью, у него было больное сердце. На деревенской сходке односельчане сказали ему:

— Михайло, ты человек больной, в поле не работник, будешь строить большой дом, и жить в нём с семьёй, а большую горницу приспособишь под постоянный двор. У тебя будут останавливаться все приезжие: крестьяне, сплавщики и купцы из соседних волостей, а может, и какие начальники — приставы и священники.

Потом так и вышло, дом всегда был полон разного люда.

Дед послушался и с помощью лавровцев построил большой пятистенок с горницей на шесть окон. Горница получилась светлая и ничего общего с деревенскими домами не имела. Дедушка оклеил её белыми обоями с выпуклым золотым рисунком. В деревне, да что там в деревне, и в округе ни у кого таких обоев не было, а видную стенку печи выложил изразцами! Краше этих изразцов

я за всю жизнь нигде не встречала. А прислал их нам один человек из Санкт-Петербурга, художник, который у нас останавливался, и ему здесь очень понравилось. В горнице висели репродукции картин: «Девятый вал», «Утро в сосновом бору» и «Блудница». Эту картину дед повесил в назидание дочерям, которых было у него четверо, и снимать со стены не давал. Разрешал только завесить, если какой-нибудь постоялец был недоволен. Из необычных вещей у дедушки был ещё граммофон с блестящей трубой и двухведёрный самовар.

Дедушка был грамотный. Кстати, в Лаврове все мужчины были грамотными. За рекой, в другой деревне, находилось ремесленное училище, и все наши там учились.

При советской власти дедушка выписывал газету «Правда». Вначале он сам её просматривал, а вечером у нас собирались все соседи, человек по пятнадцать, и читали её вслух от корки до корки. Сидели в горнице за столом, под большой, висячей керосиновой лампой с фигурным стеклом. Если какая-нибудь статья нравилась, дед её вырезал и хранил, остальную газету после прочтения пускали на цигарки.

Во всей деревне у одного моего дедушки была большущая книга-дневник. А может, она казалась мне огромной, потому что я сама была ещё маленькая. Каждый разворот этой книги был рассчитан на один год. На этом развороте дед вёл записи о погоде на каждый день, о направлении ветра, о ледоставе и ледоходе, севе и уборке урожая, а также обо всех необычайных событиях, которые происходили в деревне в то время.

(Вот бы мне заглянуть в эту книгу, да никак, после

смерти дедушки Нины Сергеевны бабушка отдала её в макулатуру!)

По этой книге дедушка мог угадывать погоду на следующий год, поэтому слыл в округе предсказателем.

Дед Михайло был редким умельцем. Он плёл из вици и лозы гумёные пестери и «морды» для ловли рыбы. Вся деревня знала, что мясть кусты у реки нельзя, потому что там дедушка лозу заготавливал. А ещё плёл он «стулики» для женщин, на которых удобно было коров доить. Из двух толстых и прочных веток он делал каркас «стулика», так называемый куб. Надпиливал и надрезал ветки в нужных местах и, согбая в соответствии с нужной величиной, формой и видом, складывал этот куб. Бабы заказывали ему разные «стулики»: кто с полотняным верхом, кто просил сверху досочку положить. Скреплял он эти «стулики» только деревянными штырями, гвоздями никогда не пользовался. Для некоторых он сплетал скамеечки из мягоньких веточек. Такой «стулик», или скамеечку, если корова в процессе доики двинулась, зацепи ногой, да и тащи за собой, не надо вставать во весь рост и переставлять неудобную и тяжёлую табуретку.

Строгий был дедушка и всё по мысли делал. Таких скамеек, например, детям не делал, считал, что нужной вещью не играют. А для дела чего он только не плёл — от полозьев до ступней и лаптей. А материалы для работы нёс из леса. Я запомнила такое его выражение: «Только дурак пустой из леса ходит. Всё нужно брать: ягоды, грибы, коренья, мох, вици, травы. Иначе лес обидится, он всё для человека выращивает!»

Всё делал дедушка для своих, деревенских, бесплатно, из уважения. Но не дай Бог, поругать его работу. Больше не приходи!

Отец

Папа родился в 1896 году, и его называли Сергеем. В детстве он ходил в церковно-приходскую школу, где местный батюшка учил детей Закону Божьему. А к деду приходили друзья на беседки, в карты поиграть. Они посмеивались над маленьким Серёжей:

— Серёжка, батюшка, когда рассказывает про заповеди Господни, называет только десять заповедей. Он одиннадцатую заповедь забывает! Ты батюшке обязательно скажи, чтобы не забывал.

И они научили Серёжу «одиннадцатой заповеди»: «Кто слящит (украдёт), да домой притащит, тот спасён будет!»

Папа на уроке эту «заповедь» и прочитал! Батюшка так рассердился, что выгнал его из класса линейкой. Папа обиделся и больше в школу не ходил.

По причине дедушкиной болезни папу с детства заставляли очень много работать в поле и на огороде, и он возненавидел работу на земле. А к дедушке приходил один мастеровой, столяр. Папа к нему стал захаживать, присматриваться и постепенно начал ему помогать столярничать. И у папы так хорошо всё получалось, как говорится, ничего из рук не выпадало, что этот мужик попросил деда отдать ему папу в ученики, мол, у тебя двое сыновей, а у меня ни одного, некому знания передать. Дед папу отпустил, и тот со временем стал хорошим столяром. Мебель научился делать. Я помню его комод, который у нас в доме стоял. Папу деревенские прозвали Серёжка золотые руки. Он умел не только строгать, но и лудить, паять и делать всё, что ни попросят.

Когда в деревне образовали артель, папа пошёл работать в мастерскую этой артели.

Беседы и гулянки

Вто время молодёжь по вечерам собиралась на беседы в избах, где не было малышей. В дедовском доме тоже собирались на беседки, он уже тогда старенький был и лежал на печи, посматривая на гостей и слушая их разговоры. Мне было тогда пять лет, но я уже умела читать, мама научила по специальным газетам и книгам для малограмотных. Все женщины приходили на беседки с рукоделием: вязали, вышивали, но больше пряли. Женщины часто просили меня почитать вслух. Я читала с удовольствием, а им особенно нравились книги «Дерсу Узала» и «Приключения Робинзона Крузо». Однажды я прочитала им «Анну Каренину». Как ни странно, эта книга им совсем не понравилась: все осуждали Анну за то, что она поступила не по-божески, изменила мужу, а потом, грех-то какой, бросилась под поезд!

Среди парней в то время была мода ходить с тростками с загнутым концом в виде крючка или с зонтом-тросткой. Такими тростками и зонтами было легко обороняться и молодечество показывать. Считалось особым щегольством войти внезапно в избу, где женщины сидели, и тросткой сбить стекло висячей лампы. В темноте молодые женщины и девки визжали, делали вид, что им страшно, а парни лезли обниматься к тем девушкам, которые им нравились. Были парни, что из простого озорства сбивали лампы на беседках. Мой папа всегда их

останавливал. Например, озорника Егора Пахомовского, который только моего папу и слушал.

На гулянках, которые происходили во время престольных праздников на природе, парни и мужики боролись за право считаться самыми сильными. Боролись на трезвую голову. Спиртное у всех забирали ещё на пароме, боролись на другом берегу реки. Гостей тогда с чаркой никто не встречал: ты на гуляночку идёшь — должен быть трезвым! Боролись на кругу. Всё было по-честному, мазать тело жиром запрещалось. Кто победит, кто «круг унесёт», тот считался самым сильным. (На самом деле круг был виртуальный, зрители просто стояли вокруг борющихся, и выражение «унести круг» означало победить). В нашей деревне боролись на Спасов день. Судьями были старики, которые сидели на угore и наблюдали за соревнующимися.

Первая германская

Отец не воинственный был, на гулянках не боролся и никогда не скандалил. Однако и его призвали в армию, когда в 1914 году началась первая германская война. Дед с моим отцом тогда не поладил. Получилось так, что дедушка Михайло устроил папе проводы в армию, а тот на гулянку ушёл, и проводы прошли без него.

Он как бы показал деду неуважение. Дед после надрал его мордяными вицами (самыми крепкими, которые использовали для плетения рыболовной снасти, «морд») и не простили эту обиду до конца жизни.

Но, несмотря на обиду, он пытался облегчить сыну жизнь на войне, понимая, что солдат из него получится никудышный. Михайло дружил с местным батюшкой, был вхож на колокольню и часто подменял пономаря. Батюшка, желая помочь другу, ходатайствовал, чтобы папу взяли на службу к воинскому священнику. В армии имелся бытовой поезд, в котором жил этот священник, и папа оказался у него в услужении. Однако отношения у них не сложились. Был Великий пост, когда святой отец пригласил папу и на ушко ему шепчет:

— Мы сейчас на Украине. Найди мне сала... и девицу!
— Так ведь, пост Великий, отче! — отвечает папа.
— А твоё какое дело? — рассердился батюшка. — Иди-ко ты лучше работать в кузницу, — и прогнал папу.

Отец пошёл в кузницу с удовольствием, там его ждала знакомая и любимая работа.

Отвоевался

Вармии папа подхватил дизентерию, на какой-то станции свалился без памяти и отстал от своих. Подобрал и привёл его в чувство незнакомый старик.

— Оклемался? — спросил он. — Значит, будем лечить. Он дал папе выпить денатурату без закуски. И добавил:
— Либо помрёшь, либо долго жить будешь.
Папа выпил и заснул. Проснулся он на вторые сутки,

и стариk отпустил его догонять свою часть. Он догнал, но оказалось, что сослуживцы его потеряли и, решив, что он погиб, отправили родителям извещение: «Вашего сына Бог прибрал». Инструменты его и вещи расташили, ничего не осталось. Папу, как погибшего, списали, а теперь внезапно воскресшего во избежание всяческой чиновной волокиты, отпустили на все четыре стороны.

«Отвоевался», — с облегчением подумал пapa и пешком отправился с Украины через Санкт-Петербург домой на Вологодчину. (Очень уж ему хотелось в Санкт-Петербурге побывать, а другого такого случая могло не представиться). Так что, домой он не скоро попал.

«Фордзон»

При советской власти отец первый сел на единственный в деревне трактор «Фордзон», потому что лучше всех в деревне понимал толк в технике. Дед был сильно настроен против трактора, он считал, что всё механическое портит землю. Когда пapa в первый раз выезжал пахать на «Фордзоне», дед велел бабушке лечь поперёк дороги и не пускать его. Отец поднял бабушку, она маленькая ростом была и худенькая, посадил на колени и повёз в поле. Бабушка для виду сопротивлялась и кричала, но потом хвасталась, что она первая из баб по деревне на тракторе проехала.

«Окулачивание» в Лаврове

После того, как государство отменило НЭП (новую экономическую политику), оно разделило

деревенское население на кулаков и твёрдозаданцев. В кулаки определили богатых мужиков, которые использовали наёмный труд. Батраков в деревне почему-то «казаками» называли. Твёрдозаданцами считались зажиточные мужики, которые работали на своей земле вместе с семьями и выполняли твёрдое задание по сдаче государству сельскохозяйственной продукции.

Вскоре сельсовет передал лавровцам от городскихластей (из города Великого Устюга) разнарядку — раскулачить, или, как тогда говорили, окулачить несколько богатых крестьян.

Лавровские мужики собрались, подумали, и в своей деревне кулаков не нашли. Хотя все лавровцы были зажиточные, но ни одна семья наёмным трудом не пользовалась. Так что нужно было или всех окулачивать», или никого.

Наша небольшая деревня стояла на острове посреди реки Юг в окружении государственных лесов. Рубить лес не разрешалось, а пахотной земли и пастбищ на острове не было, поэтому держали по одной корове, по лошади, редко пару коз да кур. Наши мужики зарабатывали в основном ремёслами, на государственных лесозаготовках и осенью на сплаве. Сельсовет также давал нам задание следить во время сплава, чтобы молевой лес не оставался на берегах. Мы должны были сталкивать вынесенные водой брёвна обратно в реку. В Лаврове с самого раннего детства все умели плавать, поэтому на нас возлагалась ещё помочь утопающим, на сплаве тонули часто.

Так вот, мы ответили сельсовету, что кулаков у нас нет! Раскулачивание и ссылка обычно сопровождались

арестом кулацкого имущества и его распродажей. Сельсовет видел, что в Лаврове есть чем поживиться, и одного мужика, не помню, как его звали, самого работящего и справного, всё-таки забрали и лишили имущества. Дело было так: из города ночью приехали на телеге милиционеры, пешком вывели за деревню хозяина, хозяйку и двоих племянников, которые оказались у них дома, а там посадили на телегу и увезли. Долгое время мы о них ничего не слышали. Арестованных-то милиционеры увезли, а охрану возле дома не оставили. Рано утром собрался деревенский сход, на котором решили писать письмо с просьбой, чтобы эту семью вернули обратно, как ни в чём неповинную. Долго думали, кого просить о помощи, и постановили обратиться к М.И. Калинину, «всесоюзному старосте», очень он был популярен среди крестьян. В письме рассказали, что того мужика арестовали неправильно, не по закону, и все подписались. Мой дедушка, Михайло, сплёл две пары лаптей для выбранного старика-ходатая, всем миром собрали денег и строго наказали ему в северном kraю письмо не отправлять, чтобы не перехватили. Старик собрался и ушёл, больше я про него ничего не знаю.

А с имуществом раскулаченного мужика поступили так: корову, лошадь, кур и корма для них передали нуждающимся людям с условием, что, когда мужик вернётся, ему всё отадут обратно. Одежду и утварь собрали в узлы и распределили по домам на хранение, а вокруг деревни выставили караулы. Пусть власти придут торговать имуществом, а чтобы покупатели, если такие найдутся, не прошли! Да и продавать уже нечего было, соседи даже кошку и собаку прибрали.

Распродажа не состоялась!

Прошло полгода. Я, хоть и маленькая была, а запомнила, как весной к нашему берегу пристал пароход (по реке пароходы ходили только весной в водополье), и на нём прибыл человек, одетый по-городскому. Все собрались около него, узнали раскулаченного, а он встал перед односельчанами на колени, поклонился на четыре стороны и благодарил за спасение. Деревня говорит ему:

— Возьми своё имущество назад, мы его сохранили.

Но он взял только корову, поросёнка, несколько кур и кое-что из одежды, а всё остальное отдал односельчанам. Соседи помогли забить поросёнка и сделать в кадках солонину. Мужик потом договорился с капитаном грузового судна и увёз корову и мясо в Архангельск. Дом оставил деревне, а самое дорогое, инструменты, он подарил моему отцу, как лучшему мастеру. Отец несколько лет возил ему за это гостинцы, отдавался мёдом и маслом, ничего другого тот не взял бы.

Именно отец случайно встретил этого мужика зимой в Архангельске и рассказал, как деревня встала на его защиту, как охраняла его добро. И тогда мужик поведал отцу удивительную историю своего спасения.

В ночь ареста его вместе с семьёй привезли на Пинюг, оттуда поездом отправили в лагерь на Пуксе, в Архангельской волости. На Пуксе их объявили кулаками и поставили на лесозаготовки. Жили они в лагерных бараках. Но и там он быстро завоевал среди лагерников и начальства авторитет самого умелого и работящего человека. Наверное, он и в лагере бы не пропал, но однажды утром при разводе ему велели остаться. К нему подошёл начальник и сказал:

— Тебя отпускают по распоряжению товарища Калинина. Он получил письмо от жителей твоей деревни. Извини, получается вас окулачили по ошибке. Вот вам деньги, езжайте домой.

Единственно о чём предупредили мужика, чтобы он убрался быстро, пока все на работе.

Не надеясь на спокойную жизнь в Лаврове, всей семьёй решили ехать в Архангельск, где их никто не знал, и можно было найти работу. В Архангельске поселились в СоломбALE и, как люди работающие, быстро устроились на лесозавод.

Больше никого в Лаврове не кулачили. Но было сказано: о том, что ту семью освободили и что мужик с деревней связь поддерживает, не болтать!

Мужик этот никогда не забывал о том, что деревня его спасла, и до конца жизни служил своим односельчанам, помогал находить и делать из металломолома запчасти к тракторам, сеялкам, веялкам и другой технике. В деревне запчасти негде было взять, да и в городе с этим были большие трудности.

Ликбез в Лаврове

В 1930 году государство поставило перед партией и правительством задачу — в кратчайшие сроки преодолеть неграмотность взрослых людей, научить их читать и писать. Моей маме, Клавдии Усачёвой, как грамотной женщине, поручили помочь учительнице, Антонине Владимировне, организовать работу по ликвидации безграмотности в Лаврове, тем более что наглядные пособия для учёбы находил и делал мой отец.

Антонина Владимировна, видя, как у моих родителей всё хорошо получается, доверила обучение неграмотных маме. У маминого двоюродного брата была свободная изба, её приспособили под учебный класс. Папа сделал доску для маминых учеников, какой даже в школе не было: небольшую, ладную, полтора метра на полтора. Всем учащимся он привёз из города грифельные доски и грифели. Писать на таких досках было очень удобно: в любой момент можно стереть написанное и начать заново. Он также привёз макеты часов, а макеты термометров сделал сам. Так что мама не только писать и читать учила, но и пользоваться часами и термометрами.

К маме на учёбу ходили в основном женщины. Среди них была жена председателя колхоза Вириния — молодая, красивая, но неграмотная. По отношению к маме она вела себя высокомерно. На уроках смеялась над всеми остальными и учиться не желала. Мама пожаловалась бригадиру Прокопию:

— Проня, Вирка мне только мешает, пусть лучше на уроки не ходит.

— Не волнуйся, я сделаю так, что Вирка будет у тебя лучшей ученицей. Поставь у дверей в класс небольшой столик и лампу. Я приду и сяду с Виркой лясы точить, но тихо, мешать тебе не будем.

На следующий день, как договорились, Прокопий пришёл в класс и сел у дверей, рядом с Виркой. Поговорил с ней о чём-то, взял листок и что-то пишет крупными буквами, а Вирка смотрит и каждую линию у него старательно в свою тетрадку переписывает.

После уроков все разошлись.

На следующий день Прокопий зашёл к нам домой и говорит:

— Сегодня снова приду на занятия, посмотрим, как Вириния явится и, что будет делать.

Мама пришла на урок пораньше, смотрит, а Вирка уже в классе, сидит рядом с её столом, и букварь принесла. Буквари тогда были редкостью. Увидела маму, побежала за дровами и печку затопила. Пришёл Прокопий, Вирка его увидала и кулак ему показывает. А он схохотал и ушёл.

Вечером Прокопий снова зашёл к нам и рассказал, как ему удалось Вирку исправить.

Виркин муж, Николай Александрович, пришёл с работы, поужинал, выпил чаю и сел на пол покурить. Спиной прислонился к лавке, одна нога согнута в колене, а другая вытянута, рука с папиросой опирается на колено. У нас почему-то все мужики после чаю и еды курили в такой позе, где они этому научились и, что это им давало, не знаю, но факт тот, что вся деревня курила именно так.

Вирка тут к нему и приступила:

— Коля, я уже всему научилась, и читать, и писать, больше в школу не пойду.

Он посмотрел на жену и говорит:

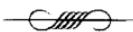
— Дай-ка мне твою тетрадку посмотреть.

Посмотрел, почитал и снова к ней обращается:

— Это ты сама написала, и всё, что здесь написано, правда?

— Да, да, — кивает Вирка.

Николай Александрович, не говоря ни слова, снял с себя ремень, Виркину голову, несмотря на сопротивление и крики, зажал между колен, загнул

ей подол и ну её по голому заду хлестать! Выдral хорошенъко и спрашивает:

— Кто тебя научил писать, то, что в тетради?

— Проня научил, — всхлипывает Вириния.

Тогда муж прочёл ей вслух: «Я не учиться хожу, а вредничать, только людей смешу и меня пора по голой заднице надрать ремнём».

— Как просила, так я и сделал, — усмехнулся Николай Александрович. — Учись и впредь меня перед людьми не позорь.

Так мама получила хорошую ученицу.

Хитрой Васька

Однажды к нам в деревню прислали командировочного из района. И такой этот командировочный занудливый оказался, что бригадир решил его поскорее домой отправить.

— Есть возможность уехать обратно в Кич. Городок сегодня вечером, — сказал он. — У нас и лошади хорошие есть. И ехать-то всего тридцать два километра, за три часа можно управиться. Я с вами Клавдию Усачёву пошлю, у неё муж сейчас в Кич. Городке работает, заодно и проведает его.

А мама только тесто на пироги затворила и никуда не собиралась, для неё это поручение было полной неожиданностью.

Бригадир говорит:

— Увези его ради Христа, шибко нудный он, пристал ко мне, как репей к заднице, то ему не так и это не этак!

— А занятия? У меня же сегодня урок по ликбезу!

— Сосед Васька проведёт занятие. Покажи ему, какие буквы писать и задачку напиши.

Делать нечего, бригадира не слушаешься. Повезла мама командировочного в Кич. Городок.

А среди маминых учениц была одна женщина по имени Мария, которая ещё очень мало знала и читать не умела совсем, но мечтала научиться. Она зашла к матери Васьки и говорит:

— Я уж семь букв выучила, скоро смогу дочке написать и от неё письмо сама прочесть.

Васька тут же был и говорит ей:

— Хочешь, я тебе ещё три буквы покажу?

— Хочу!

— Ну, вот возьми бумагу и карандашик. Рисуй прямую линию сверху вниз. Так, теперь перечеркни её второй линией наискосок. Это одна буква. Вторую букву пиши так же, как первую, но косую линию пиши не до конца, а только до прямой линии. Третья буква похожа на ворота — нарисуй две прямые линии и соедини их линией наискосок, а сверху над буквой нарисуй хвостик.

Мария старательно вывела все три буквы.

А Васька ей говорит:

— Научись эти буквы без задержки писать, и мужу покажи.

Женщина всю страницу этими буквами исписала. Пришла домой и мужу показывает:

— Я тут три новые буквы выучила, только Васька не успел сказать, как они читаются.

Муж засмеялся и вслух прочитал. Мария на мужа обиделась, ушла на печь спать, и ночью к нему не сошла.

Мама вернулась на следующий день, встретила Марию, а та ей показала тетрадку и жалуется:

— Васька хитрой, экое безобразие научил писать, а вслух не прочёл. Перед мужем опозорил.

Бабы услышали этот разговор и сбежались посмотреть на Марыны каракули. Посмеялись, и давай их тоже писать кто где. Кто на земле вицей, кто на зерне, в гумне. И всех Мария этим буквам научила. Смех и грех! Что худоё — дак быстрее всего запоминается.

Результаты ликвидации безграмотности в Лаврове

По весне стали проверять, как прошла ликвидация безграмотности в Кич.-Городецких деревнях. Там, где работали учителя, многие читать и писать так и не научились. Видно, учителя работой с детьми были сильно загружены. Проверять мамину работу приехала комиссия из Великого Устюга. Комиссия пришла к нам домой. Бабушка ужин приготовила и чай поставила. Пригласили также всех учениц и устроили экзамен. Раздали им книги и газеты. Кто бойко читает, кто похуже, но умеют все. Писать и считать все умеют, на часах время показывать и даже пользоваться термометром. Признали маму лучшей учительницей по району и премировали сотней рублей, а это тогда большие деньги были.

Мама собрала всех учениц и говорит:

— Нас премировали за хорошую учёбу, дали сто рублей, давайте думать, как ими распорядиться.

— Так ведь это тебя премировали, Клавдия, тебе и деньги причитаются, — отвечают ученицы.

— Не мне, а нам. Потому что без вас, кого бы я учила? Вы молодцы, старались и лучше всех в районе себя показали.

В общем, решили на эти деньги купить конфет, пряников, баранок и раздать в семьях учениц, каждому члену семьи, детям и взрослым. Взрослым, потому что на учёбу отпускали, а детям — само собой, на то они и дети! А что останется — разделить между ученицами и мамой.

Маму после ликбеза в Лаврове очень уважали и с тех пор величали по имени и отчеству. Это притом, что у нас принято было называть женщин по своему имени и по имени мужа, например, Мария Яшиха, или Павла Петиха.

Как Нина агитатором была

Это было в начале Великой Отечественной войны. В пятнадцать лет Нина мечтала стать капитаном речного судна и поступила учиться в Великоустюгское речное училище, где готовили капитанов. Она хорошо училась, и ей дали общественное поручение — агитировать за советскую власть и за победу над фашистами. Дали адреса трёх домов и сказали, что она должна ходить туда и агитировать.

После учёбы Нина пришла в один из этих домов, а там маленькие дети одни сидят, голодные и холодные, мать на работе, отец на фронте. Она истопила печь, вымыла полы, сварила ребятишкам по две картофелины, умыла и накормила их, уложила спать и ушла в общежитие, оставив записку: была такая-то, агитатор.

На следующий день пришла туда снова и нашла записку от матери семейства: «Спасибо тебе, девочка, за помошь. Что же ты себе картошки не сварила? Поешь, милая. Ещё раз спасибо».

Нина отчиталась в агитационной работе в комсомольской ячейке училища. Больше её агитировать не посыпали. А зря: такая агитация самая убедительная.

ГЛАВА VII

Верховажье и Верховажский район

Долго я не могла попасть в Верховажье, заглянуть в заповедные уголки Верховажского района, насмотреться на красоту этого края. Поклониться зелёным холмам, лесу, цветущим лугам, приветливо кивающим головками ромашек и колокольчиков, восхититься стоящими, как на посту, фиолетовыми свечками люпинов. Полюбоваться неспешными реками Вагой и Пежмой. Послушать рассказы о старом и новом житье.

Так случилось, что в мае 2013 года меня пригласили участвовать в V Игнатиевских чтениях, посвящённых святителю Игнатию Брянчанинову, родовое гнездо семьи которого находится в Грязовецком районе. Чтения устраивали в Грязовце местные музейщики и библиотекари. Там я во второй раз в жизни встретилась с библиографом Ольгой Андреевой, моей однофамилицей. Мы разговорились, и она пригласила меня в Верховажье, на свою родину, где живут её мама и сестра. Через пару недель Ольга заехала за мной на машине, и мы отправились в путь, радуясь предстоящим встречам, она — с родными, я — с прекрасным селом и его жителями.

И вот мы уже близко, уже видим Верховажье, вольно раскинувшееся на берегах Ваги и отороченное по краю, словно зелёным кружевом, соснами. Есть что-то сказочное в наших северных и северо-восточных районах, поэтому каждый раз ждёшь от них необыкновенных встреч и чудесных приключений. И на этот раз мои ожидания оправдались.

Я остановилась у Ольгиной мамы Надежды Павловны, ещё молодой и полной сил женщины. Первый вечер мы провели вместе. В гости пожаловали родственницы Надежды Павловны — Валентина Николаевна и её взрослая дочь Ирина. Послушав мои рассказы, они порадовали меня своими историями.

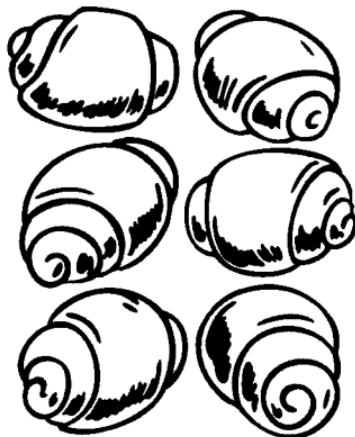
Тетерьки по-верховажски

В 1966–1967 годах в Верховажских деревнях жили небогато, впрочем, как и во всей Вологодской области.

— Я в то время самым вкусным блюдом считала тетерьки, — говорит Надежда Павловна. — Мама делала их так: заваривала в русской печке муку в подсолёной воде, получалось крутое варёное тесто. Мы доставали его ложкой из горшка, обваливали в толокне, а затем обмакивали в растопленное домашнее масло и ели.

В словаре Владимира Даля есть слово «тетерка». Он писал, что в вологодском диалекте тетерками называли яичную (ячневую) лепёшку, ватрушку и шаньгу. Нет сомнения, что верховажская тетерька — родственница слова «тетерка».

Я слушала Надежду Павловну и жалела, что не только диалектные слова, но и стоящие за ними понятия и

предметы исчезают из нашей жизни. А что остаётся? «Птичий язык», суржик, состоящий из простейших слов, примерно таких, которые в начале прошлого века употребляла в речи знаменитая Эллочка-людоедка, иностранных слов, принесённых мутной волной зарубежных второсортных товаров, американского кино, поп-литературы и поп-музыки; искусственных словуродцев, вылезающих из щелей чатов, компьютерных сетей, а также ненормативной лексики. Но я — оптимистка! Не умер же великий русский язык до сих пор. И даже в последние два года по статистике читать написанные на нём книги стали больше, особенно русскую классику, а книжные ярмарки в Москве всё так же полны народа. Так что будем надеяться...

Язык мой — враг мой

Всемидесятых годах, после того как колхозникам стали платить пенсию, в деревню повезли разные продукты. Однажды я купила пачку печенья. Мы эту редкость экономили, ели по штучке. Как-то раз ко мне в гости зашла подруга. Я пригласила её попить чаю с печеньем. Она угостилась, и тогда я сказала ей:

— А мы, чтобы вкуснее было, заливаем печеньюшку тёплым молоком и, когда она размякнет, едим ложкой!

Подруга попробовала и пришла в восторг. Она положила в тарелку с молоком одну печеньюшку, другую, потом ещё и... за разговорами съела всю пачку.

Вечно человека язы́к подводит. Ну кто меня просил рассказывать, как мы печенье едим?

Изработалась...

ВНадежды Павловны была красивая, но слепая от рождения бабушка. Родители выдали её в двадцать четыре года замуж за сорокалетнего мужчину. Поначалу она плакала, но потом привыкла. Муж оказался добрым человеком, много работать не заставлял, и за всю жизнь она слова плохого от него не слышала. Бабушка, несмотря на слепоту, сиднем не сидела, обряжалась (работала) в хлеву, кормила птицу и по дому всё сама делала. При советской власти дед стал председателем колхоза.

В старости бабушка осталась одна, дед умер. Сидит, бывало, на сундуке, смотрит в пространство, а сундук рукой оглаживает, там деньги лежат и приданое.

Заходит как-то к ней соседка поболтать. Бабушка ей рассказывает:

— Я так раньше робила, так робила, не то, что вы нынешние.

А соседка отвечает:

— Ты-то вся изработалась, вся изломалась под председателем-то!

Бабушкины сказки

Мы ещё маленькие были, когда бабушка постарела. Бывало, просим её сказку «Мальчик-с-пальчик» рассказать. Она сядет на лавку, мы — на полатях, и начинает:

— Пошёл Мальчик-с-пальчик и... Хр-р-р, — заснёт.

Мы разбудим, она опять начинает:

— Пошёл Мальчик-с-пальчик в лес и пошёл, и пошёл...
Хр-р-р... — снова засыпает.

И так каждый раз. Так что чем эта сказка закончилась, мы узнали только, когда сами читать выучились.

Проводы

Миша провожал сестру Любу, которая приезжала в Верховажье из Ленинграда на неделю и теперь отправлялась обратно домой. Брат и сестра стояли в Вологодском аэропорту недалеко от выхода на лётную полосу и разговаривали. Люба время от времени поглядывала на подготовленный к отправке самолёт, боясь пропустить посадку, а Миша всё рассказывал ей о себе. В детстве они были не разлей вода, и Мише очень её не хватало в теперешней жизни. Увлёкшись, он забыл обо всём и в какой-то момент Люба поддалась его настроению и отвлеклась от мыслей о лётном поле и о самолёте. Через некоторое время Миша глянул на небо и заметил:

— Смотри, какой-то самолёт летит! — и сразу понял, что это Любин самолёт. Он очень расстроился, и начал утешать сестру.

— Ладно, поехали на вокзал, — сказала Люба, — только ты меня больше не провожай, я как-нибудь сама уеду.

Баламут

Виши был друг-лётчик, Сашка, который летал на внутренних областных авиалиниях, на кукурузнике.

Сейчас его назвали бы «безбашенным», а тогда считали просто баламутом.

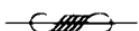
Как-то раз в сентябре, когда верховажане, пенсионеры и школьники, дружно копали картошку, Сашка на своём кукурузнике подлетел к селу. В этот момент бабушке Вале захотелось в туалет по малой нужде, и она отошла в уголок картофельного поля. Ни леса, ни кустов поблизости не было, и она решила справить свои дела в дудке (так в Верховажье называют высокую картофельную ботву). В тот момент, когда баба Валя сняла панталоны, низко над полем с воем и грохотом пролетел Сашкин самолёт, развернулся и на бреющем полёте прошёл по второму кругу. Баба Валя, которая во время войны служила в армии и была пулемётчицей, решила, что снова начались боевые действия, и автоматически бросилась на землю, не успев прикрыть голый зад. Вслед за ней остальные пенсионеры, все как один, полегли в картошку. А баламут Сашка в насмешку ещё и крыльями им помахал.

Односельчане над бабой Валей долго посмеивались, обсуждали, как оригинально она пыталась врага отпугнуть.

А Сашку за то, что переполошил всё село, с самолёта на некоторое время сняли.

Рогачиха

Первым делом мы с Ольгой посетили деревню Рогачиху. Правда, от деревни осталось всего несколько домов, в которых живут четыре местных старушки да две московские семьи, которые занесло сюда пере-

строечным ветром перемен. Приезжий человек, Владимир Владимирович Жигалов, выкупил у потомков бывшего владельца огромный двухэтажный старинный дом, построенный купцом Василием Мехаевым ещё в 1850 году! Сам этот дом — архитектурное чудо, ошеломляющее каждого, кто видит его в первый раз. Он уникален и потому, что купец построил его сам, не имея специального образования, и потому, что каждое бревно, каждая доска были выверены, подогнаны в нём так, что всё строение в целом удивительно гармонично, строго и приспособлено для удобной и счастливой жизни его владельцев. Удивительно и то, что дом внешне не похож на избу. Брёвна, из которых он сложен, тёсаные, этажи высокие, а окна покрашены голубой краской и обведены яркой охрой. По боку на первом этаже расположено пять окон, широкое резное крыльцо, и вход в помещение, где держали скотину. На втором этаже я насчитала семь окон. Передние пять окон смотрят на проходившую здесь когда-то улицу. По периметру под крышей пущена узкая полоска голубой деревянной резьбы, которая придаёт строению законченный вид. Василий Мехаев строил этот дом для себя и четырёх своих сыновей. В доме пять двоен (двухкомнатных изб), каждому сыну и его семье по автономной избе с отдельным входом, ведущим из общего большого коридора, в котором хранились дрова и откуда двери вели в хозяйственные отделения. Каждая двойня включает в себя вместительную комнату с аккуратной русской печью и полатями, большим столом и лавками, а также горницу, в которой стоит большая кровать на двоих, есть место для зыбки и куда боком выходит

печь с лежанкой. В первой комнате обычно жили дети и старики, а горница предназначалась для родителей и последнего маленького ребёнка. Удивительно, что в каждой двойне стоит своя русская печь, но дымоход у них один, исправно работающий до сих пор. Раньше в русском доме вся жизнь вращалась вокруг печки, которая обогревала и кормила. В подпечнике (небольшом пространстве внизу передней части печки) зимой жила курочка, которая весной воспроизвела куриный род, садилась на яйца и «выпаривала» цыплят. Слева от печки стоял двухведёрный самовар, его разогревали углами из печи, и в нём всегда была горячая вода. Пространство за печкой слева называлось «запечье», там зимой стоял телёнок. В двойнях всё сделано не только практично, удобно, но и красиво.

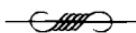
В доме сохранилась старинная утварь и одежда. Сзади к нему пристроено помещение с земляным полом, о назначении которого можно только догадываться. Сложено оно из камней, которые попали в эту местность ещё в ледниковый период. Их собирали на полях вокруг деревни. Это помещение очень напоминает такие же постройки в Ирландии и Скандинавии. Внутри него холодно, там могла быть кладовая. А следы отверстий в толстых стенах, говорят о том, что здесь была решётка, за которой могли держать крупного зверя, скорее всего медведя. Деревня стоит среди лесов, и владельцы дома наверняка были охотниками. Эта пристройка называется «сила».

Умели строить наши деды и прадеды! Весь дом просторный, удобный, сделан с такой любовью к тем, кто в нём жил, что невольно сравниваешь его со своим

жилищем и, к сожалению, не пользу последнего. Стоит ли удивляться, что Владимир Жигалов влюбился в этот дом, как только увидел его, и захотел владеть им, и сохранить для потомства. Конечно, он получил его не в лучшем виде, о чём скромно умалчивает, и вложил в него не только деньги и силы, но и всю душу любящего свою Родину человека, выражающего патриотизм не словами, а огромной, ежедневной и ежечасной работой. Чтобы содержать такой дом, нужны немалые средства, и Владимир сделал его музеем под открытым небом, завёл натуральное хозяйство с коровами, курами, гусями и пасекой. Он, его жена Ирина и их дети носят русскую национальную одежду, которая смотрится на них органично, видно, что они ходят в ней всегда, а не рядятся перед гостями. Когда мы с Ольгой и её родными приехали в Рогачиху, Владимир был занят и сразу сказал, что не сможет уделить нам много времени. Но когда он увидел наши горящие глаза и по разговору понял, что мы понимаем его, и для нас это не просто экскурсия, а трепетное соприкосновение со своим прошлым, он забыл о делах, о времени и говорил, говорил...

Слушая рассказ Владимира, я думала о том, как разумно жили русские люди в прошлом, какими глубокими знаниями и практическими навыками обладали, и как жаль, что почти все они утрачены ныне.

Потом пришла хозяйка, Ирина, статная, белокурая русская красавица. Она угостила нас только что испечёнными в печи блинами и поила чаем с мёдом, а мы не могли расстаться с её мужем и с ней, так нам было хорошо вместе.

Дом

Владимир рассказал нам, как попал в Рогачиху. Он давно мечтал купить дом в деревне и объехал несколько северных областей, где ещё сохранились старинные постройки. Но нигде не дрогнуло сердце, не пожелало остаться навсегда.

Побывав в Верховажье, он и здесь ничего не нашёл и уже собрался было уезжать, когда ему подсказали заглянуть в деревню Рогачиху и посмотреть старый заброшенный дом. Он заехал и сразу понял, что нашёл то, о чём мечтал.

Владимиру рассказали, что раньше в доме стоял хозяйствский кованый сундук с вещами и всеми документами, необходимыми для его продажи. Владимир два года искал этот сундук в деревне и в районном центре и наконец, когда уже совсем отчаялся, нашёл его у старушки в Верховажье, которая когда-то была замужем за последним мужчиной из рода Мехаевых. В сундуке оказались и старые документы Василия Мехаева: его завещание сыновьям, составленное по всем правилам местным писарем и заверенное в губернском городе Вологде. Сейчас это завещание украшает одну из двоен.

— Представляете, — сказал Владимир предательски дрогнувшим голосом, — дом ждал меня. Он как будто знал, что я буду любить его и сделаю всё, чтобы он начал новую жизнь и радовал людей. Не может, не должна пропадать такая красота — чудо, сотворённое руками талантливого русского человека.

Деревянная лопата

В одной из двоен Владимир показал нам прислонённую к печке большую деревянную лопату, вытесанную из цельного куска дерева.

— Кто отгадает, что делали этой лопатой, кроме того, что клали дрова, ставили в печь и доставали хлебы? — спросил Владимир.

Никто не угадал, и он продолжил:

— В старину рожали дома, повитуха брала только что рождённого младенца, обмывала его в полутёмной комнате у печи тёплой водой, свивала (заворачивала) в кусок белёной льняной ткани, укладывала на лопату и на десять, пятнадцать минут отправляла в заранее протопленную и очищенную от угольев русскую печь. Там, в тепле и темноте, младенец чувствовал себя как в материнской утробе, он открывал глаза и постепенно привыкал к тому, что вышел в новый мир, где ему предстояло жить отдельно от матери. Он не испытывал того шока, который сейчас испытывают младенцы после родов, когда их сразу ослепляет яркий свет, материнское тепло резко сменяет холод и первый глоток воздуха сопряжён у него с безумным страхом.

Владимир любовно поставил лопату у печки и добавил:

— Рассказывают, что в каждой деревне был свой дурачок, слабоумный человек, которого называли недопёком и говорили о нём, что его после рождения не додержали (не допекли) в печи.

«Прялица»

Ещё в Вологде Ольга сказала, что со мной хотят встретиться женщины из фольклорно-этнографического коллектива «Прялица», которые живут в посёлке Пежма Верховажского района. Я с радостью согласилась, думая, что мы соберёмся узким кругом в местном клубе, и они расскажут мне о себе. Встреча превзошла мои самые смелые ожидания.

Ансамбль «Прялица» в 2014 году будет отмечать тридцатилетний юбилей творческой деятельности. Он состоит из двенадцати женщин разных возрастов, большей частью довольно пожилых пенсионерок, которые удивительно напомнили мне Бурановских бабушек, только были ещё лучше потому, что из них ещё не догадались сделать коммерческий проект.

Руководитель и вдохновитель коллектива – Нина Васильевна Кащинцева. Эта маленькая пожилая женщина излучает свет и добро и в тоже время обладает сильным характером талантливого организатора и энтузиаста своего дела. Нина Васильевна и её артистки встретили меня в аутентичных национальных костюмах старинными песнями и плясками и угостили по-русски хлебосольно, от всей души. Я была так растрогана этим приёмом, лаской и вниманием, что готова была слушать и смотреть на них бесконечно. Не знаю, что они от меня ждали, но мои рассказы слушали очень внимательно и всячески выражали одобрение. А после чаепития Нина Васильевна одарила меня буклетом и книжечкой старинных песен

и частушек, которые собрала за многие годы работы в Пежме.

За обильным современным столом мы, как ни странно, вспоминали голодные послевоенные годы.

Корочка хлеба

Во время войны и в первые послевоенные годы мы жили очень голодно. Вместо хлеба ели колобки из мороженой картошки и головок клевера. Особенно страдали от голода зимой. В 1946-1947 годах маме на работе раз в месяц выдавали немного хлеба. Она приносила его домой и старалась растянуть на долгое время. Нам, детям, мама сразу давала по корочке. До сих пор лучшего лакомства, чем корочка хлеба, для меня нет.

Горец птичий

Внаших краях растёт травка — горец птичий, его в Верховажье раньше называли тоустосерей. Вот из этой-то тоустосери мама в голодные годы пекла лепёшки.

Клевер

Класал от голода клевер, но его ещё добыть надо было. Обильнее всего он рос на колхозных лугах, где косили траву на сено. Там собирать клевер строго запрещали. Однажды мы с подружками, четыре

девчушки семи-восьми лет, в лесу на опушках собирали в корзинки клевер и не заметили, как забрели на колхозный луг.

— Знаете, как выглядит ребёнок, распухший от голода? — вспоминает самая старшая участница ансамбля Наталья.

— Ручки-ножки у него тонкие, как палочки, обтянутые кожей, а впереди торчит распухший от голода живот. Так и мы выглядели в то время. Мы шли по лугу, когда на беду нам встретился бригадир, обругал последними словами, клевер высыпал и корзинки наши растоптал. Мы плакали от горя и бессилия, но и бригадира понимали, он головой отвечал за каждую травину.

Обман

Дело было во время войны. Председатель колхоза собрал животноводов на собрание. Мама была членом ревизионной комиссии и должна была присутствовать обязательно. Меня пятилетнюю взяла с собой. На собрании было ещё семнадцать детей мал мала меньше. На первых рядах сидели женщины-животноводы, а в середине зала — бабушки. Я сидела рядом со своей бабушкой.

Она говорит мне:

— Спой песенку про колхозников-ударников.

Я боюсь петь, маленькая ещё, народу кругом много, а она мне:

— Спой, я тебе за это завтра булочку испеку.

Мне очень хотелось булочку, хотя я не знала, что это такое, и я тонким голоском запела:

Вы колхозники-ударники
Зарезали быка,
Бригадиру дали уши,
Председателю рога.
Животноводу дали кожу:
Закрывай бесстыдну рожу!

Бригадир животноводов был вороватый и его очень не любили в деревне.

Я пою, а все слушают, и председатель с бригадиром слушают. Спела, в зале тишина, муха пролетит — слышно! Председатель грозно спрашивает:

— Чей это ребёнок пел? Кто научил?

Бабки зашумели, стали просить, чтобы детей из зала вывели. Всех вывели, а меня среди старушек не заметили, меня бабушка фартуком накрыла. Однако булочку она так и не испекла, обманула меня.

Сила воображения

Моя тётя Маша жила на Дальнем Востоке. А мы с бабушкой жили в Пежме, добираться до нас долго и неудобно. Однажды летом бабушка получила телеграмму о том, что тётя с мужем приезжают погостить. Бабушка отправилась их встречать пешком.

Местность у нас в Верховажском районе холмистая. Пришла бабушка на гору, смотрит, никого не видно. Спустилась до полугоры и увидела мою тётя с мужем. От волнения села в траву, ноги подкосились. Когда они подошли ближе, она и говорит:

— Я так обрадовалась, что ноги не идут!

А зять ей предлагает:

— А вы садитесь, бабушка, ко мне на закорки, я вас донесу.

Бабушка представила, как он её по деревне на закорках несёт. Деревенские тут же подумают: «Зять только приехал, а тёща уже ему на шею села». От этих мыслей ноги сразу заработали, и она отправилась в деревню на своих двоих.

Детская интуиция

Этого зятя все в деревне хвалили, такой он был вежливый и услужливый. На людях всем хорош был зять, жену Машенькой называл, а дома Машкой кликал. Мне тогда пять лет было, но я понимала его хитрую натуру и как-то раз сказала:

— Ну, дядя Саша, ты и трутень! (Трутнем у нас называют маленькую скользкую рыбку).

Он меня спрашивает:

— Кто такой трутень?

Мне неловко стало, я и отвечаю:

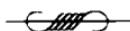
— Трутень — это самая лучшая рыба.

Дядя был очень доволен моей оценкой и, видно, похвастался бабушке.

Бабушка мне говорит:

— С чего это ты его трутнем назвала?

— Потому что он скользкий, при всех хорош, а по-за глаза про людей худоё говорит.

Своя примета

Летом в деревне маленькие ребятишки играли на улице. На дороге валялся чей-то детский валенок. Бабушка нашла его и спрашивает детей:

— Не ваш валенок?

Подошёл пятилетний Коля, посмотрел и ответил:

— Моя дыра-то!

Скандал

Две соседки разругались у калитки, рядом с которой кто-то наделал кучу.

Соседка Павловна кричит соседке Ивановне:

— Твои робята наделали?

— Нет, не мои!

— По г.... вижу, что твоего Веньки!

Ивановна ни за что не согласилась. Ругались, ругались и совсем рассорились.

Определение качества жизни в деревне

Про богато живущего человека в сороковых годах двадцатого века в деревне говорили:

— Живёт, как уполномоченный по займу!

ЦТНК

На другой день мы с Олей заглянули в Верховажский центр традиционной народной культуры. Заглянули

не вовремя, в Центре проводили плановый ремонт, и разговаривать с нами было некому и некогда. Однако мне запомнилась встреча с Александром Васильевичем Дубовым, организатором традиционных народных праздников, автором методических пособий по организации этих праздников и руководителем мужского фольклорного ансамбля «Вагане», известного в нашей области и за её пределами.

Александр Васильевич — штучный человек, такие не в каждом районе есть. Я его могу сравнить разве что с Олегом Николаевичем Коншиным из села Пожарище Нюксенского района. Он такой же неугомонный, влюблённый в свой родной край и в своё дело — сбор фольклора и сохранение местных традиций и обычаяев. Благодаря Александру Васильевичу, в Верховажье отношение к народной культуре на высоте. За годы работы в ЦТНК он приучил население района к тому, что народные праздники — это не шоу, не спектакли для зрителей, а истинно народные гулянья, в которых все присутствующие принимают участие. Кто-то печёт прямо на улице блины, кто-то делает для детей горку или качели. Люди устраивают праздник для себя и принимают в нём участие. Взрослые и дети — все веселятся, играют в традиционные игры, пляшут и поют так, как это бывало в старину.

Однако мне он поведал невесёлую историю о том, как одним махом можно разрушить традицию, испортить народный праздник, если подходить к делу бездумно, формально, не вкладывая в него душу. Однажды его коллектив пригласили в соседний регион провести осенний праздник урожая. Весь коллектив с большим

подъёмом готовился и в назначенный срок отправился в гости, намереваясь порадовать людей всех возрастов, особенно старииков и детей, которым, как правило, уделяется на таких мероприятиях недостаточно внимания.

Когда коллектив Александра Васильевича в народных костюмах с песнями, частушками и плясками вошёл в деревню, их встретили радостные лица бабушек и ребятишек. Однако устроители праздника отвели гостей в пустое скошенное поле, где посередине стоял насухе сколоченный помост, и им пришлось выступать перед равнодушной молодёжью, которая лениво смотрела на представление залитыми пивом глазами. Александр Васильевич рассказывал об этом с горечью, ведь труд его и коллектива пропал даром и никому не принёс радости. Вроде бы и намерения устроителей были благие, а вместо праздника получился пустой хлопок.

Возвращение в Рогачиху

Последний день мы с Олей поехали ещё раз в Рогачиху, встретиться с известной в Верховажье восьмидесятипятилетней женщиной — Антониной Петровной Бутусовой, бывшей колхозницей, которая четырнадцать лет проработала животноводом (с коровами), а потом до пенсии была свинаркой. На этом поприще она заработала славу и почёт. Её, как лучшую свинарку колхоза, возили в Москву на ВДНХ (Всероссийскую выставку достижений народного хозяйства).

Антонину Петровну, должно быть, давно никто ни о чём не расспрашивал, поэтому на мои вопросы она отвечала с удовольствием, а когда нахлынули воспоминания, остановить её было невозможно.

О воспитании и отношении к работе

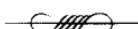
Ламка у нас строгая была. Мы её боялись. В шесть утра как скричит:

— Ставайте, девки, на работу! — мы бегом бежим.

Мучила нас роботой, бывало, за целый день не присядешь. Зато мы выросли роботящие, всё умели делать. Когда война началась, старшие сёстры уехали окопы копать, а в колхозе не легче было. Нас в деревне только пять девок осталось четырнадцати-пятнадцати лет. Парни-то и молодые мужики ещё раньше на фронт ушли. Так мы впятером колхозом руководили. Такую школу прошла, никакой работы потом не боялась! После войны, когда я замуж вышла, у меня было четыре коровы и пять лошадей. Да в колхозе на ферме сто коров. Верите ли, со всем хозяйством управлялась и всё успевала.

Есть чем гордиться

Яходовая, бойкая была, у меня двенадцать ухажёров было, а замуж вышла, как мама велела. Жениха до свадьбы не видела никогда, а всю жизнь прожила с им счастливо. Он у меня верхшовой (деловой, всё успевал) был. От хорошего семени и дети хорошие пошли. У меня самой чет-

веро детей, да тринадцать внуков, да двадцать правнуок! Мы с мужем пять домов в Верховажье построили, и здесь в Рогачихе один, большой да ладной. Это я сейчас одна в ём живу, а раньше с мужем и четырьмя детьми жили. И у каждого своё место было. Есть чем гордиться.

Как раньше работали

Теперь нигде ничего не сеют. А мы раньше вот как дрожжали об работе — днём коров пасём, вечером доим. А ночью Гранька в овин пойдёт, пока робята (дети) спят, рожь расстелёт, высушит. Мы утром обмолотим, мешок ржи соберём и сеять скорей, чтобы весной успела вырасти.

Гранькина жизнь

Граньки троё робёнков было от мужа, когда он на войну уходил. После войны он не вернулся. Гранька пять лет ждала мужика, а не было от него ни письма, ни вести какой. И гульнула с председателем, которого нам из Сибири прислали. Да и опузатела без мужа. Вот она бедная поревела!

Мы говорим:

— Полно, Гранька, реветь, рожай!

Она родила парнёка, а всё боится, что муж вернётся, да что соседи осудят.

Пришла в овин на работу, ревёт и говорит:

— Бросила дитя в кроватку вниз головой, может, задохнется?

А парень жив. Мы кричим:

— Неси робёнка сюды, а то не будем молотить.

Принесёт робёнка. Бросим его на солому и работаем.

Вот, как жили!

Хотела Гранька от сраму помереть. Нам отраву давали зерно травить. Навела кружку воды с отравой и села к столу пить. А тут кошка к ей на грудь прыгнула и кружку из руки выбила. Не судьба, значит, ей отравиться.

Мы говорим:

— Может, тебе Гранька, судьба с етим председателем всю жись прожить.

Так и вышло. И хорошо жили.

Несчастный Федька

Дсын её Федька вырос здоровой, пригожой — во брюшишье! Но несчастной, другим несчастью приносил. Жену взял старше себя, учительницу. До чего хорошая женщина была: работявшая, хорошо одевалась, негулявшая. Из школы прибежит и сразу обряжаться по хозяйству. Свекровь не нарадуется. И мы радовались.

А у его брат был женатой. Вот его жене Федька и приглянулся. Она его у учительницы отбила. Муж узнал, что жена гуляет, и удавился, ушёл с дороги! А они с тех пор вместе живут, трое робят у их.

Учительница долго тужила, что он её бросил. Культурная была, стихи в газету писала про супостатку. (Тут Антонина Петровна смеётся). Мать тоже обижалась, жалела учительницу.

Первый трактор

Войну на трактор посадили Ваську, парнишку пятнадцати годов, больше некого было. И трактор был один на весь район и тот колёсный. Трактор стоял в Киселёве, и Васька должен был приехать на нём к нам в Рогачиху. Никто до той поры трактора не видал, и все побежали на него смотреть. Мы в гумне молотили и тоже побежали. Парнёк ехал в горку на тракторе, да и застрял. Дождик недавно был, склизко! Он старается выбраться из глины, а не может, и нас, девок, стесняется. А внизу горки яма выкопана. Трактор в эту яму сполз и заглох, Васька едва успел с него соскочить. Бабки сказали:

— Умер трактор — и, слава Богу! Больно шуму и вони от него много, а дела не видали!

Жори, как надавано!

Уподружки моей дочки бабушка жила в Верховажье. Это был кладезь выражений на местном наречии. Внучка, уже взрослая девушка, летними ночами гуляла с подругами и друзьями детства. Недовольная бабушка ей выговаривала:

— Веркя, будешь по ночам шляться, валенком отпистоню!

Она же звала утром свою любимицу завтракать:

— Веркя, иди иси.

— Не хочу, баушка!

— Иди, кому говорят!

— Баушка, я этого не буду!

— Жори, как надавано!

А ещё в Верховажье говорят жоркой (то есть с хорошим аппетитом) и не жоркой, или комолой. (Первое значение слова «комолая» (корова) — безрогая, второе значение — неполноценная. Отсюда не жоркой значит неполноценный.

Деревенские жертвы поп-музыки

Если попытаться охарактеризовать верховажан в целом, то очень хорошо подойдёт рассказ об их отношении к современности и, в частности, к современной популярной музыке, о том, с какой радостью и удовольствием они воспринимают всё новое и вплетают в свою жизнь, пользуясь старыми привычными средствами воспроизведения этого нового.

Давным-давно мой шестилетний брат с дружком Юркой распевали песни из знаменитого фильма «Свадьба с приданым»: «Плакать, милая, не стану, знаю сам, что говорю, с неба звёздочку достану и на память подарю», или «На крылечке твоем каждый вечер вдвоем мы подолгу стоим и расстаться не можем на миг». Причём брат совершенно серьёзно обращал свою песнь моей подруге, а его дружок — мне. Популярность этих песен в пятидесятых годах прошлого века можно сравнить разве что с популярностью песни о шоколадном зайце из очередной «Фабрики звезд», вихрем пронёшшейся несколько лет назад по нашей необъятной стране. Например, старики и старухи в селе Верховажье Вологодской области, да, думается, и в других столь же отдалённых местах, вечерами на завалинках под

гармонь и с большим чувством пели: «Я шоколадный заяц, я ласковый мерзавец, я сладкий на все сто, о, о, о!»

Создатели этого проекта и мечтать не могли о такой популярности своего детища в далёкой России. Сомневаюсь, что и отечественные продюсеры этой передачи могли предвидеть, сколь сильное впечатление произведёт этот нехитрый напев в исполнении крепкого сына африканского народа на российских деревенских пенсионеров.

Живой камень

Но вернёмся в Рогачиху. За окопицей деревни в поле лежит огромный камень, серый валун, который во времена язычества служил жертвенником. Местные жители называют его живым камнем. В двадцатом веке около него собиралась на гулянья молодёжь, здесь проходили деревенские праздники, отсюда парни уходили на войну в 1941 году. Существовало поверье, что этот камень бережёт людей и исполняет желания, стоит только обойти вокруг него три раза. Мы с Ольгой, конечно же, обошли. Я пожелала всем своим родным здоровья, а себе ещё раз сюда вернуться.

Мы привыкнем

Ивернулась в начале октября этого же года. Вернулась в Пежму. Не буду описывать встречу с моими любимыми женщинами из ансамбля «Прялица», скажу только, что привезла домой ещё один короткий рассказик. Вот он.

Раньше народу в Пежме было, как в Китае! Одних первоклассников в средней школе насчитывалось сто восемь человек, да в садике более ста, четыре автобуса детей возили в школу в Морозово. Для лесозаготовительного посёлка это много. Сейчас добро, если два первоклассника в сентябре наберётся.

А зимой тогда над входом в Дом культуры горела большая звезда! Звезда была сделана из фанеры и обтянута красным ситцем. Когда лесозаготовители выполняли план, внутри звезды загоралась электрическая лампочка, и красный свет озарял всё вокруг: идущих вечером с работы людей, дома, дорогу, тропинки и сугробы. А план они выполняли почти каждый день! Как весело было идти по освещённому посёлку домой и в Дом культуры, где висело объявление, какая бригада нынче победила в социалистическом соревновании. Мы гордились собой и своими успехами и готовы были преодолевать любые трудности.

Сейчас лесозаготовки сильно сократились, работы в посёлке нет, и молодёжь едет в Верховажье и в Вологду в поисках лучшей жизни. Грустно, потому что в Пежме есть всё, что нужно человеку для счастья: лес, земля, жильё, школа, больница, Дом культуры и Клуб ветеранов — была бы работа.

Мне понятна печаль Нины Васильевны. Я тоже помню те времена, когда пути всей стране освещала рубиновая звезда на Спасской башне Кремля, и мы считали, что живём хорошо. Мы и жили хорошо потому, что были

молоды и радовались каждому новому дню, каждому новому событию. Теперь нам кажется, что раньше и хлеб был вкуснее, и трава зеленее, и жить было легче, когда за нас кто-то думал и решал. Мы ещё не совсем привыкли жить сами по себе, но мы привыкнем. Обязательно.

ГЛАВА VIII

И другие районы Вологодской области...

Кирилловский и Белозерский районы

К сожалению, кирилловских, да и белозерских историй у меня немного, и почти все они из далёкого прошлого моих друзей. К сожалению, потому что я очень люблю эти малые города Вологодской области и раньше с удовольствием приезжала туда.

Рябиновое вино

Молодой инженер связи и необычайно компанейский человек Валентин Щ. в начале своей карьеры работал в Кирилловском районе и жил на горе Мауре в одном из двух деревянных домов городского типа с видом на Кирилло-Белозерский монастырь. Дело было осенью и в окрестностях горы Мауры все рябины изукрасились ярко-красными кистями поспевающих ягод. Рачительный Валентин решил сделать рябиновое вино, что добру зря пропадать! Он затарил ягоды в три пятилитровые бутыли, засыпал их сахарным песком, надел на горла бутылей резиновые перчатки и поставил в тёплую прихожую бродить.

В начале семидесятых годов почти вся вологодская служба связи состояла из молодых специалистов, за исключением разве что высшего руководства, да и оно по возрасту недалеко ушло от своих подчиненных.

В тот раз Валентин ждал с визитом своего непосредственного начальника и группу товарищей, ехавших на крытом УАЗике в Кириллов с инспекторским заданием. Наш инженер хорошо подготовился к их приезду. Он успел проверить наличие всех необходимых документов и уже задумывался над тем, как бы лучше принять гостей. С этой целью он съездил в Кириллов и закупил вино и водку местного производства, а также кое-какие закуски. Гости не заставили себя ждать. С официальной частью управились быстро, поскольку у Валентина в делах, как всегда, был полный порядок, и приступили к весёлому ужину с напитками, песнями и танцами.

Ах, молодость! Кто из нас не гулял до утра, позабыв в приятной компании единомышленников обо всём на свете? И, как всегда, в самый апогей веселья обнаружилось, что напитки закончились. Магазины были ещё закрыты, а души наших героев требовали продолжения банкета! Тут кто-то вспомнил, что видел в коридоре бутыли с созревающим рябиновым вином. Валентин пробовал отговорить друзей пить вино, которому не было и двух недель от роду. Однако его аргументы никого не остановили. Дамы попробовали напиток первыми и сказали, что на вкус он очень приятен и пахнет не противно.

— Два в одном! Винца выпьешь и пьяной ягодкой заешь! — шутили они.

Последние сомнения были отброшены, и славная встреча продолжилась.

Когда все угомонились и немного отдохнули, пришла пора возвращаться в Вологду. Девушки ещё на Мауре

начали таинственно исчезать и возвращаться с бледными и кислыми лицами. Однако тогда никто не придал этому значения. Трудности начались, когда УАЗик отъехал от Мауры на несколько километров. Поскольку дорога была не очень ровной и машину трясло, в животах отъезжающих взбунтовалось вчерашнее рябиновое вино, и стало проситься наружу вместе с закуской. Женщины, обливаясь холодным потом и слезами, часто останавливали водителя и бегали на обочину в кусты. Мужчины крепились до Николы Торжка. Дольше всех терпел молодой начальник, не желавший проявлять слабость на виду у молоденьких сотрудниц, которым, впрочем, уже ни до кого и ни до чего не было дела. В Торжке начальник приказал водителю остановиться около общественного туалета, представлявшего собой деревянную будку, покосившуюся от времени и распространявшую непередаваемое амбрэ. Он пулей выскоцил из машины и, согнувшись, полетел к туалету. Там начальник присел над очком и вдруг почувствовал, что сзади его обдувает свежий ветер. Оглянувшись, он увидел, что задней стенки у туалета нет, но было поздно. Неудобства этого, с позволения сказать, туалета, компенсировала сладкая свобода, которую начальник ощутил через несколько минут после его посещения.

От горы Мауры до Вологды больше ста сорока километров, и кто знает, сколько новых рябиновых деревьев появилось через несколько лет вдоль трассы, соединяющей эти два пункта назначения...

В результате описанной здесь поездки вся команда, принимавшая в ней участие, на долгие годы, а может быть, навсегда, возненавидела рябиновое вино, хотя

желание ездить в гости на Мауру ни у кого не пропало, уж больно гостеприимным хозяином был Валентин.

Охота на рябчиков

Дело было ранней осенью в конце шестидесятых годов прошлого века. Мой хороший товарищ и молодой директор филиала крупного ленинградского завода, расположенного в районном центре Кириллове, в конце трудовой недели решил отдохнуть и поохотиться на рябчиков. С утра он бродил в лесу, близ просёлочной дороги и неподалёку от небольшого озерца, больше любясь местными красотами, чем на самом деле охотясь. Не встретив ни одной птицы, он ощутил, что порядком утомился: тяжёлыми стали казаться большие резиновые сапоги и двустволка с патронташем. И он решил вернуться домой, то есть в местную гостиницу, где проживал по причине своего холостого состояния.

Повернув по просёлку назад, у поворота дороги директор заметил большую корову, которая стояла к нему тылом и, низко наклонив голову, прикрытую от глаз кустами, спокойно жевала траву. Чем ближе подходил он к корове, тем больше удивлялся её высокому росту и величине задней части. Он подошёл к животному вплотную, когда корова подняла огромную голову, увенчанную ветвистыми рогами, и медленно повернула её в сторону моего друга.

Трудно описать словами ощущения, которые посетили его, когда он очутился нос к носу с взрослым лосем, меланхолично смотревшим ему прямо в глаза и медленно жующим зелёную, свисающую изо рта

жвачку и падающую на землю вместе с тягучей слюной. Сказать, что он смертельно перепугался, значит, ничего не сказать. Он застыл в каком-то первородном ужасе, прижав к сердцу бесполезную в этом случае двустрелку, и панически соображал, что же делать дальше.

Между ним и лосем было расстояние не больше метра.

— Лосик, дорогой мой, ты самый замечательный, самый умный и сильный зверь на свете! Я люблю тебя! Я никогда не причиню тебе зла, только ты не трогай меня и иди своей дорогой! — начал негромко и ласково говорить мой друг.

И так он говорил и говорил, а лось очень внимательно его слушал, и продолжал жевать и смотреть ему в глаза. Однако в какой-то момент он сделал легкий прыжок в сторону, еще один и снова остановился и повернул голову в сторону моего друга. А у того будто камень с души свалился, он осмелел и начал громко крять лося всеми известными ему нецензурными выражениями, не решаясь, однако, поднять на него ружьё. Лось снова сделал прыжок в сторону и снова развернулся рогами к директору, вслушиваясь в его отчаянные и истерические интонации. Наконец он как будто отпустил моего друга и махнул в дальний лес, в пять прыжков достигнув линии горизонта.

Приключения Паши Родичева из Ивановской

Всемидесятых годах прошлого века очень популярны были туристические поездки на выходные дни в

столицы нашей Родины — Москву и Ленинград. Ездили школьники и студенты, учителя и библиотекари, а также группы людей от различных предприятий. Поездки недорого стоили, занимали немного времени и сочетали в себе два приятных мероприятия — осмотр исторических памятников и то, что нынче называют коротким иностранным словом шопинг, который включал покупку некоторых дефицитных товаров, чаще всего одежды и колбасы.

Вологодская областная связь имела в те времена отделения по всей нашей большой области, некоторые станции нередко располагались в отдалённых посёлках и деревнях. И вот однажды молодёжь предприятия связи собралась в такую двухдневную поездку в Москву. Компания была сборная, к московскому поезду прибыли связисты из Тотемского, Кадниковского, Кирилловского и Белозерского районов, а также из Вологды. Среди них был Паша Родичев из деревни Ивановской, что под Белозерском. Паша в жизни своей дальше Белозерска, Кириллова и Вологды никуда не ездил. В армии Паша не служил, а место его работы находилось всё в той же Ивановской, потому эта поездка представляла для него большой интерес, но и тревожила. Он побаивался столичного города и возможности заблудиться или попасть в руки мошенников. В путь он отправился вместе с более опытным в таких дела другом Сашкой Семёновым. Сашка в поезде наставлял товарища, дескать, Москва — город большой, потеряться в нём ничего не стоит, поэтому надо держаться вместе. Особенно легко заблудиться в метро, хотя там-то можно обратиться к дежурному, который есть на каждой станции, и спросить, как проехать, где выйти.

Оба дня в Москве, не расставаясь, они посещали магазины и ездили в автобусе на экскурсии. В середине второго дня ребята решили съездить на метро в дальний магазин за запасными частями к Пашиному мотоциклу. В метро они спустились вниз на эскалаторе и вышли на платформу. Сашка говорит:

— Садимся, едем три станции и выходим.

Пока Паша озирался по сторонам и что-то искал в карманах, Сашка, думая, что он следует за ним, сел в вагон и уехал. Поезд ушёл, перрон освободился. Паша смотрит — Семёнова нет. Он, не долго думая, пошёл к дежурной, которую вычислил по красной фуражке и прозрачной будке. Подойдя к дежурной, Паша вежливо поздоровался и спросил:

— Вы Сашку Семёнова не видали? — на что дежурная ответила:

— Нет, — и добавила, — а кто это?

— Сашка Семёнов?! Он у нас на восьмой станции работает!

— Так ведь на нашем радиусе восьмой станции нет!

— Странно, мне Семёнов сказал, если что, к вам обращаться!

— А где находится восьмая станция?

— Восьмая-то? В трёх километрах от Ивановской, а седьмая в пятнадцати километрах от Липина Бора!

В этом месте обычно спрашивают, как Паша добрался до гостиницы, в которой они с Сашкой останавливались. Добрался! Дежурная, которой жалко стало деревенского паренька, выспросила у него, кто он, откуда и как оказался на её станции, а затем написала ему на бумажке, каким транспортом вернуться в исходный пункт назначения.

А Сашка спокойно доехал до магазина и купил всё, что было нужно ему самому, а заодно и Паше Родичеву.

Дверь

На восьмой станции у Паши Родичева сделали ремонт. Паша был очень доволен, расставил удобно мебель: стол и стул, и задумался над тем, что написать на свежевыкрашенной двери.

— Может, «Вход» или «Выход», — думал он и наконец написал «Дверь».

Рассказывают: сестра Николая Александровича Коробова, корреспондента Вологодского областного радио, Надежда, и его брат Василий. Николай Александрович, его родители, братья и сёстры в середине двадцатого века жили в Кирилловском районе в деревне Исаково

Старуха

В мамы на ферме телушка рыжая была по кличке Старуха. Тощая такая и всё в конце стада ходила. Костлявая, как огород (ограждение из лесин), шерсть дыбом, будто непричёсанная и длинноногая. Зато

послушная необыкновенно. Идёшь, бывало, рядом, руку на неё положишь, а она идёт с тобой, как подружка. Её к этому подпаски приучили, молодые ребята. Они за целый день устанут за коровами ходить, обопрутся на Старуху и идут домой. Она их поддерживает, и выступает так важно. Вот и привыкла дружить с людьми. Ей на стадо было наплевать, не то, что нашей корове. Попробуй её от стада отогнать, она со страху вся обделается.

Однажды попал в стадо бык колхозный и телят много попортил. И Старуха попала под этот же блин. Её вроде и к коровам отнести рано, молодая ещё, и на мясокомбинат сдать нельзя — стельная. Таких подпорченных телушек продавали колхозникам в деревни. Её уже после отёла в стаде отдали одной женщине из дальней деревни. А до этого мама как-то раз отправила меня в поле Старуху доить. А как я её в поле буду доить, да ещё телушку, которая к этому не привыкла. Я стала отказываться, а мама у меня строгая была:

— Иди, — говорит, — да и всё!

Взяла я подойник и почапала в поле. Пришла, давай доить, а она мычит — доить просится, а не понимает, что постоять нужно. Я ей раз за дойки дёрну, а она переступит и дальше идёт. Ничего мне её не подоить! Я и говорю ей:

— Ну что, пойдём во двор, я тебя там подою.

Кладу ей руку на спину, и что ты думаешь? Я иду и она со мной, тяпаем из ноги в ногу! Так и дошли рядом до скотного двора, а это не близко, километр с лишним. Подвела её к цепи, цепь на шею одела, она уже стоит — не шелохнётся. Подоила я её — рада-перерада! А потом опять положила ей руку на спину и в стадо отвела. Так я поражалась, насколько она была умна и послушна.

Продали Старуху за пятнадцать километров от нашей деревни, в Ивановскую. Так хояйка даже оттуда передавала за неё спасибо, вот как Старуха была ей люба. И мне до сих пор интересно, как она там потом жила, как вела себя, что её так любили.

Азарт

Наша кошка азартная охотница была. Любила мух ловить. Скажешь ей:

— Муха! — она головой начинает крутить, мол, где? Прыгает по комнате, ловит в воздухе, пока не поймает.

Однажды в дом залетела оса. Она больше мухи, жужжит, мечется. У кошки глаза загорелись, и она ну осу ловить! Поймала. Мы сидим, боимся, как бы оса кошку в язык не ужалила. А кошка подержала её во рту, слюной обезвредила и выплюнула. Когда оса шевелиться перестала, кошка и эту добычу съела.

Обида

Одна женщина на почте рассказывала, что у них в семье особенная кошка была.

Дочка как-то включила магнитофон, а там была запись, будто кто-то плачет. Кошка решила, что это дочка плачет, и давай об неё тереться и мурлыкать, успокаивать. А дочка засмеялась, и кошка поняла, что тут что-то не так, что обманули её. Она не стерпела обиды и начала дочку лапой бить и царапать. Все чулки ей изорвала.

Инстинкт

Двухлетний Дима спал в детской кроватке и написал. К нему прыгнул котёнок, хотел полежать рядом, погреться. Видит непорядок, и давай лужу загребать, зачищать, как будто это он сам наделал.

А ещё была такая история. У свиньи появился поросёночек, только что родился и на ножки встал. Свинья лежала в стайке (в загородке для свиней) в одном углу, а по нужде ходила в противоположный угол. Новорожденный поросёнок еле ходит, а тоже прямиком пошёл справлять свои дела в дальний угол.

Вот какой силы у животных инстинкты.

Враги пчёл

Вы, может, не знаете, а у пчёл много врагов. Их едят лягушки и шершни, сороки и вороны, сама видела.

Лягушка открывает рот, выбрасывает липкий язык, за долю секунды ловит пчелу и съедает её. Пчела даже среагировать не успевает.

А шершни мух, пчёл и ос едят. Я на даче видела, как шершень высмотрел муху на парнике, подлетел к ней, схватил и давай челюстями, как ножницами, работать, только останки в стороны полетели: лапки, крылья и голова. Шершень одно мухиное тельце подхватил и унёс. Хотела я его рукавицей придавить. А он в траву нырнул и скрылся, хотела ногой наступить, а он вверх взмыл. Улетит, думаю. Ничего подобного, он знает,

зачем сюда прилетел. Ос в то лето много было, он схватил осу и улетел.

А однажды я пришла на пасеку, смотрю: на столе мёртвые муhi и пчёлы лежат, значит, шершень появился, надо его поймать, а то он в улей заберётся и всю семью пчелиную погубит.

На пасеке все живут за счёт пчёл. Сороки и вороны тоже за пчёлами охотятся.

Кто умнее?

Как вы думаете, кто умнее: сорока или ворона? Однажды я наблюдала, как сорока и ворона воровали еду у собаки из миски. Собака наелась и ушла спать в конуру. Через некоторое время к миске подлетела сорока, только разок и клюнуть успела, как собака бросилась к ней, своё защищать. Сорока развернулась к собаке хвостом и собралась улететь, но собака хватить её за хвост и вырвала маховые перья. Сорока убежала за ульи и спряталась. Летать без хвоста она не могла и теперь бегала с голым задом вокруг пасеки, искала, чего бы поесть. Где кусочек, какой подберёт, где осу или пчелу склюёт. А ворона подлетела поближе, смотрит: собака лежит в конуре, развернулась хвостом к собаке и пятится к миске, поглядывая, не проснулась ли собака. Пяталась, пяталась и добралась до миски. Съела что-то, собака услышала, выбежала, а ворона сразу — фр-р-р — и улетела, ей не надо было тратить время, чтобы развернуться, как недогадливой сороке.

Встреча с медведем

Надя говорит брату:

— Я, если медведя увижу, так меня не отмыть. Расскажи, Вася, как вы со Станиславом медведя встретили, когда вам по пятнадцать лет было.

— Вообще-то мы со Славкой в дальний лес за малиной на мотоцикле поехали. Мотоцикл оставили на поляне у дороги, и пошли пешком в горку. Дорога узкая, кругом лес не лес, чапарыжник (местное слово, обозначает густые заросли кустарника). Мы с собой взяли ружья: вдруг зверь какой на нас выйдет? Короче, смотрю: невдалеке кабан небольшой дорогу перебежал, за ним второй, третий. А у нас с собой еды не было. Дай, думаю, кабанчика подстрелю, на костре зажарим, то-то славно будет. Как следующий стал дорогу перебегать, я прицелился и выстрелил, он перевернулся и упал. Подхожу, а это не кабан, а медвежонок! И так мне страшно сделалось, стою и лихорадочно пули перебираю, жду медведицу. Вижу: пуль у меня всего две да немного дроби. От страха глаз не могу от медвежонка оторвать. Я ему прямо в голову попал, полушарие мозга, как яйцо, наружу выкатилось. Вставил пулю в двухстволку и думаю, надо посмотреть, где Слава. А он стоит передо мной и улыбается.

— Чего улыбаешься, — говорю, — бежим скорее, сейчас мама медвежонка пожалует!

Дал ему один патрон, у него, кроме дроби, ничего не было. Зарядил он ружьё, и мы отбежали назад метров на пятнадцать. Встали спиной к спине, курки взвели, прицелились и ждём. Вариантов нет: от медведицы не убежишь, поймает, она быстрее человека бегает, да ещё разъярён-

ная. Вокруг солнце светит, птички поют, благодать! А мы стоим и ждём медведицу, тянутся томительные секунды. И вдруг она как вымахнет на дорогу. Если бы мы не отошли, она бы нас накрыла! Огромная, килограммов триста весом, голова, как бочка, шерсть с сединой, она развернулась в нашу сторону и в четыре прыжка долетела до нас. У меня палец на курке свело, внутренний голос шепчет: «Подожди, не стреляй, у тебя всего одна пуля!» А палец сам по себе действует, вот-вот прогремит выстрел. Мы со Станиславом стоим, как перед врагом: или мы медведицу убьём, или нам не жить! До нас оставалось каких-то пять метров. Я уже заглянул смерти в глаза, впервые в жизни волосы под кепкой дыбом встали, когда вдруг вместо головы передо мной оказалась мохнатая копна — медвежий зад. От удивления я выстрелил, Слава тоже. Осталась у нас одна арбя. А медведица бросилась бежать. Непонятно как, но она почуяла наше преимущество и сдалась. Медведица бежит, а я несусь за ней. Добежал до мёртвого медвежонка, схватил его за лапу и тащу к мотоциклу. Кричу:

— Славка, быстро за мной.

Боюсь, что медведица по лесу нас обгонит и нападёт. В жизни мы никогда так быстро не бегали, да ещё с тяжёлой ношей. Кажется, что в один миг до мотоцикла добрались и с добычей умчались домой. После этого происшествия я три дня отлёживался, в себя приходил.

Не утонет в речке мяч

Яучилась в первом классе, когда краем уха услышала фразу: «Не утонет в речке мяч». Весь стишок я не знала.

И так эта фраза застряла у меня в голове, что я ходила и часто повторяла её. Потом подумала: «Почему же он не утонет, а вот я его утоплю». Взяла свой резиновый мяч и пошла к пруду у школы. Стала пихать его в пруд, а он не лезет! Решила — затолкаю всё равно! Толкаю, а мяч выскочил из рук, и я в воду бухнулась, попой кверху, чуть не утонула. Зато навсегда поняла, что не утонет в речке мяч!

Хоровод

Пришла я как-то домой утром, уж не помню почему. Никого дома нету, и я прилегла на кровать, отдохнуть. На улице ни облачка, солнышко по всему дому, лето. Пол-то у нас некрашеный был, белый, с песочком намытый, и свет по полу разливается. Я лежу и вдруг слышу, как будто стучит кто тихонько, но часто и отчётливо: тук-тук-тук-тук-тук. Что такое? В деревне же идеальная тишина, каждый звук слышно. Гляжу — какая сцена! Маманька-мышь с мышатами на самой середине пола играют. Мышь сидит в центре, а десяток мышат вокруг неё что выделывают! Они уже не голые, в шерсти, детки такие и ведут себя, как детки: один-то перед одним прыгают, резвятся, кто подпрыгнет, кто побежит и всё кружком, весело так, осмысленно!

Представь: солнышко, тепло, чисто, а они тут и выделывают кренделя, только топоток слышно. Решили видно, что никого нет и ихняя вотчина. У нас кошки тогда не было, вот мыши и отдыхали у нас, и ревились. Я такого никогда раньше не видела.

Я лежала, затаившись, а тут чуть-чуть голову повернула. Они прыснули в сторону и в одно мгновение исчезли,

как будто не было ничего, ни мышного семейства, ни хоровода. Жаль, ещё бы посмотрела...

Челюсть

На выезде из Кириллова, где дорога идёт под горку, расположили два лежака (так у нас называют лежачих полицейских). Молодой водитель микроавтобуса, который перевозил пожилых дачников, на спуске не притормозил и на лежаках старушек здорово тряхнуло.

В конце рабочего дня водителя вызвал начальник смены и говорит:

— Виктор, пойди, посмотри в автобусе, нет ли там вставной челюсти.

— А что, кто-нибудь потерял?

— Да звонила тут одна бабулька, вроде в твоём автобусе выронила.

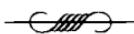
Водитель долго челюсть искал, но не нашёл и грустный вернулся к начальнику.

— Нету челюсти, Палыч, всё обыскал, весь пол на карачках облизил.

— Да я пошутил. А ты вперёд аккуратнее старух вози, жалуются ведь.

Бабушкинский район

Записано Г.А. Говязиной в семье
Николая Николаевича Лукина
из Бабушкинского района

Мы зашли к Николаю Николаевичу, но дома его не оказалось. Нас встретила его старенькая бабушка. Между ней и нами состоялся такой разговор:

— Бабушка, где Николай Николаевич?
— Взял кочеток и ушел картошку бургить. Ономня прийти должен. Лонись-то вдвоем были, дак полегче было.

Перевод. Взял узелок с едой и пошел очищивать картошку. Скоро вернуться должен. Прошлым летом вдвоем работали, так легче было.

Сямженский район

В самом начале перестройки, в 1987 году, мы купили дом в деревне, которая называлась Ратино. Мы — это мама с моей сестрой Леной и моя семья, которая к тому времени состояла уже из трёх человек: моей годовалой дочки Маши, мужа Сергея и меня.

Деревня стояла на солнечном песчаном пригорке, окруженная приветливыми цветущими лугами и полями овса. Но главное преимущество этого места составлял лес: сосновые боры, ельники и смешанные леса, которые звали немедленно идти по грибы и по ягоды.

Деревня с годами стала для нас почти родной и воспринималась нашими с Леной дочерьми, Машей и Соней, как малая родина. Жизнь ещё теплилась в ней, некоторые люди жили здесь постоянно, а на хутор вблизи вернулись из Череповца бывшие деревенские, выкупившие у сельсовета двухэтажную, старую начальную школу, в которой они сами когда-то учились.

Ратинские жители

Снашим приездом ратинские жители оставались всего в пяти из десятка «живых» домов. На самом краю деревни стоял хоть и покосившийся, но ещё крепкий дом бабы Симы, старой женщины, имевшей детей и внуков в городе, но не желавшей покидать место, где она родилась и прожила всю свою жизнь. Баба Сима единственная из оставшихся жителей деревни подходила к жизни не утилитарно, выращивала в огороде цветы и захаживала к нам поболтать о том о сём. И одета она была не в старое труньё (тряпьё), а в нормальную, почти городскую одежду.

Напротив бабы Симиного дома через дорогу стоял по-северному срубленный, большой и какой-то очень прямой дом местного плотника деда Коли. Дед Коля был особенный. Только среди деревенских старииков можно еще встретить такую чистую и святую доброту, заглянуть в такие мудрые и ласковые глаза. Он сразу полюбил моего мужа Серёжу за то, что тот тоже деревенский. Дед Коля очень радовался нашим летним приездам. Подходя к дому и широко улыбаясь беззубым ртом, он говорил, окая по-вологодски:

— Серёженъя, милой мой, я тебя ожидал, пойдём ко мне поговорим.

Они шли и говорили о чём-то долго и с удовольствием и не могли расстаться.

Справа от нас через пруд стояла летняя изба с пристроенным маленьkim зимником единственного молодого жителя деревни Серёги. Серёга жил в деревне летом и продавал на трассе лесные ягоды и грибы. На

эти деньги он пил. Было у него небольшое хозяйство: куры и вечно голодная бодливая коза, которая постоянно пробиралась в наш огород подкормиться овощами, потому что у хозяина, кроме картошки, ничего не росло. Как бы мы её ни гоняли, коза отчаянно рвалась к нам, пролезая под забором по-пластунски, расставив в стороны все четыре ноги! Смотреть на это было и горько, и смешно.

Колька-Стопка и Лидия

 Кольке-Стопке хочется рассказать отдельно, такой это был интересный персонаж. Между нашим домом и Симиным стоял его кривой, подслеповатый домишко. Сам Николай, шестидесятилетний мужик, был говорлив, крепко пил и любил приврать, а свои речи обильно сдабривал ненормативной лексикой. Мои уговоры не выражаться при детях успеха не имели, дед держался не более пяти минут и снова съезжал в привычную колею своей манеры выражаться, совершенно для него органичной. Он и его жена Лидия сначала приняли нас неприветливо. Лидия, выглядывая из окошка, подсматривала, сколько раз мы ходим за водой. Лето было засушливое, воды в колодце мало, а мы по городской привычке воду использовали неэкономно, что нам и было поставлено на вид.

Когда у Стопки случался запой, он уезжал в райцентр и не возвращался, пока не пропивал всю пенсию. Обычно на это требовалось дня три-четыре. Каждый раз после очередной отлучки он приходил к нам и с виноватым видом говорил:

— Э, загуляу я маленькё. Татьяна, налей опохмелиться, — я не наливал, а Серёжа тайком давал ему немного вина.

Молчаливая Лидия занималась хозяйством, утром и вечером доила корову Звёздку, выгоняла её пастьись вдоль деревни по заросшим травой закраинам, кормила кур, носила воду из колодца и пруда, готовила корм скоту и так далее — в деревне всех дел не переделаешь. Николай между запоями косил траву и сушил сено, уходя с раннего утра на свои лесные делянки, сопровождаемый верным псом Дружком.

Постепенно наши отношения налаживались. Мы стали покупать у Лидии молоко для детей, привозить ей и Николаю старую отцовскую и свою одежду, видя их нужду и неприхотливость. Они были ещё молодыми пенсионерами, но казались стариками из-за трудноопределимого возраста, стёртого постоянным тяжёлым трудом и однообразной одеждой: серыми ватниками нараспашку и валенками с галошами, а в особенно жаркие летние дни видавшими виды серыми юбками и брюками, кофтами и пиджаками, а также галошами на босу ногу. Николай, смотря по погоде, носил треух или кепку, а Лидия — платок.

В деревне существовал свой кодекс поведения. Без приглашения к людям ходить было не принято, а если пригласили, нужно было вести себя скромно. Николай, без перерыва курящий папиросы, обычно держался у входа, иногда присаживался на корточки и интеллигентно стряхивал пепел в валенок. Никакие уговоры присесть за стол и отобедать с нами на него не действовали. Скромность покидала его лишь, когда дело касалось

выпивки. Я грешным делом Кольку недолюбливала, он это чувствовал и меня побаивался. Пьяный Колька был мне неприятен, а трезвый напоминал лесного лешего из старой русской сказки — лохматого мужичка с маленькими яркими глазками, густыми кустистыми бровями и крючковатым носом на пропечённом солнцем лице.

Дружок I и Маша

В Николая в хозяйстве всегда были одна, а то и две собаки, представлявшие собой смесь овчарки с лайкой. Во второй наш приезд у него жил старый пес Дружок с линялой рыжей шерстью и подслеповатыми глазами, но необычайно дружелюбный и общительный. Его очень любила маленькая Маша. Как-то я наблюдала такую сцену. Дружок сидит у крыльца, высунув от жары язык, а Маша, приседая от понимания важности происходящего, обнимает его за шею и, картавя, говорит:

— Дгужочек мой, ты читать умеешь? — через некоторое время я спросила её:

— Ну и что он тебе сказал?

— Сказал, что не умеет! — с сожалением отвечала Маша.

Дружок II

На следующее лето появился новый Дружок, старого зимой съели волки.

Второго Дружка я буду помнить всю жизнь. От

прежнего он отличался только молодостью. А в остальном был такой же дворовой породы, неопределённого бурого цвета с чёрной спиной и хвостом, такой же свойский и совершенно безобидный. Мы, конечно, тут же бросились его кормить, зная, что от хозяина он получает только прокисшее молоко и размоченный в нем чёрствый хлеб. С нашим приездом у Дружка началась новая, прекрасная жизнь, поэтому он появлялся у нас с утра и уходил только вечером. Ему доставались не только обедки в виде остатков супа и каши, дети норовили отдать псу самые вкусные куски, печенье и конфеты.

В то лето нас в деревне было много: вся моя семья, сестра Лена с Соней и её подруга Валя с сынишкой Сониного возраста. Дружок купался в нашей любви и перестал расставаться с нами даже ночью, спал в доме, на сеновале. По всему было видно, что пёс решил, будто он теперь наш истово сторожил дом, встречая деревенских жителей звонким лаем. Стоило нам собраться на прогулку в лес, Дружок оказывался тут как тут. Он деловито бежал по тропинке впереди всех, весело помахивая хвостом. Пока мы пересекали поле и луга, розовые от клевера и иван-чая, Дружок успевал пробежаться по полю и поймать несколько мышей. Приученный самостоятельно заботиться о пропитании, он мышковал не хуже лисицы, подбрасывая вверх пойманную мышь, ловя её зубами и поедая на бегу. В лесу Дружок сразу исчезал из поля зрения, но стоило его позвать, как он тут же возвращался. Казалось, что его нет и он везде — всё время находится поблизости и держит ухо востро, охраняя нас вместе и по отдельности. Наверное, поэтому нам никогда не было страшно в лесу. Иногда он звал нас лаем посмотреть на

загнанную высоко на ель белку или куницу. Однажды в Манином лесу (так мы назвали большую поляну за деревней, поросшую редкими молодыми сосенками, где время от времени мы устраивали для детей пикники) Дружок попытался поймать в траве куропатку, но она сумела улететь. Надо было видеть разочарованную и глупую морду Дружка, быстро сделавшего вид, что это не он бегал за куропаткой!

Какой-то зоолог недавно высказался в пользу того, что животные не испытывают к человеку никаких чувств, что ими руководят только инстинкты. Никогда в это не поверю! Наш Дружок так преданно засматривал снизу в глаза, бежал в лес рядом, при любой опасности прижимаясь тёплым боком к ноге и давая понять, что он здесь и бояться нечего. По утрам встречал весёлым лаем, повизгивая и нежно покусывая руку, так, чтобы было ясно, что это игра и радость по случаю нашей встречи...

Пролетело ещё одно лето в деревне и настало время отъезда. Дети прощались с Дружком со слезами на глазах. Взрослые смотрели в сторону, садясь в машину приехавшего за нами товарища. Дружок суетился вместе со всеми, бегая вокруг машины и вертаясь под ногами. И вот в какой-то момент дверцы машины захлопнулись, и мы тронулись в путь, постепенно набирая скорость.

Дружок бежал по обочине дороги, не отставая, и уже почти летел над землей, прижав уши и тяжело дыша. Стоя на коленях на заднем сиденье и глядя на Дружка, дети плакали навзрыд, да и взрослые еле сдерживали слезы. Наш верный друг бежал за нами два километра и только, когда мы выехали на трассу, отстал и повернул назад...

Когда мы приехали на следующее лето, он нас не

встречал и уже больше не оставался в нашем доме на ночь, проводя больше времени со своим настоящим хозяином, не ласковым и не балующим особой кормежкой, но верным и постоянным. Хотя стоило нам собраться в лес и позвать его, он тут же прибегал и, не помня зла, бежал по дорожке впереди всех.

Ловля медведя петлей

Колька-Стопка стоял рядом с Сергеем и смотрел, как тот разбирает запасы строительного инвентаря. Сергей как раз собирался подремонтировать крыльцо нашего дома. Перед ним россыпью лежали гвозди всех размеров, пара молотков, провода, топорик и ножовка.

— Сергей, э, што это у тебя? Трос?

— Трос, трос.

— А зачем он тебе? Давай я из него петлю сделаю, и мы с тобой медведя поймаем! Я сколько раз медведя петлёй ловиу! Сейчас овёс поспеу, медвидь-от пойдёт в поле, а тут петля, он и попадётся!

Сергей с сомнением поглядел на Стопку, но кусок троса дал. Через час Стопка прошёл мимо него по направлению к лесу в полном снаряжении: в старой телогрейке, помнившей, когда Колька ещё в колхозе на тракторе работал, в потрёпанной кепке, с пилой «Дружба» за спиной, с топориком за поясом и погасшей папиросяй «Беломорканал» в чёрных от никотина зубах. Рядом с ним, высунув язык, весело бежал верный Дружок. Глянув на эту живописную картину, Сергей с сомнением покачал головой, но ничего не сказал. Весь день он занимался

крыльцом, а вечером пораньше завалился спать, благо дома никого не было, жена и дочка ещё не приехали из города.

Он проснулся на рассвете оттого, что кто-то громко колотил в дощатую дверь крыльца.

— Сергей, открывай, — кричал Стопка.

Сергей чертыхнулся, открыл дверь и встал перед дедом в трусах, зябко ёжась от утреннего холода, заползавшего в дом через высокий порог.

— Спишь, что ли? — кричал глуховатый Колька. — Спишь, твою мать? А медвиль-от мимо, мимо прошоу! Я и осину спилиу, и трос зацепиу как надо, на тропку петлю выложиу, а он ушоу на хрен! Давай ешшо тросу, поставлю теперь две петли. Он у меня, гад, мимо не пройдёт, не такоських лавливали!

Сергей махнул рукой, отдал Кольке остатки троса и вернулся в избу досыпать.

На рассвете следующего дня Стопка снова разбудил его топотом, стуком и криком:

— Сергей, мать-перемать, спиши, что ли? Опеть мимо! Должен быу попасть, должен! Я три петли поставиу на трёх тропках, а он опять ушоу! Вот ведь хитрой какой медвиль попаусё! — и Стопка назидательно поднял кверху грязный палец.

Сергей и на этот раз смолчал, жалко было старого болтуна расстраивать. Он и сам не из последних охотников был и знал, что медведь никак не мог в Стопкины петли попасть, уж очень много запахов оставил после себя дед на тропе и на петлях. Одна только пропитанная бензином и гарью телогрейка чего стоила, а Колькины домашние «ароматы»: табачища, навоза, пота и псины оставались

на всём, к чему он прикасался. Медведь — умное и чуткое животное, он Стопкины петли за версту обошёл.

Великий Устюг

Мишкины похороны

Молодой пенсионер, Мишка П., жил в деревне с женой. Дети давно выросли и уехали жить в города. На пенсии делать нечего, особенно зимой, когда огородные хлопоты кончаются и впереди долгие холодные дни, медленно растягивающиеся на многие месяцы. Мишка и раньше выпивал, а тут запил по-чёрному. Жена терпела-терпела его пьяные выходки, да и уехала в Красавино к родителям. Мишка долго оставаться без жены не мог и отправился вслед за ней, уговаривать вернуться.

Через пару дней звонят из Красавина в деревню Мишкиной матери и сообщают, что её сын помер. Матери дурно стало. Ничто Мишкиной смерти не предвещало. Есть у нас такие мужики: всю жизнь пьют и ничего у них не болит. Однако делать нечего, послали родственники в Красавино нарочного из своих на телеге, чтобы привёз тело дорогого человека, а сами пошли в сельсовет просить денег на помин души и на похороны. Там, как положено, им выделили две тысячи рублей.

Вся деревня начала готовиться к этому печальному событию. Мишку все знали и матери его сочувствовали. Назначили поминки. Бабы напекли блинов, наварили постной кутьи и киселя, мужики купили два ящика

водки. Мастер гроб сделал. Мишку одели и положили в гроб, лежит красивый такой, чистый, в новом костюме. Никогда его в деревне таким не видели. Мать рядом сидит, рыдает. Вся деревня собралась. Пришёл дьякон Мишку отпевать. Сосед Фёдор говорит:

— Ну, Мишка, лежиши как живой, даже лучше!

Дьякон встал в головах гроба и читает молитвы. Дошёл до «со святыми упокой» и вдруг увидел, что Мишка шевельнулся. Дьяк — хлоп в обморок. Очнулся, подполз к матери на четвереньках и говорит:

— Мишка ваш шевелится!

Мать в крик!

Набежали любопытные, а Мишка сел в гробу и смотрит на всех вытаращенными глазами:

— Где я? Почему в ящике?

Фёдор с недоверием спрашивает:

— Мишка, ты жив, что ли?

Потрогали его, и в правду живой!

— Ну что же, — говорит Фёдор, — на поминки всё заготовлено, а ты живой, так давай радоваться!

И вместо похорон деревня отпраздновала Мишкино воскрешение.

Интеллигент-2

Дело было в самом начале перестройки. Татьяна Петровна только что устроилась на новую работу. Её взяли помощником руководителя крупного предприятия. Женщину радовало то, что она подчинялась только одному человеку и что работа была ей по душе: она

вела переговоры с российскими и иностранными поставщиками, занималась корреспонденцией, помогала готовить доклады и отчёты в вышестоящие инстанции. Но больше всего её радовало то, что новый начальник был интеллигентным человеком, умным, начитанным, улыбчивым и совершенно чуждым начальственной фанаберии, что достаточно редко встречается среди людей такого уровня.

Однажды в середине января, когда в Вологде стояли крепкие морозы, доходившие по ночам до сорока пяти – сорока восьми градусов ниже ноля по Цельсию, они поехали на служебной «Волге» на три дня в командировку в Великий Устюг, где находился филиал их предприятия. До Великого Устюга путь не близкий, на автомобиле при хорошей скорости ехать семь часов.

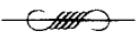
Выехали днём, после обеда. Татьяна надела в дорогу шубу и зимние сапоги, однако водитель Александр перед отъездом оглядел её с сомнением и вытащил из багажника старый тулуп, который всегда брал с собой в зимние поездки, а также валенки сорок пятого размера.

— Как это вы с шефом не боитесь зимой в такую даль ездить? — спросил он. — А вдруг мотор где-нибудь среди леса заглохнет, или печка сломается, ведь на семьсот километров вокруг никого! Зимой только по срочным делам люди ездят.

— А мы по срочным и едем! Да с таким водителем, как ты, Саша, мы ничего не боимся, — отвечала Татьяна.

Она села в машину позади своего начальника, а Александр заботливо укрыл её до подбородка тулупом и посоветовал вставить ноги прямо в сапогах в валенки.

Зимой темнеет рано, уже в четыре часа дня на землю

опустилась ночь, и «Волга» мчалась по дороге, как в ледяной пустыне, только ветер свистел за окнами, да высоко в небе сияли звёзды, и полная луна то появлялась впереди, то уходила в сторону, в зависимости от того, куда поворачивала дорога.

— Посмотрите, Татьяна Петровна, вон созвездие Кассиопеи, — говорил шеф, — не правда ли, прекрасное зрелище!

Татьяна в который раз похвалила себя за то, что нашла такого славного начальника. Она слушала его спокойную речь, машина мерно покачивалась, и, пригревшись под туулупом, Татьяна задремала.

Очнулась она оттого, что стало холодно.

— Где мы? — спросила она. — Далеко ещё до Устюга? Почему так холодно?

— До Устюга километров сто осталось, а холодно, потому что снаружи сорок пять градусов мороза. «Волга» — машина холодная, особенно на заднем сиденье поддувает. Так что вы, Татьяна Петровна, старайтесь немножко шевелиться, чтобы не мёрзнуть, — отозвался Саша.

Шеф сидел скрючившись на переднем сиденье и тоже мёрз, несмотря на то, что печка была прямо напротив него.

— Ничего, скоро приедем, гони, Александр! — сказал он.

— Я и так гоню, но скользко ведь, надо бы осторожнее.

В Устюг они прибыли в десять часов вечера. В холле гостиницы их встречал директор филиала предприятия.

С помощью мужчин Татьяна выкарабкалась из машины, ей казалось, что она заледенела до самых подмышек. Еле передвигая ноги, она вошла в гостиницу, повернулась к шефу и сипло выдохнула:

— Водки!

Услышав слово «водка», директор филиала оживился, и они пошли в номер начальника, где уже была «накрыта поляна».

Во второй раз в жизни Татьяна пила водку наравне с мужиками и не хмелела, только постепенно оттаивала. Они с уважением поглядывали на неё и подливали в стакан. А интеллигентный шеф нервно посмеивался:

— Надо же, а я всё думал, как бы это вам водки предложить, «сугреву для», мы ведь ещё едва знакомы!

Прием ванны

В санатории районного центра лечили и лечат ваннами с местной минеральной водой.

Однажды медицинская сестра этого санатория направила принимать ванну вновь прибывшего на лечение колхозника. Спустя некоторое время она вошла в ванную комнату и увидела такую картину: мужчина стоял около ванны на коленях и пил из нее воду.

— Что вы делаете?! — воскликнула она.
— Ванну принимаю! До того допринимался, что, кажись, сейчас лопну!

Тотьма и Тотемский район

Техника безопасности

В семидесятых годах прошлого столетия в Вологодской области бурно развивалась телевизионная

сеть. Связисты монтировали мачты-передатчики телевизионного сигнала для всех районных центров, начиная от Вологды и двигаясь на северо-восток в сторону Великого Устюга. Во время описываемого случая они работали в Тотемском районе, в глухом лесу километрах в тридцати от жилья и людей. Их было в общей сложности человек семь. Дело уже шло к завершению монтажных работ. Каждый день шестеро человек поднималось на мачту, а один оставался дежурить внизу, готовить обед и обслуживать всех остальных. В тот день дежурил опытный монтажник — Николай Иванович Смирнов, всеми уважаемый человек и профессионал своего дела. Связисты работали на самом верху, в шестидесяти метрах от земли. Когда обед поспел, Николай Иванович пошёл звать ребят к столу. Он близко подошёл к мачте и стал махать им рукой и кричать, что всё готово, пора спускаться. Кто-то крикнул сверху:

— Иваныч, надень каску! Каску надень!

Но Николай Иванович ничего не слышал из-за ветра, относившего звуки голоса в сторону, и продолжал суетиться внизу. В этот момент у одного из монтажников вырвалась из рук гайка и полетела вниз, ударяясь о железные опоры и рикошетя. Даже песчинка, падая с такой высоты, обретает скорость и силу пули, а уж о гайке и говорить нечего. Она угодила Николаю Ивановичу прямиком в темечко, и он рухнул на траву, как подкошенный. Ребята в ужасе бросились вниз, звали и тормошили своего товарища, но он не подавал никаких признаков жизни. В полной тишине мужики отнесли его во времянку, в которой спали и ели, и бережно уложили на деревянный топчан. Связи с Тотьмой не было, кругом

лес, и они решили сначала поесть, а потом думать о том, что делать дальше.

Сели за стол, достали заначку — бутылку водки — и решили помянуть товарища. И, как водится в таких случаях, стали вспоминать о том, какой прекрасный человек был Николай Иванович, как хорошо было вместе с ним работать и так далее. Слово за слово, достали ещё бутылку, и как-то немного забыли, с чего всё началось, и уже стало весело и шумно за столом, когда вдруг из угла раздался хриплый голос:

— Сволочи, налейте хоть сто грамм опохмелиться! Я вчера так нажрался! До сих пор голова раскалывается!

Видно, шок от удара гайки был так силён, что он не помнил ничего.

Удивление и радость его товарищей описать невозможно. Старший прораб, Владимир Петрович, головой отвечавший за строительство и, конечно, за технику безопасности, всхлипывая, говорил:

— Коля, родной, если на ноги встанешь, я тебе с получки два ящика водки куплю!

«Дожжит»

Всемидесятых годах прошлого века Тане было пятнадцать лет. Во время школьных каникул мама отправила её в деревню под Тотьмой к бабушке. Таня взяла с собой подружку Густю, чтобы веселее было. Мать собрала большую сумку, наполнив её разными вкусными вещами, которых тогда невозможно было купить в деревенском магазине: колбасой, шоколадными

конфетами, дорогим печеньем, сгущёнкой и т.д. Примерно так же снарядили в поездку и Густю. Бабушка обрадовалась гостям, но по привычке экономить, да и, что греха таить, по некоторой прижимистости характера сразу спрятала все привезённые продукты и выдавала их понемножку раз в день. Молодые организмы на свежем воздухе требовали пищи, и девчонки всё время хотели есть. Вечером дополнительно к скучному рациону подружки брали у бабушки хлеба и молока и пробирались на сеновал, там они ночевали.

Дом у бабушки — старинный большой пятистенок. В нём, как положено, были зимняя и летняя половины (зимняя изба и летняя изба, как говорят в Вологодской области) и сеновал. При таком доме уборная часто строилась отдельно и обычно находилась где-нибудь в углу сада или огорода. А после еды и питья неизбежно хочется в туалет. Девчонки ленились спускаться ночью в огород, и приспособили под свои нужды какую-то ржавую кастрюлю из тех, что в изобилии хранятся на чердаках старых домов. Справив нужду, Таня выплёскивала содержимое кастрюли из дверцы сеновала наружу.

Как-то раз бабушка и говорит девчонкам:

— Все соседки жалуются, что лето сухоё, дожда нет и нет. Как нет, ковда у меня кажду ночь дожжик идёт. Как выйду ночью перед сном хозяйство смотреть, так всегда и моросит.

Пришлось Тане во всём признаться. Бабушка сильно сердилась:

— Вот заразы, всю смороду мне обос....!

От бывшего работника Вологодской областной библиотеки

Знакомство с девушками – 2

Всемидесятых годах прошлого века две молоденькие библиотекарши поехали, а вернее, поплыли на пароходе из Вологды в Тотьму на слёт молодых библиотечных работников области. Путь не близкий — почти сутки добирались, и прибыли поздно вечером. На дворе стоял сентябрь, холодный и мокрый. В Тотьме тогда асфальта и в помине не было, а улицы освещались редкими бледными фонарями. Девушки сошли с парохода на берег и под аккомпанемент частого, мелкого дождика пошли, едва разбирая дорогу, в гостиницу. Говоря словами классиков, заметим, что грязь вокруг «блестела... как антрацит». Впереди показалась большая глубокая лужа, а в ней на коленях стоял пьяный мужик и разводил грязь руками, делая круговые движения. Он был так увлечён этим занятием, что, казалось, не замечал ничего и никого вокруг.

— Вот она! — воскликнул вдруг мужик и выудил из лужи зимнюю шапку.

В тот момент он, должно быть, пребывал в том волшебном градусе, когда мужчина точно знает, что у него всё отлично, что он чертовски хорош собой, нравится женщинам и готов вести светскую беседу. Держа шапку за ухо, так, чтобы стекала грязь, мужик радостно осмотрелся и умильно улыбаясь, сказал:

— О, девчонки, да ещё и городские!

Радость встречи с девушками помогла ему встать на ноги, обрести относительное равновесие и выйти из лужи. И, как настоящий джентльмен и патриот Тотьмы, он проводил их до самой гостиницы. Правда, до сих пор неясно, как он разглядел, что они не местные.

Потеря бдительности

Где-то я читала, что самые опытные и знающие специалисты своего дела чаще всего попадают в аварии, или с ними случаются совершенно невероятные вещи, которые скорее можно ожидать от молодых, только начинающих профессиональный рост, людей.

Дело было в геологической экспедиции, в Тотемском районе Вологодской области, где геологи искали нефть и газ. Они пробивали в земле шурфы и брали пробы почвы и пород.

Был в то время в бригаде старший мастер по взрывным работам Анатолий Шурин, или, как все любовно его называли, Толик. Он считался не просто опытным в своём деле человеком, а одним из лучших. В экспедиции работал много лет и даже жену свою Лиду всегда брал с собой, что разрешалось не всем. Она в бригаде состояла помощницей при шеф-поваре. Люди его за знания, доброту и отзывчивость, а уж каким балагуром он был, какие байки травил на отдыхе, цены ему не было! Вот и теперь Толик сидел на корточках, готовил взрывное устройство и что-то весело рассказывал окружающим.

В это время кто-то из ребят проходил мимо, и, чтобы человек не наступил на зачищенные концы проводов,

Анатолий бросил их под себя и, не удержав равновесия, сел на них. Дальше случилось непредвиденное: под Толиком раздался взрыв, причинивший большой ущерб его здоровью, а именно повредив его детородный орган, самый кончик которого, как разрезанный, распался на две части. У Толика был болевой шок, поэтому он только тихо выл, а вокруг него сутилась вся бригада, включая жену, и никто не знал, что делать. Кое-как ему остановили кровь и увезли в районную больницу.

Оказалось, что Толик в процессе общения подключил электрический детонатор вместо взрывной машинки к батарее питания, а сев на зачищенные концы замкнул электрическую цепь и невольно произвёл взрыв.

К счастью, всё закончилось хорошо, в больницу Толика доставили вовремя, и врачам не только удалось сохранить ему здоровье, но и не лишить его радостей семейной жизни, о чём застенчиво поведала друзьям его жена, через два месяца после этого происшествия.

Череповец и Череповецкий район

От врача скорой помощи, ныне
проживающей в городе Соколе

Дядя Коля

Дядя Коля, уважаемый участник двух войн, на склоне лет работал вахтёром на проходной крупной автобазы в Череповце. Водился за ним грешок — любил дядя Коля

выпить, а в подпитии собирал шоферов и самозабвенно рассказывал им о своём боевом прошлом. Бывало, что и привидал немногого, не без того.

Однажды, видя, что дядя Коля достиг нужной кондиции, ребята стали просить его:

— Расскажи, дядя Коля, как ты на финской воевал.

— Ох, воевал, ребятушки! Зимой дело было, мороз страшенный, снегу намело по самые подмышки, а командир вызвал меня и говорит: «Вот тебе, Николай, два напарника, отправляйтесь к врагу за языком!» Что делать, надели мы белые маскировочные халаты, встали на лыжи и в полном боевом снаряжении побежали в сторону финских укреплений, — дядя Коля всё больше входил в раж. — Бежим, в снег проваливаемся, взмокли все от напряжения. Уже и силы стали нас оставлять, вдруг видим: лес. Вбегаем в лес — а там поляна. А на поляне наши бабы рожь жнут!

Хохот на проходной стоял такой — у директора слышно было.

Коля-ж...

Почему дядю Колю так прозвали, уже никто не помнит, однако кличка эта приклеилась к нему намертво. Как это часто бывает, обидная составляющая клички стала привычной и утратила свою остроту. Шоферы так и называли Колю между собой, и даже забыли его фамилию.

Однажды из-за какой-то очередной провинности, которая стала последней каплей в долготерпении директора базы, Колю вызвали на ковёр:

— Ну всё, Николай, поработал и хватит, пиши заявление об уходе, и чтоб завтра же духу твоего здесь не было.

Дядя Коля вернулся на проходную и попросил первого подвернувшегося молодого водителя:

— Слушай, напиши за меня заявление об уходе, а то у меня правая рука не слушается, да и не знаю я, как эти заявления писать.

Парень согласился, быстро оформил бумагу и говорит:

— Подпиши, дядя Коля, — а тот ему в ответ:

— Сам подпиши, какая разница, никто смотреть не будет.

Водитель подписал: «Коля-ж...», — и отдал заявление секретарше директора. Секретарша, не глядя, отдала его директору на подпись.

На следующее утро директор вызвал к себе дядю Колю и громыхнул:

— Кто заявление писал?

Николай сознался. Вызвали виноватого водителя.

— Как ты мог такую подпись на официальной бумаге поставить? — гневно спрашивал директор.

— А его все так зовут, мы другого имени не знаем! — оправдывался водитель.

Рассказы от жительницы Череповца

Двор

Когда я была маленькая, часто летом ездила к бабушке в деревню на реке Сухоне. Однажды у

наших соседей гостила племянница моих лет из Москвы. Она часто играла с деревенскими ребятишками.

Однажды мы сидели дома, нам было весело, а городская гостья всё ныла:

— Пойдёмте во двор! Пойдёмте играть во двор!

Наконец моя соседка Катька не выдержала и говорит:

— Пошко во двор, там же г...!

Надо понимать, что городское слово «двор» и деревенское имеют совершенно разное значение. По-нашему двор — это хозяйственное помещение в доме, где держат домашний скот, а уж там не без навоза.

Оболочку потеряла

Ясама городская, живу в Череповце. На работе мне дали путёвку в санаторий «Новый источник». Иду я по коридору в санатории, а навстречу бежит старушка и плачет, заливается. Я к ней:

— Что с вами, не надо ли помочь?

А она сквозь слёзы говорит:

— Оболочку свою потеряла! Украли оболочку-ту!

Я ничего понять не могу. Взяла её за руку и повела в комнату, где женщины из Никольска жили.

— Помогите, — говорю, — старушке, я не понимаю, что с ней случилось.

Оказалось, что оболочкой в деревне называют верхнюю одежду. А у старушки пропала плюшевая жакетка, потом её в столовой нашли, бабушка забыла.

Интервью

Сижу я как-то в кухне и завтракаю, а по радио передают интервью с молодой дояркой, которая пошла работать в коровник сразу после школы. Корреспондент мягким интеллигентным голосом говорит ей:

— Все ваши одноклассники уехали поступать в институты и университеты страны, а вы остались работать в родном колхозе. Это похвально. Расскажите нашим слушателям, почему вы остались в деревне, что побудило вас принять такое решение?

Только я набрала полный рот чаю, как девушки довольно грубым басом ответила:

— Полюбились мне коровы, да и всё!

Я от неожиданности подавилась и выплюнула весь чай на скатерть.

Анекдот

Идут две подруги из лесу с грибами, только перешли мосток через речку, одна другой и говорит:

— Хочешь, анекдот расскажу?

И только рот открыла — с мостка и свалилась, лежит, хоть и больно, а руку с корзиной вверху держит, чтобы грибы не рассыпались, и говорит:

— Вспомнила череповецкую присказку: шла овча мимо крыльча, да как екнеча и перевернеча. Овча, овча, хочешь белого хлебча, а она и не шевелича!

Обе хохоту до слёз.

Шекспинский район

Галина Александровна Говязина, учительница русского языка из пос. Огарково Вологодского района, много лет собирала диалектные слова и выражения со своими учениками. Она подарила мне эту прибаутку на память. Надо сказать, что впоследствии эту же самую историю с небольшими модификациями мне рассказывали в Нюксенице и в Верховажье.

Поездка к сыну в Москву

Как отправила я своею сыночку Митеньку в Москвишшу, туды, где карточки-то тепают. И пишот мне сыночек Митенька:

- Приезжай, мамаша, цайцику с лимончиком пить!
- Я и говорю:
- А щё, Матрёна, поиdem али не поиdem?
- А совёт, дак поиdem.

Приихали мы в Москвишшу! Попили цайцику с лимончиком. Митенька и говорит:

- А щё, бабоньки, пошлите, на бульварчик, погуляем.

Пришли мы на бульварчик, а там народу-то цельная туцкая, цельная туцкая! Мы в толпе-то Митеньку и потерели!
Я и говорю:

- А щё, Матрёна, потерели, дак позычем!
- Я разок и зыкнула:
- Митеньку-у-у!
- Вдруг как по затылку-то мне шарахнут!

Говорят:

— Не разевай, баба, пась, а то и не так попадёт!

Я и говорю:

— А щё, Матрёна, пострекали, пока и тебе-то не попало!

Вот мы стрекали, да стрекали, да до тиянтеру и дострекали! А в тиянтере-то лисница всё винтом, да винтиком, винтом, да винтиком! А на вирхней-то лиснице стоит клопционер и говорит:

— Дайте-ко, бабоньки, ваши билетики!

Подали мы по пупончику, оторвали у нас по кончику.

Говорят:

— Проходите.

Пришли мы в тиянтер, а там народу-то — тут куцкя, там куцкя, туды — дыра. Туды мы и сили.

— Всё, — говорит Матрёна, — у меня левым-то сопогом правую ногу трёт!

А я говорю:

— Ты сопоги-ти сымы, а онуци-ти росвись!

Не успела она одново сопога снять, тут большое-то портянишше как раздернутсы, музыка-то как шаражнёт! Кто на сопилке, кто на дудилке! А у одного дак цельное комодишшэ, цельное комодишшэ! Тут супруг с супругой выскоцили. Супруг супругу как пнёт, а супруга-то как заревит! Я и говорю:

— А щё, Матрёна, пострекали, пока и нам-то не попало!

Вот мы с этой вирхней-то лисници не помню, как скатились, да не помню как на фатере у Митеньки оцютились.

— Вот, бабоньки, какие дела бывают!

Продолжение (стилизация)

— А щё, Матрёна, пока в Москвишше, дак пойдём на метро поглядим. Говорят, там на лиснице станешь, а она сама так и везёт, так и везёт.

— А совёшь — дак пойдем!

— Вот и пошли мы с Матрёной в метро. Пришли мы в метро, а там сразу у входа лисница небольшая, мы на неё стали и стоим. Матрёна и говорит:

— А щё, лисница везёт али не везёт?

— Вроде, девка, не везёт! Постояли мы на ей ешшо, росстроились, да и пошли на улицю.

А на улице оцередь большущая. Все стоят и мы стали. Думаем, дойдет оцередь до нас, мы и увидим, какой товар дают. Достояли до самого концика, смотрим, а там цюлки дают с цёрной пяткой и со стрелкой.

Я и говорю:

— А щё, Матрёна, нать тебе таки цюлки?

— Как не нать? Мне как раз с цёрной пяткой нать, в лес ходить за губиной.

Как увидели мы цену, испугалисе, да и постrekали домой к Митеньке.

ЭПИЛОГ

В заключение хочу сказать, что эта книга ожила с того момента, как началась, и, как человек, повела меня за собой. Я путешествовала вместе с ней по родной области наяву и в рассказах своих героев, переживала их радости и горести, заглядывала в их души, искала и находила в них ответы на многие вопросы, которые до сих пор оставались без ответа.

С каждой новой главой, с каждой новой встречей с респондентами менялось моё отношение к деревне, к крестьянам, вообще к жизни. Два последних года я параллельно с написанием книги выступала перед читателями в Вологде, в районных центрах и в удалённых деревнях и рассказывала им свои бывальщины. Мы обсуждали их, и я проверяла, верно ли они написаны, нужны ли, греют ли душу, тот ли временной пласт я пытаюсь сохранить и отправить в национальную память своей страны. Два года слушатели радостно принимали мои рассказы и говорили, что с нетерпением будут ждать их появления в печати. В беседах с ними я отдавала всё хорошее, что есть в моей душе и получала взамен любовь, внимание, искренность и доверие.

Ко многому, казалось бы, привычному и известному пришлось вернуться и в наших нынешних исторических обстоятельствах осознать вновь. Например, утвердиться в том, что наша жизнь – непреходящая ценность, и её нельзя бездумно перекраивать и изменять; человека нельзя унижать, его надо любить и верить в него; нельзя ломать исторически сложившийся уклад жизни;

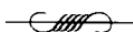

нельзя забывать прошлое и просто оханивать его, а лучше разобраться в его хороших и плохих сторонах. Не нова мысль о том, что без прошлого нет настоящего и невозможно будущее. Но это так, это подтверждается всеми моими респондентами и слушателями. Для того чтобы у нас и у наших детей было настоящее и будущее, написана эта книга.

Работа над ней спасала меня весь тяжёлый и страшный для меня 2013 год, когда я пыталась привыкнуть к мысли, что моей любимой сестры больше нет. Мне помогали жить герои бывальщин, друзья и родные, чужие люди, посланные судьбой, которые шли за мной и со мной по первому зову.

Книга «Вологодская бывальщина» получилась обёмной, несмотря на то, что в неё вошли истории лишь из нескольких районов области. Каждая глава посвящена какому-нибудь одному району. И лишь в восьмую главу попали те немногие рассказы о жителях Череповца и Череповецкого района, Кириллова и Белозерска, Сямжи, Великого Устюга, Тотьмы и Шексны, которые мне удалось собрать среди вологжан. Мне просто не хватило сил и средств, чтобы добраться в эти места.

Зато я мечтаю когда-нибудь всё же попасть туда и написать ещё одну книгу о своей любимой Вологодчине.

корректор и верстка Лия Робертовна Головина.

фото на обложке предоставлено ЦНТК «Пожарище»
Нюксенский район Вологодской области.

Формат 84x108/₃₂. Усл. печ. л. 18,1
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Зак.№ 371
Отпечатано в ИП Киселев АВ

